

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

Юридический институт

ВОПРОСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ
И ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
(междисциплинарное исследование)

Монография

Москва
2018

УДК 342.7
ББК 67.400.3
В 74

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГАОУ ВО МГПУ*

Авторский коллектив:

кандидат юридических наук, доцент *С.А. Бурьянов*,
доктор исторических наук, профессор *А.И. Кривенький*,
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*,
кандидат юридических наук, доцент *Г.В. Романова*

Общая редакция и предисловие:

доктор исторических наук, профессор *А.И. Кривенький*,
кандидат юридических наук, доцент *С.А. Бурьянов*

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН,
доктор юридических наук, профессор *И.З. Фархутдинов*,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института МГПУ, доктор юридических наук, профес-
сор, заслуженный юрист РФ *С.Н. Чурилов*

В 74 Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование): монография / авт. колл.: С.А. Бурьянов, А.И. Кривенький, Д.А. Пашенцев, Г.В. Романова; под общ. ред. А.И. Кривенького, С.А. Бурьянова. – М.: МГПУ, 2018. – 200 с.

В монографии исследуется практически не разработанная проблема правового регулирования защиты культурных прав человека и гражданина в условиях глобализации культуры. Глобализация ведет к потере культурной идентичности целых этносов и народов, не говоря уж об отдельном человеке. Эта идентичность и культурные права, которые, наряду с экономическими и социальными, являются самостоятельной категорией, должны быть защищены.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистров и студентов юридических вузов и факультетов словом, всех, кто интересуется вопросами культуры, защитой и сохранением культурных прав человека и гражданина.

ISBN 978-5-243-00592-0

© ГАОУ ВО МГПУ, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ I. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Глава I. Соотношение культурных прав народов и отдельного человека в условиях глобализации культуры	11
§ 1. Разнонаправленное воздействие процессов глобализации на развитие современной мировой и национальной культуры	11
§ 2. Вопросы культурных прав народов и человека в условиях глобализации.....	19
§ 3. Понятие и основные характеристики культуры	25
§ 4. Сущность и природа культурных прав человека и гражданина	35
Глава II. Основные источники правового регулирования культуры и прав человека на культуру	46
§ 1. Право и законодательство в системе координат культуры	46
§ 2. Национальные источники правового регулирования культурных прав человека	50
§ 3. Международные источники и стандарты культурных прав человека.....	57
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Глава III. Права человека и гражданина на образование как основу их культурного развития в условиях глобализации общественных отношений	65
§ 1. Конституционные гарантии права на образование и культура как основание содержания образования.....	65
§ 2. Проблемы и перспективы доступности дошкольного образования в современных условиях	69
§ 3. Общее образование: доступность для всех и каждого.....	76

§ 4. Формирование и реализация среднего профессионального образования	85
§ 5. Пути развития высшего образования в России.....	98
§ 6. Значение дополнительного и непрерывного образования для повышения культурного уровня граждан России.....	102
Глава IV. Право на свободу творчества и исключительные права (интеллектуальную собственность)	111
§ 1. Право на свободу творчества и свободу научных исследований	111
§ 2. Право на свободу преподавания.....	118
§ 3. Охрана интеллектуальной собственности как результата умственной творческой деятельности	125
§ 4. Право на создание и распространение результатов науки и культуры	130
§ 5. Право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения	135
Глава V. Свобода совести как культурное право человека в условиях глобализации общественных отношений.....	142
§ 1. Место свободы совести в системе координат культуры.....	142
§ 2. Понятие свободы совести в системе прав человека	146
§ 3. Соотношение светскости государства и свободы совести ...	150
§ 4. Характерные особенности реализации права на свободу совести	157
РАЗДЕЛ III. РАСШИРЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ НА УЧАСТИЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА	
Глава VI. Участие граждан в культурной жизни общества.	168
§ 1. Особенности правового регулирования культурной жизни и участия в ней граждан.....	168
§ 2. Право граждан на доступ к культурным ценностям и на пользование учреждениями культуры.	173
§ 3. Обязанность государства и общества сохранять историческое и культурное наследие, беречь памятники истории и культуры	179
Библиографический список	185

«Человек всегда стремится к свободе.

Человек культурный — к свободе и праву:
к свободе, регулируемой правом и правом
обеспечиваемой».

С.Ю. Вумме

ПРЕДИСЛОВИЕ

В заявленной работе мы намерены рассмотреть правовое регулирование и защиту культурных прав человека и гражданина в эпоху глобализации. Глобализация как сравнительно новый феномен, исследуемый на стыке различных наук, вызывает к себе весьма эмоциональное и разнообразное отношение. Это в равной мере относится к глобализации и в области культуры. Для одних, по оценке видного исследователя глобальной культуры Питера Бергера, это благо, «предвестник начала новой эры мира и демократии», для других глобализация означает культурную гегемонию США, «в результате чего культура во всем мире станет однородной» [112: с. 9].

Возможно, это преувеличение. Но в таком случае исследовать вопрос о культурных правах отдельного человека и гражданина в условиях потери культурной идентичности является тем более перспективным занятием. И актуальность этой проблемы очевидна. На симпозиуме Междисциплинарного института этики и прав человека Фрибургского университета в Швейцарии, в сотрудничестве с Национальной комиссией Швейцарии по делам ЮНЕСКО, *«культурные права были признаны в качестве недостаточно разработанной категории прав человека как на практике, так и в теории»* [112: с. 12]. При поддержке ЮНЕСКО была создана рабочая группа для подготовки Проекта декларации по культурным правам, которая к сентябрю 1997 г. обнародовала его. *Признание и осуществление культурных прав, говорится в Декларации, сочтено крайне важным для «охраны и содействия развитию культурной самобытности и поощрения выражения различных культур и межкультурного диалога в демократических обществах.*

Любое право, которое есть у личности, обеспечивает обладание какими-либо конкретными личными и социальными благами. Культурные права, в сравнении с другими, обеспечивают гораздо более широкий спектр благ. Их невозможно сравнивать с экономическими или социальными правами, где преобладают количественные показатели, тогда как в культурных правах в большей степени качественные. В культурной сфере эти показатели — предопределяют развитие творческих сил и способностей человека, его участие в создании материальных и духовных ценностей, обеспечение доступа к пользованию ими, удовлетворение своих духовных потребностей [145: с. 67]. Тем не менее культурные права и свободы всегда рассматривались и рассматриваются в комплексе. Именно поэтому уже в первых документах ООН по правам и свободам человека постоянно подчеркивалась взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодополняемость всех существующих категорий прав и свобод человека: гражданских, политических, экономических, социальных и культурных.

Итак, в системе прав человека культурные права подлежат правовой регламентации и защите в таких же позитивных и негативных обстоятельствах, которые вызываются глобальными процессами в сфере политических и социально-экономических отношений. Вот почему исходная картина, которая легла в основу нашего исследования, такова. С одной стороны, реальный вызов культурным правам человека исходит от «зарождающейся глобальной культуры — в основном западной и, разумеется, американской по своему происхождению — и распространяется во всем остальном мире на уровне как элит, так и широких масс» [145: с. 67]. С другой стороны, миллионы людей во всем мире, которые все чаще используют английский язык (скорее, в американском, чем в английском, варианте) в качестве языка международного общения, «делают это, главным образом, из практических соображений» [145: с. 10]. И делают это миллионы, в особенности молодых, людей чаще всего не для того, чтобы читать в оригинале Шекспира или Фолкнера, а для того, чтобы «пользоваться Интернетом и иметь больше шансов на получение

хорошей работы» [145: с. 10]. Это верно как для молодых китайцев, так и для немцев, литовцев, русских. Использование иностранного языка никогда не проходит для человека бесследно, ибо любой язык как основной носитель культуры «имеет под собой культурный пласт познавательных, нормативных и даже эмоциональных коннотаций. То же самое справедливо и в отношении американского языка, независимо даже от взглядов и ценностей, которые пропагандируются американскими СМИ» [145: с. 10].

То, с чем соглашаются все, как правило, не бывает ошибочным. Поэтому обе эти тенденции, ведущие к глобализации культуры, по-своему являются не надуманными, а вполне реальными. А поскольку культурные права человека производны от культуры в целом, то в совокупности всех их элементов они включают в себя многообразные результаты деятельности людей в сфере культуры, развивающейся в условиях данных противоречивых тенденций. Это — результаты создаваемых культурных ценностей, результаты познания произведений искусства; это — нормы морали и права; это — способности человека, реализуемые в ходе его повседневной деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей) [145: с. 67].

Как никакая другая сфера человеческой цивилизации, культура представляет собой комплексную совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении [114: с. 24]. Культура включает в себя два основных компонента: первый — «объективные результаты деятельности людей (машины, технические сооружения, результаты — познания книги, произведения искусства, нормы права и морали и т. д.; второй — субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (ощущения, восприятия, знания, умения, производственные и профессиональные навыки, уровень интеллектуального, эстетического и нравственного развития, мировоззрение, способы и формы взаимного общения людей и т. д.) [114: с. 24]. То есть сфера культуры не свободна от экономических и технологических преобразований, которые как раз и породили

само явление глобализации. Скажем больше, объективно в культурных правах человека так или иначе присутствуют элементы социально-экономических и политических отношений, а также сочетание элементов общих и личных прав (например, право на мировоззрение, право на свободу совести и т. п. права, тесно связанные с понятием культуры человеческого общества и самого человека).

Общепризнанным является общее положение о том, что в условиях глобализации культуры культурные права продолжают оставаться неотъемлемой частью универсальной концепции прав человека. В Международном билле о правах сущность универсальной концепции прав человека определяется как признание человеческого достоинства и прав человека наивысшими абсолютными ценностями; производность прав человека от велений государства и неотчуждаемость их; равенство людей в достоинстве и правах человека; несовместимость прав человека с тиранией и угнетением, страхом и нуждой, произволом и преступностью; признание ценностей демократии, правосудия; обеспечение системы международных и внутригосударственных гарантий прав человека. Более широкий спектр элементов, характеризующий содержание универсальной концепции прав человека, излагает в своей монографии И.В. Шишенина: это — признание всей системы взаимосвязанных гражданских, политических, социальных и культурных прав, их связь с обязанностями; недопустимость провозглашения приоритета одних прав над другими; признание ценностей демократии, правосудия; обеспечение системы международных и внутригосударственных гарантий прав человека [170: с. 39].

Кроме оснований, указанных выше, исследование культурных прав человека важно и по другим причинам. Во-первых, это реальная возможность более глубоко понять противоречия, развивающиеся в теории универсальной концепции прав человека и, естественно, проявляющиеся в жизни людей. Как совершенно справедливо подчеркнул В.Н. Меркушев, «экономическая интерпретация универсальности прав человека, однако, не принимает

во внимание тот факт, что процессы модернизации и развитие стандартов по правам человека в теории, так же как и в международном и национальном законодательствах, не всегда совпадают по времени и относятся к разным историческим периодам» [106: с. 35]. Во-вторых, формирование глобальной космополитической культуры может происходить не только на основе превращения экономики в глобальную (что, собственно, уже свершилось в современном мире), но и на основе общей эволюции культуры, или культурной конвергенции, в центре которой, как и в центре культуры всех прав человека, лежит *достоинство человеческой жизни* [135: с. 102]. Именно достоинство человеческой жизни неразрывно связывает культурные права человека с его гражданскими, политическими и социально-экономическими правами. В-третьих, процесс модернизации стал одним из факторов «раздела мировых культур на два основных типа: центральную и периферийную» [106: с. 35–36]. И это следствие того, что модернизация воздействует на страны неодинаково. Если это соотносить со странами с так называемыми дуалистическими экономиками (развивающиеся страны), то можно предположить, что «с процессом модернизации может быть связана больше, чем одна всеобщая культура. В этом случае представляется невозможным аргументировать универсальность прав человека с помощью концепции модернизации» [106: с. 35–36].

Но, как бы то ни было, культурные права человека и гражданина являются неразрывной частью универсальной концепции прав человека. В перечне прав человека культурные права занимают такое же существенное место, какое занимают в нем личные, политические, экономические и социальные права. Кстати, в истории государств были периоды (например, в первые годы Советской власти в России, в других странах, перешедших к строительству социализма, — Кубе, Вьетнаме, Китае), когда боролись не за демократию и гражданские, политические права, а за права социальные и культурные. Достаточно высокий уровень реализации и гарантированности этих прав вполне удовлетворял население СССР и был предметом гордости [109: с. 16]. Между

прочим, подобные исторические примеры и современная практика реализации прав человека, культурных в их числе, дают повод для противников универсальной концепции прав человека. Если бы «универсальная концепция прав человека действительно была бы универсальной, — пишет, например, М.В. Мишина, — проблем с ее реализацией в социалистических странах не возникло бы» [109: с. 16]. Словом, каждое мнение, даже сомнительной правдоподобности, имеет право на существование. В другом случае научное знание было бы недостижимым.

Свойства культурных прав таковы, что человек в конечном счете обретает свою личностную сущность только благодаря культурному опыту своей среды обитания (семьи, рода, народа). Да и характер отношений между людьми снова же определяется культурой.

Проблема культурных прав человека и гражданина освещается в трудах ряда отечественных и зарубежных авторов. Культурные права упоминаются во многих международных актах, конвенциях ЮНЕСКО, но «вопрос обо всем значении культурных прав как прав человека еще требует изучения» [109: с. 16]. Действительно, кроме журнальных публикаций, пока нет специальных исследований, посвященных регламентации культурных прав человека в контексте глобализации.

Данное коллективное исследование посвящено анализу культурных прав человека и гражданина в эпоху глобализации, их правовому обеспечению и практической реализации на международном и национальном уровне.

РАЗДЕЛ I

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глава I. Соотношение культурных прав народов и отдельного человека в условиях глобализации культуры

§ 1. Разнонаправленное воздействие процессов глобализации на развитие современной мировой и национальной культуры

Уже давно ученые пришли к убеждению, что современный этап общественного развития вошел в стадию постиндустриального *информационного* развития. Одной из главных особенностей данной стадии является то, что «среди решающих факторов исторического развития *главным становится культура* [90: с. 16]. И вовсе не случайно XXI век объявлен веком культуры.

Тесная связь культуры с глобальными процессами очевидна. Об этом пишут философы и культурологи, политологи и социологи, авторы других гуманитарных наук. Все они указывают на духовность культуры как основной критерий измерения ее сущности и культурной политики государств современного мира. Нам представляется, что основные направления и приоритеты взаимодействия культуры и глобальных процессов в сфере общественных отношений таковы:

– в мировоззренческом отношении — это рефлексия духовного смысла культуры в рамках универсальной системы «Человек – Общество – Природа», т. е. той системы, в которой развиваются практически все глобальные процессы;

– в онтологическом отношении — это целостное и многомерное видение космических, антропологических, социальных и натуралистических атрибутов культуры, которые характерны и для глобальных процессов в сфере общественных отношений;

– в эволюционно-историческом отношении — это единство духовного генезиса культуры с «естественным» и «искусственным» в Космосе, Человеке, Обществе и Природе.

Связь глобализации и культуры просматривается и в развитии американской культурной экспансии. Как справедливо заметил П. Бергер, «это преобладающая тенденция, которая проявляется и, вероятно, будет проявляться в обозримом будущем» [112: с 9]. Эта тенденция развивается в условиях острой конкурентной борьбы, которая ведется между основными глобальными центрами (США, Европа, Россия, Индия и Китай) не только в сферах геополитики, но и в сфере важнейших коммуникаций и природных ресурсов как основы развития экономики, а в сфере культуры — в условиях борьбы за умы и души целых народов.

По нашему мнению, в этой схватке геополитических гигантов за Евразию, с ее громадными ресурсами, человеческим капиталом, своими духовными началами и особенностями, завоевание признания можно расценивать как главный приз победителю. Этим победителем, при определенных благоприятных условиях, может стать Российская Федерация, для которой Евразийский проект, стартовавший в начале 2015 г., наиболее полно соответствует ее стратегическим интересам.

Это тем более верно, что и культура России является «не чисто» славянской, а, скорее, евразийской, ибо она «основана на синтезе культур славянской и азиатской, и именно эта культура связывает все этносы, проживающие на данном пространстве» [58: с. 12]. Причем евразийский мир объединяется «не на основе методов насилия и войн, а на путях культурного творчества и сотрудничества» [58: с. 12]. Но не только. Доктрина Евразийского экономического сообщества предусматривает развитие интеграционных процессов в социальной, экономической, культурной, правовой и управленческой сферах деятельности государств — членов Евразийского экономического сообщества.

Для понимания влияния культурного феномена на развитие мирового сообщества и суверенных государств в научный оборот современного культурного процесса вошли и активно используются такие парадигмы, как «диверсификация образования в сфере культуры», «субвекторность системы развития регионального образования в сфере культуры и искусства», «культура

как ресурс развития общества», «культура личности как ресурс развития общества», «капитализация культуры как производительной сферы общества» [58: с. 17]. Из сказанного следует, что в развитии современной цивилизации, а равно и отдельных государств, культура рассматривается и как экономический фактор, и как важнейший фактор общественных отношений.

Но нельзя забывать о том, что миссия, стоящая перед мировой культурой и культурой суверенных государств, реализуется в условиях распространения зарождающейся глобальной культуры. В исследовании, организованном П. Бергером и С. Хантингтоном в государствах Западной Европы, Китае, Японии, Тайваньской республике, выделяется четыре средства распространения зарождающейся глобальной культуры.

Первое из них С. Хантингтон удачно назвал *давосской культурой* (по названию швейцарского горного курорта, где ежегодно организуются международные экономические консультации на высшем уровне) — «международной культурой ведущих деловых и политических кругов мира. Ее основной двигатель, международный бизнес, — тот же самый двигатель, который управляет экономической и политической глобализацией» [112: с. 10–11]. Но субъектами данного средства распространения глобальной культуры являются не только те немногие, которых приглашают в Давос. В мире работают в бизнесе миллионы космополитов во всех отношениях, которые говорят, одеваются, ведут себя, развлекаются и даже в какой-то мере мыслят по-английски «и надеются, что когда-нибудь и они будут участниками элитных саммитов» [112: с. 11].

Второе средство распространения глобальной культуры — это глобализация западной интеллигенции, то, что Питер Бергер называет «*клубной культурой интеллектуалов*» [112: с. 11]. Распространяется она разными организациями, имеющими отношение к культуре. Среди них — академические структуры, фонды, неправительственные организации, некоторые правительственные и межправительственные учреждения. Это «идеи и правила поведения, выработанные западными, главным образом

американскими, интеллектуалами, — такие, как учение о правах человека, концепции феминизма, защиты окружающей среды и мультикультурализма, а также представления о политике и образе жизни, в которых воплощаются эти идеологические построения» [112: с. 11–12]. «Иностранцы, приезжающие в западную часть Федеративной Республики Германии часто бывают поражены тем, до какой степени Германия своей политической, экономической и социальной культурой напоминает Соединенные Штаты. Многим кажется, что Германия больше, чем любое другое западное государство, находится в авангарде зарождающегося глобального порядка, и нужно приложить особые усилия, чтобы обнаружить в ней культурные и социальные черты, характерные для прежней страны» [112: с. 131]. Но если для Германии такой уровень глобализации можно объяснить на культурном фронте стыдом за нацистское прошлое, что и способствовало «интенсивным поискам нового национального самосознания и тех культурных форм, которые могли бы помочь формированию на легитимных основаниях новых культурных стилей и их проявлению» [112: с. 131], то для многих представителей народов России влияние американских культурных и идеологических построений вряд ли можно объяснить тем, что США вместе с СССР сражались против германского фашизма, стыд за который гложет культурную элиту Германии, на едином антифашистском фронте. Согласимся положить руку на сердце, что американская массовая культура не просто признается, но и положена в образ жизни большого числа российских граждан (и далеко не всегда только молодых) самых разных профессий, национальных культур, вероисповеданий и иных культурологических пристрастий, т. е. всех тех, «кто хочет добиться успеха на поприще элитной интеллектуальной культуры» [112: с. 134].

Третьим и, пожалуй, наиболее наглядным средством распространения глобальной культуры являются способы внедрения *массовой культуры*, тиражируемые коммерческими предприятиями всех видов (Mc Donald,s, Disney и мн. др.) И, хотя «большая часть массовой культуры, — замечает П. Бергер, — носит поверхностный

характер — в том смысле, что не оказывает серьезного влияния на взгляды, систему ценностей и поведение населения... масштабы этого проникновения едва ли можно преувеличить» [112: с. 134].

Наконец, четвертым средством распространения глобальной культуры являются массовые движения того или иного типа. Наиболее успешными в распространении глобальной культуры можно считать евангелический протестантизм, особенно пятидесятничество. Обращение в пятидесятничество, которое на территории России исповедуется достаточно широко, «меняет отношение людей к семье, сексуальному поведению, воспитанию детей и, что самое главное, к работе и экономике вообще» [112: с. 15–16]. Эти изменения не обязательно будут основательными, но то, что они формируются у членов подобных религиозных общин и проявляются, наряду с традиционными, по истечении определенного времени, становится очевидным.

Между описанными выше сферами культурной глобализации проявляются как совпадения, так и противоречия. Это происходит на уровне элит и на уровне широких масс. Но, как полагает П. Бергер, между ними есть один аспект, который присутствует во всех этих сферах. Это — индивидуализация, т. е. когда «все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют независимости индивида от традиции и сообщества... Поэтому появляющаяся глобальная культура, — пишет П. Бергер, — весьма привлекательна для всех, кто высоко ценит личную свободу и стремится реализовать ее как можно полнее» [112: с. 16]. И вряд ли можно найти серьезные факты, кроме, может быть, различного понимания идеи «свободного индивида» на почве культурной регионализации, противостоящей культурной глобализации, чтобы возразить этому. Действительно, то, что кажется иногда единой точкой зрения, на самом деле оказывается не американской, а чисто европейской и совершенно не связанной с тем, что обычно называется «западным понятием о данном предмете». Так, европейские интеллектуалы полагают, что именно они представляют универсальные глобальные ценности и считают себя «частью демократического экономического строя и сторонниками

этических норм, которые, в конце концов, получают признание во всем мире и будут определять собой «глобальную культуру» [112: с. 150].

Так что не все потеряно безвозвратно. Российская культурная доктрина исходит из презумпции, что эпицентром существования и развития культуры, а, следовательно, и реализации культурных прав в условиях культурной глобализации является человек, стоящий на путях своего культурного выбора: «человек разрушающий или человек созидающий; человек, слепо рефлектирующий или человек осознанно действующий; личность, делающая выбор, который опирается на «опыт истории», или личность, наступающая на пресловутые тупиковые «грабли»; человек права или человек гармонии правовой нормы и морали, нравственной традиции, гуманистически ориентированных ценностей» [90: с. 17]. Данные характеристики не появляются вдруг и неведь откуда, они являются результатом культурного воспитания, результатом роста формирования и развития человека в конкретной национальной культурной среде. Есть серьезные основания утверждать, что уже современная российская культурная элита вместе с культурными элитами дружественных стран, несмотря на законодательное закрепление «новых ценностей» (однополых браков, права таких супругов на усыновление, суррогатного материнства и др.) в США и Европейском Союзе и навязывание их везде и всюду в противовес традиционным, исторически сложившимся человеческим ценностям, имеет полное моральное право вести активную работу по формированию такой культурной среды, в которой именно традиционные человеческие ценности станут идеалами «глобальной культуры».

Вопрос в том, какой будет эта среда. Если говорить об изоляции от глобальной культуры, то это обязательно требует изоляции и от глобальной экономики, что для многих современных государств, России в том числе, является затруднительным решением. Правда, некоторые страны пытаются совместить изоляцию от глобальной культуры с активным участием своих стран в глобальной экономике. Самым ярким примером является Китай, в меньшей

степени Россия. Но такое балансирование — занятие не из легких и не всегда ведет к положительным результатам.

Спасительными могут быть здесь обстоятельства, которые принято называть локализацией: «глобальная культура принимается, но с существенными местными видоизменениями» [112: с. 117]. Дело в том, что в процессе политической и экономической интеграции культурное сближение не всегда проходит столь же оперативно. «Человек, воспитанный в рамках другой культуры, — пишет Н.А. Макарова, — не способен в одночасье воспринимать новые для себя ценности» [102: с. 64]. Но у так называемой локализации может быть еще более глубокий смысл. «Так, буддистские движения на Тайване заимствовали многие организационные формы американского протестантизма, чтобы распространять религиозное учение, в котором нет ничего американского, ничего западного» [112: с. 64].

Итак, процессы культурного развития государств и гарантии культурных прав человека уже не одно десятилетие находятся под влиянием процессов глобализации. Эти процессы влияют на развитие национальных культур разнонаправлено — как положительно, так и отрицательно. Отрицательные угрозы глобализации в сфере культуры «можно подразделить на несколько видов...» [85: с. 64].

Как уже отмечалось, развитие глобализации порождает культурные угрозы в виде универсализации культур народов и подчинение «единому космополитическому порядку развития» [102: с. 64].

Это может привести к потере национальной идентичности и господству глобализационных процессов в сфере культуры, «к утрате возможности позиционировать себя в качестве активных субъектов нового глобального мироустройства» [102: с. 64]. Однако наличие такой деструктивной опасности для национальной культуры вызывает протестное движение в виде локализации, означающей, что глобальная культура принимается, но с существенными изменениями в духе своей самобытной культуры.

Понятно, что такое культурное развитие невозможно без защитных средств со стороны суверенных государств. Эта защита

состоит в способности «отстаивать, пропагандировать, распространять на другие страны и регионы свои культурные ценности и влияние в сфере культуры, создавать положительный имидж нации и стимулы к взаимообменам, проводить самостоятельную культурную политику как внутри страны, так и вовне» [102: с 64].

Возникает вопрос, а как отвечает на отрицательные вызовы глобализации в области культуры Российская Федерация?

Можно сказать, что в последние годы здесь происходит много интересного. Так, в Совете по культуре и искусству при Президенте РФ создана и действует рабочая группа (возглавлял бывший руководитель Администрации Президента РФ С.В. Иванов). Рабочая группа подготовила и по распоряжению Президента РФ В.В. Путина вынесла на общественное обсуждение проект «Основ государственной культурной политики» [97: с. 22].

«Вне культуры, — указывается в Проекте, — невозможно обеспечить более высокое качество общества, его способность к гражданскому единству, к определению и достижению общих целей развития». «Цель государственной культурной политики, — говорится далее в Проекте, — духовное, культурное, национальное самоопределение России, объединение российского общества и формирование нравственной, самостоятельно мыслящей, творческой, ответственной личности на основе использования всего потенциала отечественной культуры» [97: с. 22–23].

Из двух приведенных здесь абзацев Проекта можно сделать следующий вывод: современная государственная культурная политика России состоит, во-первых, — в том, что без всемерного развития культуры невозможно обеспечить качественное развитие общества и гражданское единство; во-вторых, — в том, что без развития собственной культуры невозможно национальное самоопределение России; в третьих, — в том, что конечной целью развития отечественной культуры является формирование «самостоятельно мыслящей, творческой, ответственной личности».

§ 2. Вопросы культурных прав народов и человека в условиях глобализации

Проблема культурных прав народов¹ и отдельного человека и их защита все в большей степени дает о себе знать. Глобальные процессы, протекающие в мире особенно активно на протяжении последних десятилетий, способствуют интегративным изменениям не только в политике и экономике, но также в социальной и культурной сферах. Причем на практике развитие культурных процессов нередко идет опережающим образом и выходит на первый план.

Исторически понятие «культурные права народов» было закреплено в ряде международных актов, в частности, в Декларации ООН от 9 декабря 1948 г., в Международных пактах о политических и гражданских правах, об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (вступили в силу в 1976 г.). В ст. 15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах указывается: участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на: а) участие в культурной жизни; б) пользование результатами научного прогресса и их практического применения; в) пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является. Государства, участвующие в Пакте, обязаны обеспечить полное осуществление этого права, включая те, которые необходимы для охраны, развития и распространения достижений науки и культуры. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу, безусловно, необходимую для научных исследований и творческой деятельности. Участвующие

¹ В правовом значении понятия «народ» «права народов» понимаются и трактуются достаточно широко и противоречиво. Столь же противоречиво трактуются и понятия «культурные права народа», «право народа на культуру». Более определенно трактуется понятие «культурные права коренных народов». См., например, Проект декларации ООН о правах коренных народов (ст. 12. и ст. 29).

в настоящем Пакте государства признают пользу, извлекаемую из поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной областях.

Исходя из текста Пакта, целесообразно поставить вопрос, какое влияние оказывают культура в целом и культурное развитие отдельных государств на современную цивилизацию?

Ответ на этот вопрос следует начать с констатации того, что даже самые общие очертания будущего глобального мироустройства сегодня не ясны: «<...> глобализация, — полагает М.Т. Степанянц, — не представляет собой ни единственного обещания, ни единственной великой угрозы» [153: с. 3]. Не ясны и контуры будущего Российской Федерации в будущем мироустройстве. На сей счет бытуют разные мнения. Одни полагают, что возможен возврат к «сверхдержавности», другие настроены довольно скептически и считают, что глобализация представляет реальную угрозу для «российской цивилизации», третьи говорят, что наша страна имеет реальные шансы стать «одним из полюсов многополярного мира» [153: с. 3–4].

Как нам представляется, наиболее возможным, реальным и благополучным для собственных граждан и наиболее желанным для нашего государства является его соответствие третьему сценарию. Об этом свидетельствуют неоднократные социологические исследования. Например, по итогам опросов, руководитель отдела социокультурных исследований Левада-центр Алексей Левинсон считает, что нынешние жители Российской Федерации, как, возможно, и их руководители, всерьез не верят в восстановление былой империи. И хотят «просто жить хорошо» [153: с. 5]. А жить просто хорошо можно только в странах с развитой экономикой, где важнейшим показателем «будет научно-технический потенциал стран, открытость и жизнеспособность их культур, динамизм и привлекательность их образа жизни» [153: с. 6].

Эта привлекательность не может быть обеспечена вне индивидуального выбора каждого и зависит более всего от нас самих. Основой для объединения индивидов в общество может быть только культура; в то же время именно реализуемые во всем объеме

культурные права делают членов общества «индивидами в той мере, в какой они владеют культурой» [153: с. 11]. Сегодня есть все основания предположить, что главным ресурсом будущего окажутся как раз творчество, образование, культура, которые пока недооценены и экономически ущемлены в России.

Понимание неблагоприятных последствий такой ущемленности находит воплощение в официальных документах по культурной политике. Так, в «Основах государственной культурной политики», о которых шла речь выше, особо подчеркивается: «Цель государственной культурной политики — духовное, культурное, национальное самоопределение России, объединение российского общества и формирование нравственной, самостоятельно мыслящей, творческой, ответственной личности на основе использования всего потенциала отечественной культуры» [97: с. 23].

Но одно дело — пусть даже самый совершенный программный документ, посвященный развитию культуры, другое дело — его воплощение в жизнь. Это можно осуществить только совместными усилиями государства и его граждан. В связи с этим как тут не вспомнить вечную истину: когда стремишься получить от своей жизни определенные результаты, важно применить свои главные качества. Это в равной мере относится и к отдельному человеку, и ко всему обществу в целом.

Конечно, для успешного развития общества необходимо всеобщее повышение культурного уровня, потому что от этого уровня зависит все, что создано умом и руками человека. «Сегодня, — пишет В.Л. Кургузов, — как воздух, нужна культура в экономике, в политике, в социальных отношениях, культура духовного мира человека и общества...» [92: с. 26]. Таким образом, уровень культуры народа всегда определял, а сегодня определяет в еще большей степени, все сферы созидательной деятельности общества и государства и, разумеется, благополучие этого народа.

Однако в условиях глобализации существуют угрозы культурному благополучию государств, выражающиеся в виде унификации и унификации культур народов, вовлеченных в этот процесс. Действительно, в ходе глобализации возникает угроза

самобытной культуре отдельных народов, малых народов в особенности. Это выражается в оскудении, подчинении массовой культуре, которая развивается на коммерческой основе и нередко обслуживает, скорее, коммерческие, а не духовные потребности. На фоне глобализационных процессов в сфере культуры возможна потеря культурной идентичности, утрата «возможности позиционировать себя в качестве активных субъектов нового глобального мироустройства» [132: с. 64]. Поэтому борьба за выживание культуры — это борьба не только за обеспечение безопасности в сфере культуры, но и за сохранение отдельных этносов и государств. Это выживание означает не что другое, как необходимость развиваться на основе культурной идентификации и национально-культурной консолидации, отстаивания своих собственных культурных ценностей — фундамента всякой культуры [132: с. 25].

Особой областью борьбы за культурные права и культурное выживание является борьба за осуществление данных прав коренными народами. Концептуальные рамки этих прав предложены профессором Даес (Erica-Irene Daes). Он возглавил Рабочую группу по разработке Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП). В соответствии с этой концепцией культурные права коренных народов должны рассматриваться «как единое целое без отчуждения, относящееся ко всей общине, при одновременном наличии групповой и индивидуальной ответственности, а также как нечто такое, чем пользуется община постоянно» [177: с. 92]. Поясним подробнее. Дело в том, что в своем большинстве правовые акты западных стран, касающиеся прав человека, охраняют права отдельных лиц. Не являются исключением из этого правила и культурные права человека в общем их понимании, «в то время как отстаивание культурных прав коренных народов часто имеет прочную общинную или коллективную основу. Коренные народы не склонны рассматривать охрану культурного наследия в качестве права отдельного лица. В их представлении язык и культуру может создать только община, отсюда в целом человек может воспользоваться ими только в условиях общины. Они, по существу, вне зависимости от того, признается это или нет, являются коллективными правами» [177: с. 92].

С учетом сказанного вряд ли будет правильным подвергать сомнению защиту культурных прав отдельных лиц, принадлежащих к общине коренных народов, о чем говорит содержание разработанного Факультативного протокола к МПГПП. Особое внимание рабочая комиссия под руководством профессора Даес уделила ст. 27 МПГПП, в которой предусматривается следующая норма: «В государствах, где существуют этнические, религиозные или лингвистические меньшинства, лица, принадлежащие к таким меньшинствам, не лишаются права в общине, наряду с другими членами их группы, пользоваться плодами их собственной культуры, исповедовать и практиковать их собственную религию или пользоваться их собственным языком» [112: с. 5]. Правда, каждая коренная община сама «определяет равновесие между личными и коллективными правами, которые возникают на основе их «собственности» [112: с. 109].

Очевидно, что культурно-историческая идентичность этносов и народов подразумевает особенности местной культурной среды, включая и объекты культурного наследия. Эти проблемы в культурном развитии, особенно в начале нынешнего века, в полной мере коснулись и Российской Федерации. В условиях новой России стремление всех 180 народов, проживающих на ее территории, развивать свою самобытную культуру естественно точно так же, как стремление к жизни. Однако реализация принципов федерализма без достаточного выявления и учета воли соответствующих народов, попытка интернационализации их культурной жизни ведет к игнорированию развития национальных культур. Поэтому такое развитие должно подкрепляться усилиями государственной власти и институтов гражданского общества.

Как общую категорию, права народов можно классифицировать, во-первых, на основании самовыражения народа (внутренние присущие права), во-вторых, на основании реализации суверенитета народа в различных сферах жизнедеятельности — политической, социально-экономической, культурной. В соответствии с данными основаниями классификации культурные права народов можно определить *как идеологическую форму реализации*

суверенитета народов: право на культурное развитие, на самобытность, на информацию о других народах.

В основе данного аргумента лежат следующие факторы: если позитивное экономическое развитие основывается на все более увеличивающемся объеме товаров и услуг, росте ВВП и совершенствовании его распределения среди населения, то культурное развитие может означать «больше культуры» и, разумеется, лучший доступ к культуре самых широких социальных слоев народа. И нельзя этот процесс трактовать как только количественный, т. е. как публикацию большего числа хороших книг, создание новых библиотек или строительство музеев, более широкое распространение газет и журналов или доступ максимального числа граждан к телевидению. Словом, культуру нельзя и неверно оценивать количественными показателями или статистическими данными о количестве театров, музеев, библиотек или домов культуры. Точно так же ее нельзя сводить к числу прочитанных книг или количеству посещенных выставок произведений искусства. Здесь гораздо важнее то, в какой мере общение с объектами культуры обогатило человека духовно и сказалось на повышении его нравственного облика. То есть самым важным в культурной деятельности является качество культурных услуг и их положительное воздействие на их потребителя.

Другая не менее важная проблема состоит в диалоге культур и в том, почему такой диалог необходим?

Культура, как никакая другая сфера, не может развиваться обособленно. Каждая из культур уникальна, и их диалог необходим для осознания этой уникальности.

Культурные права народа объективно находятся в неразрывной связи с культурными правами человека и гражданина и постоянно нуждаются в гармоничном их сочетании. Это объясняется логикой диалектической взаимосвязи, заключающейся в определенной самостоятельности каждого права [112: с. 8]. В этой связи коллективные права человеческого сообщества не могут ставиться выше индивидуальных прав и должны находиться с ними в гармонии, ибо игнорирование каких-либо

культурных прав человека неизбежно будет вести к снижению «качества» коллективных прав. Именно поэтому «любой российский правовой документ, касающийся коллективных прав, должен рассматриваться как часть уже существующей системы правовых стандартов поправам человека» [112: с. 8].

§ 3. Понятие и основные характеристики культуры

Определение прав человека и гражданина в сфере культуры находится в неразрывной связи с определением понятия «культура». Впервые классическое определение культуры было сформулировано немецким философом И.Г. Гердером (1787–1791) в его труде «Идеи к философии истории человечества». Культура (от лат. слова *kultura* — *возделывание, развитие*) — это результат человеческой жизнедеятельности, созданный средствами языка, религии, мысли, искусства, науки, политики, права, норм, обычаев, оружия и пр. [183: с. 23]. Конечно, понятие «культура» близко к понятию «цивилизация», к процессу, в результате которого человек становится цивилизованным, т. е. гражданином [183: с. 20]. Показательно, что если в английском языке оба эти понятия используются как синонимы, то в немецком Kultur и Civilization противопоставляются как произведения мысли, литературы и поэзии, с одной стороны, и научные и технические достижения, с другой [183: с. 20].

Полагаем, однако, что такое же разграничение полезно провести и в английском языке, ибо, не разграничивая эти понятия, мы не сможем определиться в понимании сущности современной цивилизации как *стандартизации*, что означает «все более синхронное развитие науки в разных частях света» [183: с. 20]. Действительно, современные технические и научные системы, испытав влияние цивилизации, функционируют как вполне самостоятельная международная экономическая сеть, решения внутри которой принимаются часто вне зависимости от политического руководства государств. Функционирует эта сеть как

относительно самостоятельный феномен со своими правилами и своим внутренним миром. И если эта сеть уязвима, то только как глобальная организация, внутренняя устойчивость и стабильность которой зависит от всей сети в целом, а не только от локальных событий.

Вместе с тем развитие культуры в целом и ее элементов не может происходить вне зависимости от специфики отдельного региона, в частности, языка, традиций, а также от социальной и духовной жизни местного сообщества. В отличие от современных технических и научных систем, культура более пластичная реальность, требующая постоянных обновлений: новых художников, поэтов, актеров, новых творцов культурных объектов. Все они должны быть способны выражать силу старых укоренившихся взглядов в новых условиях.

«Эти обновления, — замечает П. Кемп, — поначалу часто отвергаются как подрывающие традиции. *Но культура умирает, если избегает новых идей*, изменяющих ее роль как фундаментальной основы общественной и индивидуальной жизни. В процессе обновления ценностей и убеждений она оказывается уязвимой и нуждается в защите от насилия, то есть от силы, превращающей живые существа в простой объект манипуляции» [86: с. 20].

В этой связи уместным будет подчеркнуть, что человек как активный творец культуры и участник культурной деятельности обладает вполне определенными правами в сфере культуры, подобно тому, как он обладает экономическими и социальными правами, наличие которых у человека и гражданина уже давно никто не подвергает сомнению. Но проблема состоит в том, «как именно людям разных культур достигнуть взаимопонимания, необходимого для построения человеческого общества, ориентированного на выживание» [86: с. 21].

Это трудный вопрос, ибо каждая культура имеет свое содержание и отличается друг от друга. С одной стороны, современный мир — глобальное пространство, в котором сосуществуют общие глобальные проблемы, культурные в том числе. Понятно, что они могут быть решены лишь совместными усилиями

государств в соответствии с новым политическим и культурным мышлением. С другой стороны, пока национальные сообщества не ориентированы полностью на поиск и установление новых транснациональных решений и развитие транснационального мышления в сфере культуры. Поэтому гражданам мирового сообщества, столкнувшегося с глобальными проблемами, в культурной жизни «придется развивать идеи о новом миропорядке с его традиционными институтами и нормами, соответствующими новой политекультурной жизни» [86: с. 23].

Анализ того, как рассматривается понятие «культура» в международных правовых актах также показывает, что данное понятие используется в самых разных контекстах. Так, право народа на свое историческое и культурное богатство, на собственное творчество закреплено в ст. 14 Алжирской декларации о правах народов 1976 г. И хотя данный документ не имеет правового статуса в международном праве, так как был принят на неправительственном совещании экспертов и не был подтвержден каким-либо межправительственным органом, но, по мнению некоторых специалистов, идеи Алжирской декларации нашли отражение в Африканской хартии прав народов, принятой Организацией африканского единства в 1981 г. Право на равный доступ к общему культурному наследию закреплено в ст. 22 Африканской хартии; право на развитие культуры и культурную самобытность подтверждено ЮНЕСКО в 1982 г. на Всемирной конференции по политике в области культуры; право людей, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам, закреплено в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Следовательно, как закрепленные в научной юридической литературе, так и в перечисленных международных документах, различные понятия культуры сформулированы расплывчато и носят общий характер. В то же время систематическое рассмотрение культурных прав как прав человека и гражданина требует более четкого концептуального определения термина «культура».

Авторы издания «Право и культура» [21: с. 23]. понятие «культура» в научном анализе и общественной практике определяют следующим образом.

1. Как фундаментальное явление человеческого существования, «означающее *целостный, устойчивый способ жизнедеятельности людей определенной эпохи* (в ее исторической динамике и типологической сущности), *формирующий различные по масштабам и характеру сообщества* (курсив — авторов) родо-племенные, этнонациональные, страновые, цивилизационные» [21: с. 23].

2. Как «*составную ее часть, структурную единицу или ее существенное своеобразие...*, т. е. <...> в связи не с целостной культурой, а с одной из ее частей или срезов (хозяйственная культура, правовая культура, культура религиозная...)

 [21: с. 23].

3. Как «*нормативно-оценочное значение термина «культура»*... В этом случае культура связывается *со степенью развитости определенных навыков и качеств социального субъекта, с уровнем и свободой владения им стандартами деятельности, закрепленными в разных сферах своей культуры*» [21: с. 23].
Имеется в виду культура речи, обслуживания досуга, семейных отношений и др.

4. Как термины «в связи с *инструментально-практическими аспектами* применения термина «культура», которые чаще всего используются в отраслевой внутригосударственной и международной политике, в управленческой и экономической практике» [21: с. 23].

Необходимо пояснить, что если в первых двух положениях анализ понятия «культура» исходит из онтологического модуса, то в третьем и четвертом положениях — из аксиологического модуса культуры. В близком к аксиологическому смыслу «используются представления о культуре как о *высших* (интеллектуальных, художественных, религиозно-нравственных, технических) *достижениях общества*» [21: с. 23].

Изложенное авторами разноплановое понятие культуры в глобальном ее смысле настолько широкое и общее, что такие положения, как ведущая роль человека как творца культуры и главного ее носителя, деление культуры на материальную и духовную части, закон постоянного воспроизводства культуры, соотношение культуры и цивилизации, культуры и этноса и другие, по существу, остались за пределами научного определения понятия «культура».

Поэтому считаем необходимым осветить и другие точки зрения на определение термина «культура», также рассматриваемое в самых разных аспектах, как, например, излагает в своей публикации Р. Ставенхаген.

Во-первых, культура как капитал (курсив автора — А.К.). Культура, — замечает по этому поводу Р. Ставенхаген — «определяется как аккумулированное материальное наследие человечества в целом или какой-либо конкретной группы людей, включая памятники и предметы материальной культуры. Согласно этому подходу, *право на культуру означает и равное право доступа отдельных лиц к этому аккумулированному культурному капиталу*» [152: с. 17]. Но не только, так как, «следуя логике данной аргументации, можно утверждать, — продолжает далее Р. Ставенхаген, — что это и право на культурное развитие» [152: с. 17].

Во-вторых, культура как творчество. В этом контексте обозначаются сразу два права: право отдельных лиц на свободное создание культурных произведений и право свободного доступа к таким произведениям в соответствующих местах (в музеях, на концертах, в театрах, библиотеках и т. д.) Заметим при этом, что именно создатель произведений культуры символизирует свободу мысли и свободу выражения своего мнения и «входит в число движущих сил борьбы за права человека на протяжении всей истории человечества» [152: с. 20].

В-третьих, культура как образ жизни. Это значение, по мнению автора, носит второстепенный характер и рассматривается как единство материальной и духовной деятельности, т. е. как продукт определенной социальной группы, отличающий ее от другой социальной группы. Добавим к этому, что в современном мире существует примерно 10 тысяч различных этносов, которые различаются, главным образом, по языковым признакам. Это один из основных, однако, не единственный критерий, отличающий одну культуру от другой [77: с. 62].

Определение термина «культура», данное Р. Ставенхагеном, более конкретно, логично и, что особенно важно, содержит важные определения и другого термина — «культурных прав» или «прав человека на культуру».

В мире не существует одной единственной культуры. Все они в том или ином отношении разные, как разными являются народы и этносы. И, как постоянно развивающееся социальное явление, культура не может быть статичной в принципе. Но каждая из них, поддающаяся определению, имеет исторические корни и меняется со временем. То есть постоянное и динамичное обновление культуры, как отмечалось выше, — явление универсальное. Что же касается этнической (культурной) самобытности, то она зависит «не столько от содержания ее культуры, сколько от социальных границ, определяющих пространства социальных отношений, которые и устанавливают членство в той или иной этнической группе» [183: с. 176].

Таким образом, специфической особенностью культурных прав является их связь с конкретной культурой. Реально существующие культурные права относятся к лицам, «которые принадлежат конкретным культурам и сформированы этими культурами; они участвуют в коллективной деятельности, исповедуют общие ценности и могут быть носителями этих общих ценностей, лишь объединившись с другими представителями своей собственной группы» [112: с. 304].

Среди устоявшихся понятий культуры интересна и следующая дефиниция: культура *представляет собой комплексную совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении* [112: с. 304]. Следовательно, культура как категория включает в себя результаты деятельности человека по созданию материальных и культурных ценностей, результаты познания произведений искусства, нормы морали и права, способности человека, реализуемые в ходе его деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей) [11: с. 30]. С более широким набором элементов и на иной методологической основе определяет понятие культуры В.Ф. Петренко. «Под культурой, — пишет он, — мы понимаем *всю совокупность семиотических средств общения и сознания* (национальные языки, язык жестов, живописи, архитектуры, музыки,

языки математики и программирования, невербальных символов и дизайна, ритуалы, вербальные и невербальные коды и прочее), а также созданные с их помощью тексты, материальные и виртуальные объекты, литературные произведения, архитектурные сооружения, производственные комплексы, машины и механизмы, произведения искусства и правила поведения, детские и спортивные игры, правила гигиены и медицинские технологии и т. п.» [120: с. 126].

Две последние дефиниции можно было бы принять, если исходить из марксистской концепции, что культура — продукт общества. Но «если исходить из того, что культура представляет собой *содержание общественного бытия*, необходимо признать, что не культура определяется обществом, а, напротив, общество определяется культурой» [105: с. 26]. Действительно, содержание определяет форму, которая также влияет на культуру, но это вторично. «Какова культура, таково и общество. Развитие культуры служит основанием общественного прогресса, а не наоборот» [105: с. 26].

Руководствуясь данной парадигмой, заметим, что именно культура является основой общественного развития. Так, в основе экономического прогресса «лежит опять же экономическая культура, в основе прогресса в сфере политики — политическая культура, в основе общественного прогресса в целом — культура общества, культура социальной жизни» [105: с. 26].

Можно много говорить об определениях категории культуры как о цельном, системном образовании, тем более, что к настоящему времени существует от 300 до 500 научных определений культуры [153: с. 55]. Но сутью нашего исследования является правовой аспект, т. е. правовое регулирование прав человека на культуру в системах международного и национального права.

«Общее определение культуры, — справедливо пишет М.В. Филимонова, — должно быть установлено в виде открытого списка культурных прав человека с тем, чтобы мы могли постепенно дополнять этот перечень» [160: с. 5]. С этой позиции считаем необходимым остановиться на определении культуры, данном

А.С. Страданченковым. Под культурой он предлагает понимать *«совокупность элементов окружающего нас материального мира (включая самого человека как социально-природное существо), а также совокупность элементов духовного и социального мира человека, в той или иной степени созданных или преобразованных под воздействием человека и/или общества»* [154: с. 54].

Комментируя данное определение культуры, отметим главное. Здесь не возникает вопрос, а как быть с человеком как центральным звеном в системе культуры. От человека зависит прогрессивное развитие общества, и эту человеческую основу всякого общества отражает именно культура. Культурное — *«это то же социальное, но преломленное через индивидуальное»* [154: с. 54]. Иначе — *индивидуум, человек находится в центре культуры и как ее творец, и как пользователь.*

Этот посыл характерен и для одной из наиболее известных среди российских ученых теории М.С. Кагана. Суть этой теории состоит в системно-философском рассмотрении культуры. Культура, согласно теории Кагана, рассматривается не как сумма многообразных форм и продуктов деятельности, способов деятельности и институтов, а как системно-целостное единство [85: с. 24]. Каган рассматривает две структурные линии формирования культуры как системы. Первая основывается на проекции деятельности человека как целенаправленной активности субъекта. Но коль скоро субъект деятельности может быть индивидуальным, групповым и родовым, т. е. человечеством в целом, то и сама культура обретает три масштаба модуса: *культура человечества, культура социальной группы и культура личности.* Вторая основывается на представлении культуры как системы, сформированной из субкультур-подсистем: *этнической, национальной, демографической, образовательной, социологической, профессиональной, конфессиональной* плоскостей дифференциации культурных субъектов [85: с. 48].

С точки зрения аксиологической школы (наиболее распространенной в культурологии), культура *«представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей.* Таким образом, можно заключить, — замечает Л.Р. Клебанов, — что именно

культурные ценности становятся фундаментом всякой культуры» [82: с. 65].

Наконец, культура как специфический продукт человеческой деятельности проявляется не только в рамках общественных отношений, но нередко или прямо, или опосредованно на природных объектах. Например, такое явление природы, как ветер уже вполне серьезно воспринимается как собственность, отношения к которой, а значит, саму его суть собираются регулировать — и регулируют — в некоторых западноевропейских странах не просто технологически, но и законодательно, то есть включая это природное явление в общественный оборот как товар. Не продукт ли это культурной деятельности людей?

Таким образом, существует множество понятий культуры, на основе которых можно классифицировать и культурные права и свободы человека и гражданина. Все они сводятся к двум основным концепциям: культура как аккумулированное материальное наследие человечества или отдельной группы людей и культура как образ жизни, т. е как духовное существование народа, социальной группы людей или отдельного человека. Культурные права — производная этих двух концепций. В дополнение к этому «культурные права тесно связаны с другими индивидуальными правами и основными свободами, такими, как свобода выражения мнений, свобода религии и убеждений, свобода ассоциаций, право на образование» [152: с. 15].

Но концепция культурных прав как естественный элемент понятия всеобщих индивидуальных прав должна дополняться «за счет другого подхода: подхода на основе коллективных, или общинных прав. Существуют настоятельные причины использовать именно такой подход» [151: с. 24]. Следовательно, как *культурные права, так и культурные свободы правильно будет рассматривать в контексте индивидуального и коллективного подходов*, ибо «культурные права относятся к лицам, которые принадлежат к конкретным культурам и сформированы этими культурами» [152: с. 24].

Существуют представления и о строении культуры. Изложенные выше понятия культуры показывают, что она включает

в себе огромный пласт материальных артефактов, самых разных форм социальной и идеациональной активности. Одни из них сохранились от прошлого, другие рождаются в настоящем и транслируются в будущее, что позволяет говорить о сложной внутренней дифференциации культуры.

Заметим, что в научных исследованиях говорится о материальной и умственной (духовной) культуре. Распространено также представление о наличии в культуре различного рода субкультур, создаваемых разными социальными слоями общества. В наше время можно выделить городскую, сельскую, молодежную и другие виды субкультур. Например, субкультурный стиль деятельности и поведения существует среди юристов, законодателей, работников юстиции. Он «выражается в их мышлении и словаре (профессиональный жаргон), в способах организации трудовой активности и процедурной стороне некоторых публичных актов, приобретающих общественное значение (например, ход судебного разбирательства)» [21: с. 28]. Позже были введены внешние признаки их статусного положения в виде одежды и пр.

Весьма специфической культурой по характеру и направлению активности ее представителей является криминальная субкультура. Появилась она еще в государствах Древнего мира. В ее среде есть своя иерархия, в рамках которой обозначается статус каждого представителя, его привилегии и авторитет [21: с. 28]. Специалисты выделяют также морфологическую модель строения культуры. Схематически она включает в себя «два горизонтальных уровня, а также ряд функционально выделенных по вертикальному членению областей культурной деятельности» [21: с. 28].

Это обыденная и специализированная культура. Человек развивается в рамках обыденной культуры с первого и до последнего дня своей жизни в близкой и родной ему среде. «Поведенческие акты человека не закреплены здесь в жесткие инструктивные формы; активность человека в этом случае носит в большей степени традиционный характер, она пластична и во многом спонтанна; для нее свойственна высокая степень чувственно — эмоциональных проявлений, нацеленность на реализацию частных целей,

бытовых запросов, а также художественной активности в формах народного и самодеятельного искусства. Здесь человек постигает моральные принципы, выполняющие функции социального регулирования, системы коммуникаций на уровне бытовом и межличностных отношений» [21: с. 28].

Специализированная культура в свою очередь связана с общественным разделением труда — «производства товаров и услуг, профессиональных занятий, области государственного управления, образования, авторского искусства, науки и др. Человек включается в специализированную культуру прежде всего в качестве работника» [21: с. 30]. Наряду с названными уровнями в морфологической модели существует ряд функционально-самостоятельных подсистем, или сфер деятельности: «хозяйственная культура, политическая, правовая, физическая, художественная, религиозная, познавательная культура» [21: с. 31]. Связь между всеми единицами морфологического пространства культуры обеспечивают следующие области деятельности: сфера образования, средства массовой информации, интерактивные средства связи, а также учреждения культуры, занятые сохранностью ценностей культуры и обеспечением доступа к ним публики (архивы, библиотеки, музеи, театры) [21: с. 31].

§ 4. Сущность и природа культурных прав человека и гражданина

Каждый человек имеет неотъемлемое право на материальные и духовные блага. Разумеется, объем этих благ определяется положением человека в социальной структуре общества и системе материального производства. Экономические права обеспечивают человеку собственность как источник жизни, социальные — право на труд и достойное вознаграждение за него, гарантирующее достойный уровень материальной обеспеченности, а также отдыха и досуга. Культурные права предоставляют человеку более широкие возможности: участвовать в культурной жизни общества, творить и создавать культурные ценности, получать удовольствие

от общения с произведениями культуры, совершенствовать свой духовный мир и жизненную позицию как участника в развитии своего общества и государства. Пользование культурными правами способствует духовному развитию человека, т. е. делает его жизнь полноценной и достойной во всех отношениях.

В современном — постиндустриальном и информационном — обществе *право на культуру вполне может конкурировать по своему социальному значению с правом людей на собственность* (курсив автора. — А.К.)

Может возникнуть вопрос, а не слишком ли сильно сказано о значении прав на культуру в современном российском обществе?

Полагаем, что нет, и вот почему. Во-первых, человек не может быть полноценной личностью без определенного культурного уровня, как не может он существовать без собственности. Во-вторых, право на собственность и право на объекты культуры, находящиеся в частной собственности, равнозначны и включают в себя владение, пользование и распоряжение. Владелец культурного объекта может использовать его сам с целью получения дохода, продать, обменять, заложить, передать безвозмездно другому лицу. И, конечно, объекты культуры, как и всякая другая вещь, наследуются.

Вместе с тем право на культуру принципиально отличается от права собственности, так как распространяется не на отдельную вещь, а на все богатства культуры. Что же конкретно определит для себя человек в качестве наиболее ценного и нужного в культуре, зависит только от его личного выбора. «Очевидно, что право на культуру может быть реализовано лишь в обществе, в котором *культура становится главным условием включения человека в общественную связь, основным источником его дохода и социального положения*» (курсив автора. — А.К.) [125: с. 86].

Пользование культурными правами или правами на культуру невозможно представить себе без соблюдения других основополагающих прав. Можно пользоваться гражданскими, политическими и социально-экономическими правами и игнорировать культурные. Однако в жизни пользование культурными правами

вне других невозможно, потому что, если ты голоден, лишен жилья и иных нормальных человеческих благ, то тебе не до наслаждений произведениями искусства. Бывают, конечно, и исключения, но для общей массы людей такое наслаждение культурными ценностями не характерно.

Вот почему определить социальные корни, назначение и генезис культурных прав человека, а также понять, почему они, пройдя тысячелетия в своем развитии, всегда находились и находятся в центре внимания политической, правовой, этической, религиозной, философской мысли, можно лишь на основе социально-культурного развития. Вместе с тем «проблема прав человека, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала либо религиозное, либо этическое, либо философское звучание, в зависимости от расстановки социальных сил, культуры и традиций» [121: с. 30]. Иначе, права человека всегда были связаны с развитием культуры и культурными традициями этносов и целых народов, занимая в них центральное место «как мощный пласт человеческой культуры» [121: с. 30]. Без освоения этого культурного пласта «невозможно оценить всю систему сложных политических, социально-психологических, социальных, экономических, международных, национальных отношений» [121: с. 30]. Культурные права являются одним из критериев «человеческого измерения» всех противоречивых процессов, имеющих место в современном мире. И только овладение культурой прав человека в целом дает всем людям шанс правильно ориентироваться в современном мире.

Как отмечалось выше, значимость культурных прав состоит в том, что они дают такие блага и духовные наслаждения, которые не могут дать другие права человека, а именно:

- *развитие творческих сил и способностей человека;*
- *его участие в развитии науки, создании материальных и духовных ценностей;*
- *доступ к пользованию материальными и культурными ценностями;*
- *удовлетворение всех своих духовных потребностей.*

В научной литературе права и свободы длительное время традиционно делились на три группы. К первой относятся *личные*, ко второй — *политические*, к третьей — *экономические, социальные и культурные*. Ученые, разрабатывающие данную тему, в частности, Е.А. Лукашева, М.А. Краснов, В.А. Кряжков считают, что применяемая ими классификация прав человека и сейчас позволяет обосновать относительную целостность прав и свобод в каждой группе. А.Я. Азаров, однако, полагает, что данная классификация присуща советской политико-правовой доктрине и в настоящее время устарела [23: с. 32]. Но Б.А. Эбзеев не согласен с таким выводом и, характеризуя социально-экономические права, закрепленные в Конституции 1977 года, наряду с трудовыми и социальными правами впервые выделил *права в области культуры* (курсив автора. — А.К.) [176: с. 85]. Характеристика социально-экономических прав как основы участия в культурной жизни общества подвигает некоторых ученых к выводу, что как в основе международного деления, так и в основе разделения прав человека на личные и социально-экономические лежит критерий сферы жизнедеятельности человека, поэтому выбор той или иной модели не является принципиальным [69: с. 72].

Полагаем, что исходной позицией в классификации культурных прав в качестве самостоятельной категории в системе прав человека может служить следующее положение. Если экономические права — проявление свободы личности в сфере экономики в значительной степени «проистекают из природы человека, то социальные права — из природы общества, которое заинтересовано в поддержании социального мира...» [135: с. 52]. Как социальные, так и культурные права — результат деятельности государства, и они действительно проистекают из природы общества. Однако на этом их сходство заканчивается, ибо по своему субъектному составу, содержанию в особенности предназначению социальные и культурные права не совпадают и совпадать не могут, так как служат человеку различным образом. Во-первых, все социальные права так или иначе связаны с потреблением материальных благ, в то время как культурные права — с «духовным потреблением»,

«духовным наслаждением». Во-вторых, культурные права непосредственно связаны с формированием и поддержанием мировоззренческих идеалов. В-третьих, именно пользование культурными правами способствует формированию творческой, нравственной и ответственной за судьбу своего государства личности.

Самостоятельность культурных прав человека и гражданина подтверждается и признаками, присущими им, а именно:

- являются основными;
- отражают духовно-культурные и правовые закономерности развития государства и гражданского общества, отношение государства к человеку и его правам;
- определяют мировоззренческое содержание и уровень гуманизма российского законодательства;
- обеспечивают духовное развитие человека, стимулируют индивида стать полезным участником политического, духовного, социального и культурного прогресса;
- подлежат повышенной защите [168: с. 7–8].

Повышенной защите культурные права подлежат не только в национальном, но и в международном праве, где они впервые были закреплены после создания ООН и принятия Всеобщей декларации о правах и свободах человека и других международных актов, входящих в международный Билль о правах.

Приведенный здесь перечень признаков культурных прав не является исчерпывающим. Считаем, что этот список вообще целесообразно оставить открытым, ибо культурные права человека — это права на то, «чего мы не знаем, потому что в каждом регионе мира своя культура. Но что-то общее должно быть и здесь, а именно уважение к национальной культуре» [160: с. 4].

Итак, в отличие от своих сородичей, экономических и социальных прав, *культурные права человека в широком смысле — это преимущественно сфера духовной жизни человека*. Иначе, это — «свобода самоидентификации и формирование культурных предпочтений» [160: с. 5]. Таким образом, несмотря на различные подходы к определению культурных прав, они, безусловно, тесным образом связаны с другими группами прав человека, *но являются самостоятельной категорией со своими признаками*.

Дать определение культурных прав человека сложно. Так, при наличии немалого количества универсальных и региональных международно-правовых актов, закрепивших наряду с другими и культурные права, юридического определения культурных прав в них не дается. Объяснить это положение можно лишь тем, что во всех гуманитарных науках нет и юридического определения понятия «культура». Остается один шанс определять культурные права человека через понимание его прав в сфере культуры, а также используя рабочие определения культуры, которые содержатся в некоторых конвенциях ЮНЕСКО (например, Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, Париж, 2001 и др.).

Итак, культурные права — это всегда гарантированная государством возможность каждого человека и гражданина развивать свое культурное творчество, использовать весь комплекс культурных благ, предоставляемых организациями, юридическими и физическими лицами для удовлетворения культурных потребностей и приобщения всех членов общества к источникам культурных ценностей.

В своей диссертации Н.В. Волкова приводит обобщенный перечень доктринальных определений культурных прав. Это:

- недискриминация и равенство культурных прав, свобода от вмешательства в ведение культурной жизни (свободу творчества и содействие развитию культуры);
- свобода выбирать культуру и менять выбор культуры (культуры) и культурной жизни для участия (свобода выражать свою собственную культуру);
- свобода распространения информации;
- свобода международного сотрудничества;
- право на участие в определении, подготовке и определении культурных стратегий [59: с. 13].

Данный перечень, представляющий собой совокупность нормативных элементов культурных прав, не противоречит приведенному выше авторскому рабочему определению культурных прав, хотя с учетом изложенных выше нормативных элементов границы этого определения существенно расширяются. Но при всех названных

обстоятельствах ядром культурных прав все-таки является право человека и гражданина на участие в культурной жизни в широком смысле этого слова. Действительно, культурные права человека интегрируют культурное творчество и созидание, участие в культурной жизни и поведенческие поступки, определяющие смысл его жизненных устремлений. Как и другие права человека и гражданина, они неотчуждаемы, существуют объективно. В определенной мере эти права отражают человеческую природу и в значительно большей степени, нежели другие основные права, характеризуют отношения между индивидуумом и обществом. Наконец, осуществление культурных прав имеет большое значение для более полной реализации других прав человека и гражданина.

На этой методологической матрице весьма заметно проявляются *особенности культурных прав человека* и гражданина в сравнении с иными их правами. На наш взгляд, эти особенности таковы:

1. Хотя культурные права человека многочисленными нитями связаны с социально-экономическим развитием и положением общества, они являются самостоятельной категорией. Благодаря наличию культурных прав, человек обретает свою личностную сущность только на основе культурного опыта своей среды обитания (семьи, рода, народа). Да и смысл своей жизни человек не может обрести без эстетических и этических смыслов культуры как общественно-социального явления.

2. Вполне оправданно в контексте связи культуры и политики можно говорить, например, об активизации концепта культурной политики, которая объективно не может быть не связана не только с деятельностью индивида, но и с соответствующей деятельностью властных органов государства. Это прежде всего внедрение рыночных отношений и связанных с ними таких феноменов, как «товар, спрос, конкуренция, потребление, культурное предложение, культурная услуга, культурное насыщение, культурное предпочтение и т. д. [90: с. 18]. В этом отношении культурные права предопределяют уровень и качество предпринимательской деятельности как основы экономического развития в условиях рыночной экономики.

3. Под воздействием культурной политики и активного процесса урбанизации территории России преобладающей тенденцией становится переход от преимущественно культуры села и малых городов к доминированию культуры крупных городов и формированию культурных центров со своими особенностями и приоритетами [90: с 18]. Данный пример показывает и отрицательную сторону, потому что при абсолютизации «индустриального подхода» к культурной политике «упускается человек как ядро культуры, как ее цель и средство», а если и подразумевается, «то лишь как потребитель, а не как гуманистически ориентированная, творческая, созидательная личность» [90: с. 18]. Следовательно, в процессе культурной политики в ее центре должен находиться человек с его правами на культурное творчество и культурное «потребление».

4. Развитие культуры и гарантии культурных прав человека и гражданина во многом определяются социокультурной деятельностью государства, исследованием и моделированием наиболее вероятных изменений в социально-экономическом состоянии общества в настоящем времени и обозримой перспективе. Поэтому можно говорить о том, что в основе оптимизационной детерминации сферы культуры лежат объективные и субъективные факторы. В качестве объективных выступают факторы, задаваемые государством, это, прежде всего, социально-экономические факторы, и лишь потом — этнические, региональные и др. Следовательно, на культурные права человека воздействуют не только социально-экономические факторы, но также этнические (например, национальные особенности семейных отношений), религиозные (например, характер отношения к ближнему, долг, понимаемый верующим по-своему, и др.).

5. Развиваясь на социально-экономической базе общества, именно культура, а не политика и экономика, определяет смысл социального бытия человека, людей в целом. И характер отношений между людьми снова же определяется культурой, создавая соответствующий настрой «человеческих отношений» между членами общества. «То есть индивид-субъект принимает на себя

историю других, воспроизводит в своих деяниях их опыт и приумножает его» [172: с. 118]. Здесь, во-первых, наблюдается взаимодействие культурных прав членов общества, во-вторых, культурные права одного индивида, как и свобода, простираются до того предела, где нарушаются культурные права другого.

6. Культурные права, как совокупность норм поведения и как ценностно-смысловая ориентация, предполагают согласие определенной части общества, на сосуществование по определенным правилам, которые основываются на ограничении своеволия. Так, если личность «принимает предлагаемый общественный стиль жизни, основанный на следовании правилам и нормам, можно говорить о готовности к самоограничению личности и о ее включенности в определенную культурную парадигму» [62: с. 52]. В рамках данной культурной парадигмы культурные ценности, которым следует другой человек (или группа лиц), «должны быть поняты и осмыслены как отличные от своих собственных, но не вступающие с ними в противоречие» [62: с. 53]. Здесь налицо еще одна особенность культурных прав человека, которая основывается только на толерантности, предполагающей умение уступать, а такое умение является ведущим в культуре.

7. Благоприятно влияют культурные права на проявление свободы, которая в отсутствие культуры поведения превращается во вседозволенность. Культура в целом, а следовательно, и культурные права выступают «укротителем свободы, препятствуя ее превращению во вседозволенность» [62: с. 54]. Нельзя не согласиться с цитируемым автором в том, что и «осознается свобода, безусловно, в культуре в момент, требующий ограничения свободы ради создания успешной коммуникации» [62: с. 54].

8. Культурные права человека неразрывно связаны с общими правами (право на жизнь, на достойное существование), политическими и личными правами (право на мировоззрение, право на свободу совести и другие права, тесно связанные с понятием культуры человеческого общества и самого человека). Так, в основе прав человека, признанных человечеством в качестве абсолютных ценностей, лежит концепция человеческого достоинства как высшей, ни с чем

не сравнимой ценности¹. А «уважение к человеческому достоинству каждого лица запрещает государству использовать какого-либо индивида в качестве всего лишь средства, хотя бы при этом целью было спасение жизни многих других лиц» [164: с. 67].

9. Существует неразрывная связь культурных прав и культуры прав человека. И первое, и второе — это составная часть духовной культуры, представляющей собой «систему знаний, ценностных ориентаций и взглядов, психологических чувств, основанных на признании и уважении достоинства человека, его прав и свобод, а также практических навыков и умений по их реализации и защите» [117: с. 21–22]. И культурные права, и культура прав человека формируются на общей основе соответствующей деятельности государственных органов и, разумеется, образования (в школе, средних и высших учебных заведениях, в системе повышения квалификации и непрерывного образования).

10. Культурные права — неотъемлемая часть универсальной концепции прав человека. В Международном билле о правах личность данной концепции прав человека определяется следующим образом: «признание человеческого достоинства и прав человека наивысшими абсолютными ценностями; непроемкость прав человека от велений государства и неотчуждаемость их; равенство людей в достоинстве и правах человека; несовместимость прав человека с тиранией и угнетением, страхом и нуждой, произволом и преступностью; признание ценностей демократии, правосудия; обеспечение системы международных и внутригосударственных гарантий прав человека» [135: с. 102]. Более широкий спектр элементов, характеризующих содержание универсальной концепции прав человека, излагает в своей монографии И.В. Шишенина

¹ Интересно заметить следующее. Некоторые исследователи полагают, что «человеческое достоинство» является «не просто квалифицирующим выражением, своего рода муляжом, за которым прячется множество различных феноменов, но моральным истоком, который по содержанию питает все базисные права» (см.: *Хабермас Ю.* Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // *Вопросы философии.* — 2012. — № 2. — С. 68). Представляется, что это философское осмысление значения данной категории расшифровывается в его истинном значении.

(см. ссылку на стр. 8). Таким образом, судя по перечню факторов, характеризующих универсализм прав человека, культурные права занимают такое же важное место, как политические, экономические и социальные права.

11. На практике все основные права человека непосредственно связаны с культурными правами, запросами и ориентирами. На данном концептуальном фоне важными являются именно факторы культурного выбора: «человек разрушающий или человек, созидающий; человек слепо рефлектирующий, или человек, осознанно действующий; личность, делающая выбор, который опирается на «опыт истории», или личность, наступающая на пресловутые тупиковые «грабли»; человек права или человек гармонии правовой нормы и морали, нравственной традиции, гуманистически ориентированных ценностей» [89: с. 17].

В человеческой цивилизации действует устойчивая традиция, что человек — носитель цивилизации в любой точке земного шара выступает как особый субъект-представитель человечества, обладающий одинаковыми правами с рождения и до смерти. Как и другие права, культурные права человека традиционно определяются через категорию возможности и представляются как установленная международным правом, конституциями и национальными законами мера возможности индивида избирать вид и форму своего поведения в различных сферах. Культурные права человека как наиболее широкая и емкая по своему содержанию категория составляют содержание поведения человека, определяя тем самым общий поведенческий культурный уровень в обществе. Очень точно по этому вопросу высказался Н.С. Бондарь: права человека — это возможность пользования элементарными, наиболее важными благами и условиями существования личности, обеспечивающими безопасность и свободу в гражданском обществе, объективно складывающемся в результате закономерного развития человеческой цивилизации и вытекающем из самой природы человека [38: с. 212–213].

Глава II. Основные источники правового регулирования культуры и прав человека на культуру

§ 1. Право и законодательство в системе координат культуры

Культура выступает по отношению к праву макросистемой. Поэтому правовое руководство культурой, культурной деятельностью и культурными правами человека отличается своей спецификой, вытекающей из взаимоотношений культуры и права. Полагаем, что это в равной мере будет относиться и к грядущему глобальному праву, которое определяется специалистами как *«всемирное всеобщее, обязательное для всех нормативное равенство, предполагающее наличие набора универсальных средств регуляции человеческой жизнедеятельности, признаваемое в масштабах всей планеты и обеспеченное официальной защитой специальных структур, регулирующих взаимодействие и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом»* [179: с. 34].

Как социальный феномен и часть общественных отношений, существующих в современном мире, культура так же подвержена глобализации. Более того, во многих областях культурного пространства глобализация развивается опережающим образом по отношению к глобализирующемуся праву, по-прежнему оставаясь по отношению к нему макросистемой, обладающей внутренней самостоятельностью. Наряду с этим целостным феноменом культуры, тем не менее, не является. Это, в частности, подтверждается хотя бы отсутствием устоявшегося определения культуры в научной и научно-популярной литературе [154: с. 11]. В соответствующем месте данного исследования приводится рабочее понятие культуры, ибо без такой констатации невозможно определить объект и предмет исследования, которыми являются право и законодательство как продукты культурной деятельности людей [154: с. 55].

Необходимо сказать, что проблема взаимодействия культуры и права долгое время не являлась предметом анализа в общественных науках, в культурологии и праве в том числе. Например,

в советской науке культура в качестве фундаментальной основы человеческого бытия не рассматривалась, а трактовалась как вторичное явление по отношению к экономике и политике, как сугубо нормативно-аксиологическое явление, связанное прежде всего с моралью, искусством, философией. И лишь сравнительно недавно правовое регулирование как составная часть культуры стало предметом пристального внимания.

В рамках данного исследования особое значение приобретает социологический подход к праву, позволяющий выявить его поведенческую природу. С социологической точки зрения получила признание своя концепция, «согласно которой признание ценности права, установки, правовая информация и правовое знание, правовые действия и социальный контроль позволяют глубоко выявлять пружины правомерного и неправомерного поведения» [125: с. 15]. То есть вполне обоснованно можно говорить «и об особой культурной функции права» [99: с. 64]. Культурная функция права может быть признана самостоятельной потому, что «право как следствие определенной ступени общественного развития воздействует в том числе и на интеллектуально-образовательную сферу каждого человека, несет в себе определенные знания» [99: с. 64]. Это подтверждается и другими элементами права как весьма сложного явления по своей структуре. Оно включает в себя правосознание, нормативно-правовые акты, целевые программы в области культуры, различного рода соглашения и правозащитные процедуры в данной сфере, включая основания и виды ответственности. И к развитию культуры «приложимы» все названные элементы права, разумеется, в разных и подвижных комбинациях. Использование, например, такого элемента, как правосознание, влечет изменение правовой культуры. Расширение сферы законодательного регулирования уменьшает удельный вес ведомственного нормотворчества. А нарушение норм должно сопровождаться применением мер ответственности» [125: с. 15–16]. Словом, специфика культуры как социального явления предопределяет особые приемы и способы его взаимодействия с правом.

В правовом регулировании культуры существует своя специфика: оно рассчитано прежде всего на «мягкие способы влияния на культурологическую общественную деятельность» [125: с. 16]. И если руководствоваться ст. 44 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует свободу литературного и художественного творчества, обеспечение права каждого на доступ к культурным ценностям, обязанность всех заботиться о сохранении культурного наследия и бережном отношении к памятникам истории культуры, то это влияние выражается по-разному. В одном случае — это официальное публичное признание культуры как непреходящей ценности для общества и его граждан, в другом — необходимость сохранения и приумножения культурного наследия, в третьем — это создание благоприятных легальных условий деятельности в сфере культуры и пользования ее результатами.

Таким образом, право как социокультурное явление — одна из подсистем культуры, обладающая своими психологическими, социологическими, ценностными и личностными измерениями. Но, несмотря на это, право в состоянии выполнять свою главную регламентирующую функцию в отношении всех стороны культурной деятельности государства, общества и человека.

Законодательство — такое же социокультурное явление, как и право. В этом смысле законодательство обычно понимается как «суть права». Право преимущественно изучается «представителями таких историко-теоретических наук, как философия права, теория государства и права, история правовых и политических учений, исследующих природу, суть понятия права, его толкование, выстраивающие учения происхождения, легитимности права и тому подобное» [152: с. 55]. Как продукт культурной деятельности, законодательство «возникало, трансформировалось и развивалось в реальной, осязаемой форме явления», которое следует рассматривать «в качестве социокультурного феномена, включенного в систему социокультурных отношений» [152: с. 55].

Как социокультурное явление, законодательство выступает в качестве культурной формы, материально выраженной и закрепленной в форме правового установления. «Именно в материально

выраженной культурной форме или в культурном объекте, воспроизводящем эту форму... и выступает законодательство как культурное явление, имеющее свои признаки (особенности) и составные части» [152: с. 55].

Некоторые ученые полагают, что среди таких автономизованных культурных форм, как политика, экономика, религия и искусство, право и законодательство (последние выражают в системном виде один и тот же феномен — право, но с разных сторон)¹ представляются материально выраженными формами, закрепленными в определенном виде. Как известно, к основным признакам законодательства принято относить формальную определенность, императивный и регулятивный характер, общеобязательность, обеспеченность со стороны государственных и негосударственных институтов, системность и определенное отношение к объектам воздействия. Части законодательства как конкретной культурной формы могут быть установлены на основе юридического подхода. В этом случае выделяются такие элементы, как гипотеза, диспозиция, санкция. С точки зрения социологического подхода речь можно вести о смысле, цели и назначении нормы [55: с. 224–227]. При использовании регионального основания законодательство может быть определено как германское, тайское, российское и т. д.

Но в чем же состоит смысл и ценность изучения права и законодательства как социокультурных явлений?

Только наблюдая право в реальной жизни общества, можно «дать достаточно объективную оценку его значимости, роли в культурной жизни конкретного социума» [152: с. 15], а также, руководствуясь данным основанием, «сделать выводы о правовом, политическом, цивилизационном и т. п. культурном развитии

¹ Система права складывается под воздействием объективных процессов, т. е. на основе существующих в конкретной общественной среде различных видов отношений, а система законодательства возникает в процессе целенаправленного формирования и упорядочения правового материала правотворческими органами власти (см.: Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 496).

общества» [152: с. 15]. Таким образом, все сказанное выше дает реальную возможность рассматривать право, во-первых, как относительно самостоятельное явление, во-вторых, как составную часть культуры (в рамках системной связи последней). Действительно, рассматривать право в качестве отдельного объекта культуры невозможно «в отрыве от целостной системы культуры» [152: с. 15].

§ 2. Национальные источники правового регулирования культурных прав человека

Культурное развитие общества, формирование творческой личности и, разумеется, защита культурных прав не может быть достигнуто без совершенствования законодательства в этой сфере.

Основой для формирования законодательства в любой сфере социальной жизнедеятельности, культурной в том числе, является конституционное право. Во многих статьях первой и второй глав Конституции России прямо или опосредованно сформулированы гарантии культурной деятельности государства и права граждан и их организаций на культурное творчество и пользование культурными благами.

Но в важнейшем разделе Конституции РФ «Основы конституционного строя» на фоне тысячелетних духовных традиций русской культуры вообще отсутствуют такие понятия, как «духовность» и «культура». Правда, такие понятия появились в Концепции 2020, принятой Правительством РФ в 2008 г. Однако в других государственных документах о культуре и культурной политике понятия, связанные с духовным содержанием культуры, или отсутствуют, или излагаются в искаженном виде.

В гражданском законодательстве также содержатся положения о защите личных неимущественных прав, имеющих непосредственное отношение к культуре. Среди них право на сбор и распространение информации, право на мировоззрение, право на свободу совести и др. В Гражданском кодексе РФ установлены формы гражданско-правовой защиты перечисленных прав.

В административном и уголовно-правовом законодательстве также содержатся положения о защите памятников культуры, о незаконном обороте произведений культуры и искусства.

Но основной массив законодательства о правовом регулировании культуры, культурной деятельности и культурных прав человека в различных областях составляет соответствующее федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации.

Зарождение такого законодательства имеет свою историю. Еще 9 октября 1992 г. был принят «базовый» Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» № 3612-ФЗ, в который были внесены изменения от 23 июня 1999 г., от 27 декабря и 30 ноября 2001 г. В сущности Закон изменялся, главным образом, в части определения полномочий органов публичной власти в данной сфере.

В Законе закреплены положения, имеющие принципиальное значение. В частности, во втором разделе (ст. 8–19) закреплены права и свободы человека в области культуры. Культурная деятельность, говорится в ст. 8, является неотъемлемым правом каждого гражданина, независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств. В сущности, законодатель закрепил все основные культурные права российских граждан: приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп (ст. 9); право на творчество (ст. 10); право на личную культурную самобытность (ст. 11); право на общение к культурным ценностям (ст. 12); право на гуманитарное и художественное образование (ст. 13); право собственности в области культуры (ст. 14); право создавать организации, учреждения и предприятия в области культуры (ст. 15); право создавать общественные организации в области культуры (ст. 16); право вывозить за границу результаты своей творческой деятельности (ст. 17); право на культурную деятельность в зарубежных странах (ст. 18); право иностранных граждан и лиц без гражданства в области культуры (ст. 19).

В третьей части второго раздела законодателем закреплено право каждого на образование. Государство признает и принимает право каждого человека на образование. Оно должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознание ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам.

В шестом разделе (ст. 29–36) установлены обязанности государства в области культуры. Особое внимание уделено в Законе регулированию культурной деятельности государства, выработке культурной политики, обеспечению доступа граждан к культурным ценностям, всемерной защите культурных прав граждан и их организаций.

Таким образом, в Законе закреплены основные положения, определяющие права и свободы человека, права и свободы народов и этнических общностей в сфере культуры, национальное культурное наследие, положение творческих работников и обязанности государства, его органов на федеральном и местном уровнях.

В 90-е годы были приняты еще три закона, относящиеся к различным сферам культурной деятельности: Федеральный закон «О вводе и вывозе культурных ценностей» от 15 марта 1993 г.; «О библиотечном деле» от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ; Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещаемых в Союзе ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 15 апреля 1998 г.; Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г.; Федеральный закон «О народных художественных промыслах» от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ; «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ; «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ; Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. Наряду с этим Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

в связи с совершенствованием разграничения полномочий» от 29 декабря 2006 г. был отменен мораторий на приватизацию объектов культурного наследия федерального значения.

Для правового регулирования культуры и культурных прав применимым является не только федеральное и местное законодательство, но и отраслевое. Примером такого акта является Закон «О сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей».

Давать общую оценку указанных актов в сфере культуры и культурной деятельности не просто. В связи с широким пониманием культуры для правового регулирования различных ее сфер используются акты других отраслей права. Специальные законы в первую очередь регулируют предметно-тематические аспекты развития культуры и соответствующие культурные права человека. Нормы других тематических законов (об образовании, науке, об органах государственной власти и местном самоуправлении) регламентируют смежные сферы, примыкающие к культуре. Сложность, однако, состоит в согласовании норм первой и второй групп и разрешение возникающих коллизий между ними. Бывает и так, что нормы второй группы оказываются «главнее» и подавляют нормы первой группы, хотя приоритет специальных законов должен быть очевидным.

Позитивной особенностью специального законодательства о культуре и культурных правах человека является то, что оно тесным образом увязано с международными актами и существующим законодательством в сфере культуры других стран. Это видно даже при беглом анализе текста ст. 8 Основ законодательства РФ о культуре, который очень близок к тексту Пакта о политических, социальных и культурных правах 1966 г., когда речь идет об обеспечении права на образование, на пользование культурным наследством, культурными ценностями и др. Можно указать и на то, что определение понятия «культурная ценность» и ряда других категорий заимствованы из международных актов.

В этом плане грешит недостатками и основной акт частного права — Гражданский кодекс РФ, в котором не выделяются

культурные ценности в качестве вещей, ограниченных в обороте, а все остальные предметы, не подпадающие под перечень, содержащиеся в национальном законодательстве, являются предметами культурного назначения. В основах законодательства РФ о культуре много декларативных положений и неопределенностей для законоприменителя, выражающихся, в частности, в неточностях при определении категорий, используемых в Законе.

Давая общую оценку специального законодательства о культуре и культурных правах человека, отметим, что пока этот процесс идет медленно и, пожалуй, в рамках родовой семьи социального законодательства с его общими принципами и институтами [150: с. 84], а также правового механизма оказания публичных услуг [130: с. 84]. И вряд ли можно согласиться с поспешным признанием совокупности специальных законов о культуре и культурных правах человека самостоятельным «культурным правом», или «правом о культуре» [138: с. 9], поскольку это «нарушает системность развития и соотношения права и законодательства и их отраслей» [125: с. 17].

Однако при всех недостатках существующее законодательство сегодня обеспечивает определенный уровень правового регулирования культуры и культурных прав человека. Но серьезным недостатком на сегодняшний день является то, что пока в нашей стране отсутствует основной закон о культуре, который бы адекватно отвечал глобальным реалиям XXI века. С учетом этого даже такие фундаментальные понятия, как «культура» и «культурная политика», не говоря о многих других, оказались не узаконенными.

Попытка устранить такой нормативно-правовой пробел в российском законодательстве была предпринята инициаторами, авторами проекта нового Федерального закона (ФЗ) «О культуре в Российской Федерации» в 2009–2012 годах [149: с. 34]. К сожалению, в проекте Закона такие базовые понятия, как «культура», «культурная политика», «духовность», «духовный потенциал человека (личности)» или признаки духовно-культурной идентичности человека и гражданина России как высшей конституционной ценности российского социального государства, не изложены «ни ясно, ни буквально, ни семантически, ни текстуально» [149: с. 37].

«Вместе с тем, — пишет В.М. Солдатов, — эти понятия все-таки присутствуют в текстах важнейших документов Правительства и Президента РФ, и даже буквально, например, в правительственной Концепции 2020» [149: с. 37], одобренной Правительством России в 2008 г. В Концепции, в отличие от проекта нового Закона о культуре, используются, притом на первом месте, такие понятия, как: «духовно-культурный потенциал человека (личности) и лишь потом — общества в целом» [149: с. 36]. То есть здесь мы видим определенный прогресс в разрешении духовно-семантических противоречий и недоразумений, которые нередко встречаются в законодательстве о культуре и культурной политике Российского государства.

И все же в пяти приоритетных направлениях, выделенных в Концепции 2020, ее авторам не удалось достичь гармонии в раскрытии духовно-семантического смысла государственной культурной политики. *Первое* направление состоит в обеспечении «максимальной доступности для граждан России культурных благ и образования в сфере культуры и искусства» [149: с. 37]. В нем «ничего не говорится о роли человека и гражданина России в самостоятельном формировании собственного духовно-культурного самосознания и самообразования» [149: с. 37]. *Второе* направление содержит в себе формулировку о создании условий «для повышения качества и разнообразия услуг, предоставляемых в сфере культуры» [149: с. 37]. И здесь «вновь умалается значение развития и реализации внутреннего духовно-культурного потенциала человека и гражданина России» [149: с. 37]. *Третье* направление: «Сохранение и популяризация культурного наследия народов России» [148: с. 38]. Очевидно, что здесь подразумевается культурно-историческая идентичность народов России, включая и искусственную среду — объекты культурного наследия, т. е. памятники истории и культуры. «Их, конечно, надо учитывать, сохранять и реставрировать, — справедливо замечает В.М. Солдатов, — но вот вопрос — все ли они отвечают критериям развития и реализации духовно-культурного потенциала — каждой личности и общества в целом» [149: с. 37–38]. *Четвертое* направление

включает в себя «Использование культурного потенциала России для формирования положительного образа страны за рубежом» [149: с. 38]. Конечно, развитие сотрудничества в сфере культуры с другими государствами является важным направлением в культурной политике государства, однако это сотрудничество должно основываться на совместном (заметим, добровольном) признании определенных общечеловеческих духовных идеалов и культурных ценностей. *Пятое* направление означает «Совершенствование организационных, экономических и правовых механизмов развития сферы культуры» [149: с. 37]. Вникая дальше в текст Концепции по этому направлению, невозможно отрицать, что и здесь «все эти духовные измерения опять ограничиваются социально-институциональным смыслом развития государственно-частного партнерства, автономных учреждений культуры, культурно-познавательного туризма, охраны авторских прав и стандартов качества услуг в сфере культуры» [149: с. 38].

При существующих недостатках Концепции ее принятие и реализация имеют принципиальное значение для развития культуры Российской Федерации на традиционной для народов нашего государства культурной идеологии и культурных ценностях. Что же касается процессов глобализации культуры, то они развиваются вне зависимости от наших желаний или пристрастий. Большинство среди нас так или иначе подвержено глобальным культурным ценностям: кто-то в культуре бизнеса, кто-то в литературе, живописи или музыке, кто-то в манере одеваться и вести себя в обществе, кто-то в научном выборе и развитии науки.

Нам стоит беспокоиться о защите своих культурных ориентиров, но при этом не забывать и помнить, что наша страна по праву может считаться страной *альтернативной глобализации*. Она показывает пример глобального культурного движения, противостоящего культурному движению США и Западной Европы, и оказывает на него все более сильное влияние. Сила этого влияния — в защите традиционных культурных ценностей, выработанных на протяжении многих столетий развития цивилизации на просторах нашего евразийского пространства,

ибо Россия — это не только Европа, но и Азия и по географическом пространстве, и по историческим судьбам народов, и по конфессиональным направлениям, и по культурному развитию.

Из сказанного вытекает важный вывод. В развитии самобытных культур народов России в условиях глобализации принципиальное значение имеет сбалансированная культурная политика государства, точные и отвечающие существу вопросов понятия культуры и ее составляющих, закрепленных законодательно, и конечно же ее духовное начало, а также созидающая роль человека, народа в ее реализации. Только так можно обеспечить «равноправие, уважение и сохранение каждой культуры и каждой культурной ценности; <...> равновесие между техническим и морально-интеллектуальным прогрессом народа и государства» [83: с. 64]. Здесь важны и принцип равенства всех отраслей культуры, и уважение культурной самобытности народов, и взаимный культурный обмен.

Для каждого суверенного государства обеспечение культурной безопасности против вызовов и угроз со стороны глобализации культуры и культурного развития является неразрывной частью общей безопасности государства и общества. В этой связи Стратегия национальной безопасности 2020 совершенно верно определяет культуру как стратегический приоритет устойчивого развития страны в период глобализации [133: с. 2]. Помимо целей обеспечения национальной безопасности в сфере культуры, в Стратегии определены главные угрозы культурной безопасности, в частности, засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности в значительной мере маргинальных слоев, противоправные посягательства на объекты культуры и др. [133: с. 2].

§ 3. Международные источники и стандарты культурных прав человека

В основе международной деятельности по защите прав человека, основных свобод лежит Международный билль о правах человека. Он включает в себя три документа:

а) Всеобщую декларацию прав человека, принятую ГА ООН 10 декабря 1948. Впервые в мировой практике произошло юридическое закрепление универсальной концепции всех возможных прав человека. В преамбуле Декларации говорится, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Всеобщая декларация прав человека является первым международно-правовым актом, который определил основной комплекс прав и свобод человека, хотя по своей природе он и является минимальным. Впоследствии нормы Декларации нашли отражение в основных документах и ином национальном законодательстве в более чем 150 странах мира. Всеобщая декларация прав человека впервые в истории человечества вобрала в себя в систематизированном виде основные ценности, положения, имеющие прямое отношение к правам и свободам человека, проложила дорогу Международным пактам о правах человека.

б) Пакт об экономических, социальных и культурных правах (вступил в силу в 1976 г., когда число государств-участников, ратифицировавших его или присоединившихся к нему, составило 35). В ст. 15 закреплено «право на образование и на пользование плодами свободы в области культуры и результатами научного прогресса» [2: с. 1].

в) Международный пакт о гражданских и политических правах. В ст. 27 указывается: «<...> в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [3: с. 8].

В международном праве данные пакты по культурным правам человека изложены так, что они становятся понятными для каждого. В них содержатся нормы, которые все страны могут принять в качестве желанных целей, а также подчеркивается, чтобы принятые в соответствии с пактом законы в отдельных государствах

сделали бы экономические, социальные и культурные права «реальностью для всех и чтобы государства гарантировали пользование этими правами без какой-либо дискриминации» [2: с. 15]. Пакты впервые в международном праве открыли новую страницу в праве международных договоров, в соответствии с которыми суверенные государства сделали бы культурные права, наряду с экономическими и социальными, реальностью для всех.

Защита культурных прав человека вошла неразрывной частью в некоторые конвенции ООН, принятые в последующие годы. Среди них — Конвенция ООН о геноциде 1948 г., в которой, в том числе, в п. 3 ст. 5 речь идет о проблеме, связанной с передачей детей от одного народа другому, в результате которой детям будут переданы и другие сказки, другой язык, другая еда и т. д.; Конвенция о защите прав коренных и малочисленных народов; Пакт Рериха; Конвенция ЮНЕСКО 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта¹, в которой выделены категория культурных ценностей, уважение культурных ценностей, запрещение, предупреждение и пресечение любых актов кражи, грабежа или незаконного присвоения в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма [123: с. 423–424].

Принятие данных международных актов способствовало выработке на уровне ООН международных стандартов по правам человека в области культуры, развитых впоследствии в конвенциях ЮНЕСКО. Как и другие стандарты, *международные стандарты по культурным правам человека представляют собой определенный минимум обязательных положений, которых должны придерживаться суверенные государства с целью их защиты и реализации*. Если руководствоваться актами ООН и ЮНЕСКО и терминологией, содержащейся в них, то *международные стандарты по культурным правам человека — это определенные принципы, нормы и правила, обязательные для суверенных государств, по защите права каждого человека на образование*

¹ Конвенция ратифицирована СССР 12 декабря 1956 г. Ратификационная грамота СССР депонирована ЮНЕСКО 4 января 1957 г. Текст Конвенции опубликован в Своде нормативных актов ЮНЕСКО. — М., 1991 — С. 258.

в духе культуры мир; права на создание произведений науки, культуры и искусства; права доступа к культурным ценностям и участию в культурной жизни; права пользования родным языком как носителем национальной и глобальной культуры.

Для примера сошлемся на «План действий» (итоговый документ) Международной конференции по политике в области культуры в интересах развития (Стокгольм 30 марта – 2 апреля 1998 г.), в котором говорится, что *доступ к культурной жизни и участие в ней являются основным правом человека во всех обществах и что правительства должны создавать условия для полного осуществления этого права в соответствии со ст. 27 Всеобщей декларации прав человека* [123: с. 426].

Полагаем, что международные стандарты по культурным правам человека, в соответствии с многогранным содержанием культуры, можно классифицировать, как:

- *право на образование;*
- *право на научное и культурное творчество и создание произведений науки, культуры и искусства;*
- *право доступа к культурной жизни и участию в ней;*
- *право пользоваться родным языком.*

Данное авторское определение международных стандартов по культурным правам человека и их классификации — приглашение к серьезному разговору по этой пока недостаточно изученной проблеме.

В отличие от политических, экономических или социальных прав, международные стандарты по культурным правам находятся в процессе разработки. Для этого предстоит выработать понятийный аппарат, чтобы в отношении международных стандартов по культурным правам человека можно было говорить на одном языке. Может быть, необходимо создать словарь защиты культурных прав человека. С этой целью целесообразно проанализировать понятийный аппарат всех известных на сегодняшний день международных конвенций ООН и ЮНЕСКО, затрагивающих культурные права человека.

Дело это усложняется тем, что даже беглый анализ понятий, содержащихся в международных актах по культурным правам

человека, показывает их противоречивость и даже взаимоисключающие определения. Как представляется, основное внимание целесообразно сосредоточить на международных стандартах ЮНЕСКО и других международных организаций с точки зрения перспектив их применения, поскольку работа по их обсуждению, внедрению и развитию в двусторонних отношениях все время продолжается.

Международные стандарты по культурным правам человека в некоторых случаях имеют обязательный характер для России, а порою лишь рекомендательный. Многие международные нормы еще не вошли в арсенал практической деятельности в РФ, хотя попытки по созданию конкретных механизмов по защите культурных прав человека предпринимаются постоянно.

Считаем необходимым сказать, что по некоторым сферам культуры и культурной деятельности существуют достаточно полно разработанные международные стандарты. Это прежде всего относится к сфере *сохранения и защиты культурных ценностей*. С точки зрения теории и практики культуры и культурной деятельности оно и понятно, потому что о защите каких прав человека на пользование культурным наследием можно говорить без полной и бескомпромиссной защиты такого наследия. Международные стандарты по охране культурного наследия — это *«определенные положения, нормы, правила и образцы документов различного уровня ответственности, применяемые по линии ряда международных организаций (международных договоров), которые требуют четкой инвентаризации и соответствующей классификации»* [63: с. 418].

По данной проблеме существует несколько международных конвенций, в которых содержатся понятия и категории, применимые в формулировках стандартов. Например, еще в 1907 г. были приняты конвенции о законах и обычаях сухопутной войны и конвенции о бомбардировании культурных ценностей морскими силами во время войны. Данные конвенции наделили культурные ценности особым статусом, поставив их под защиту международной общественности.

В 1945 г. в Лондоне был принят Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). С учреждением ЮНЕСКО был положен новый, особый период в разработке международных стандартов не только по защите культурных ценностей, но и по другим стандартам в области культуры, культурной деятельности человека и народов, государств. Под компетенцию ЮНЕСКО подпадает защита следующих прав:

- на образование;
- на творчество;
- на использование научных достижений;
- на беспрепятственное участие в культурной жизни;
- на информацию, в том числе право иметь свое мнение и открыто выражать его.

Одним из первых актов ЮНЕСКО стала Декларация о культуре мира и Программа действий в области культуры мира [63: с. 418:]. По определению Ю.А. Горячева, «Культура мира — комплексная мировоззренческая система ценностей, вбирающая в себя сферу межгосударственного и междисциплинарного взаимодействия, а также социального, межличностного общения. Она основана на принципах свободы, справедливости и демократии, терпимости и солидарности; она демонстрирует собой культуру, исключающую насилие и направленную на предотвращение конфликтов путем выявления их истинных корней и разрешения проблем через диалог и переговоры. Это культура, гарантирующая полное использование всех прав и средств участия в полномасштабном развитии общества» [68: с. 27]. Читая статью I Декларации о культуре мира, убеждаешься в том, что и в таком контексте культура при квалифицированном ее использовании выполняет, по сути дела, глобальную задачу по защите не только культурных, но и иных прав и свобод человека и устанавливает мир и справедливость в мировом сообществе. Эта возможность культуры как социального явления может реализоваться именно потому, что культура мира является сочетанием ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, типов поведения и образов жизни [68: с. 27].

Важное значение имеет Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г. Понятно, что без образования не может состояться социализация человека и формирование

полноценной культурной личности, полезной своей социальной среде, государству и обществу. Ликвидация дискриминации в области образования основывается на принципах, изложенных в Уставе ЮНЕСКО и ст. 2 и 26 Декларации ООН 1948 г., запрещающих любую форму дискриминации и направленных на содействие права на образование для всех [145: с. 221]. Декларация принципов международного культурного сотрудничества от 4 ноября 1966 г. направлена на достижение мира и благосостояния путем сотрудничества всех народов в области образования, науки и культуры [145: с. 202]. «Каждая культура, отмечается в ст. 1 Декларации, обладает достоинством и ценностью, которые следует уважать и сохранять» и, как и во Всеобщей декларации ООН 1948 г., ядром культурных прав признается человеческое достоинство, а целью международного культурного сотрудничества является «обеспечение каждому человеку доступа к знаниям и возможности наслаждаться искусством и литературой всех народов...» [145: с. 220]. В 1969 г. была принята Европейская конвенция об охране археологического наследия¹, в 1970 г. сессия ЮНЕСКО приняла Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности.

Важное место в дальнейшей разработке стандартов по защите культурных ценностей имела Московская международная конференция ЮНЕСКО 17–12 сентября 2002 г. Материалы конференции позволяют проследить эволюцию международных стандартов по этой проблеме. По решению конференции были созданы две международные организации по защите культурных ценностей², профессиональные кодексы по обращению культурных ценностей³.

¹ Конвенция вступила в силу 20 ноября 1970 г. СССР ратифицировал ее 13 ноября 1990 г. Конвенция вступила в силу для СССР 14 февраля 1991 г. Текст Конвенции опубликован в Сборнике международных договоров СССР. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 420.

² Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае присвоения; Международный комитет «Голубого щита».

³ Кодекс профессиональной этики Международного совета музеев, Международный этический кодекс торговцев культурными ценностями.

Особое значение имеет Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (Париж 2002 г.). Декларация утверждает межкультурный диалог в качестве наилучшего гаранта мира, опровергая тем самым тезис о неизбежном межкультурном конфликте цивилизаций. Можно сказать, что данный акт возводит культурное разнообразие на уровень «общего наследия человечества... которое также необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы» [124: с. 431]. Защита культурного разнообразия возведена в этом акте в ранг этического императива.

Кроме того, в 1995 г. была принята Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях, в 2001 г. — Конвенция ЮНЕСКО об охране культурного наследия, находящегося под водой, в 2003 г. — Декларация ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, а в марте 2004 г. введен в действие Второй протокол [124: с. 431] о защите культурных ценностей к Гаагской конвенции. Всего с 1948 по 2005 г. ЮНЕСКО было принято 72 международных акта, прямо или опосредованно затрагивающих сферу культуры¹.

Необходимо заметить, что в конвенциях и иных актах ЮНЕСКО одна совокупность норм относится к «твердому праву», другая — к так называемому мягкому праву, например, декларации и рекомендации. Но все они создают благоприятную правовую среду для свободной реализации, развития и сохранения культуры. Однако для повышения уровня защиты культурных прав человека требуется укрепление существующих норм международного права, касающихся такой защиты и предусмотренных в различных международных актах, о которых говорилось выше.

¹ Среди них: 13 деклараций (включая 2 хартии); 31 рекомендацию; 28 конвенций (включая 2 соглашения и 1 протокол в ранге конвенции) Портал раздела «Культура» на сайте www.unesco.org.

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Глава III. Права человека и гражданина на образование как основу их культурного развития в условиях глобализации общественных отношений

§ 1. Конституционные гарантии права на образование и культура как основание содержания образования

Статья 43 Конституции Российской Федерации устанавливает право каждого гражданина страны на образование. В части первой данной статьи указывается, что гражданам РФ гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Это положение Конституции РФ в более расширенном виде воспроизведено в статье 5 Федерального закона об образовании в Российской Федерации от 21 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее — Закон). В Российской Федерации гарантируется общедоступность и бесплатность в соответствии с государственными общеобразовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования.

Важно подчеркнуть, что в Законе в точности воспроизведено конституционное положение об «общедоступности и бесплатности» указанных уровней образования, что отвечает конституционной характеристике России как социального государства. Конституционной характеристике нашего государства как социального отвечают и положения об обязательности основного общего образования и ответственности за получение детьми основного общего образования, возлагаемой на родителей или лиц, их замещающих (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ), а также бесплатного получения высшего образования на конкурсной основе в государственном

или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии (ч. 3 ст. 43 Конституции РФ).

Право на образование в Конституции Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Данное положение в отношении образования воспроизводится в соответствии со ст. 19, ч. 2. Конституции России, где гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от перечисленных выше характеристик.

В ст. 7 ч. 1 Конституции России указывается, что политика социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Хорошо известно, что достойная жизнь и свободное развитие человека невозможно без определенного уровня образования. Образование же, в свою очередь, основывается на структуре человеческой культуры; право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступа к культурным ценностям гарантируется в ч. 2 ст. 44 Конституции РФ. Обратим внимание на то, что статьи, содержащие конституционные гарантии на образование и участие в культурной жизни во второй главе Конституции Российской Федерации, стоят рядом, что говорит об их логической и содержательной связи.

Показательно и то, что освоение обучающимся объективных компонентов культуры происходит не столько за счет восприятия материальных предметов культуры (машины, сооружения, произведения искусства и т. п.), «сколько за счет освоения идеальных продуктов человеческой культуры в виде общественного сознания — отражения общественно-исторического бытия человечества в идеологической жизни общества» [117: с. 24]. Основаниями же содержания образования в процессе освоения обучающимися объективных компонентов культуры являются формы общественного сознания [117: с. 24] (язык, обыденное сознание, мораль, право, политическая идеология, наука, искусство, философия,

религия). Можно утверждать, что именно культура как основание содержания образования включает в себя и весь перечень культурных прав — основного условия, без которого невозможно представить себе свободное развитие человека.

Продолжая тему культуры как основания содержания образования, заметим, что между специалистами по этому поводу уже длительное время ведется дискуссия. Так, если в индустриальную эпоху в основу содержания образования были положены научные знания, ибо только достижения науки могли решать глобальные проблемы человечества (накормить быстрорастущее население мира, обеспечить людей жильем, успешно бороться с эпидемиями и т. п.), то в настоящую постиндустриальную эпоху ситуация с так называемой знаниевой парадигмой коренным образом изменилась. Теперь, полагает, например, А.М. Новиков: «Все формы общественного сознания в структуре образования должны быть отражены как равноправные» [117: с. 24]. С точки зрения такого «культурологического подхода», содержание образования следует рассматривать как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, опыт, «тождественный по структуре (разумеется, не по объему) человеческой культуре» [117: с. 24].

Объясним этот сюжет более подробно. «Сложившееся противоречие между способностью культуры отражать и формировать гуманитарную картину мира, синтезировать нравственно-эстетические ценности, духовно обогащать современное общество и реальным уровнем реализации ее созидающего потенциала обусловило целесообразность появления нового направления науки и социальной практики — *педагогической культурологии*» [117: с. 28]. Думаем, что здесь не место анализировать все направления, интегрированные в педагогической культурологии: философскую антропологию, культурологию и педагогику, но о третьем направлении все же кратко скажем, поскольку это непосредственно касается нашей темы. Усвоение научных знаний и постижений ценностей культуры осуществляется по разным законам. «Учитель может заставить ученика усвоить определенную сумму знаний из области географии, биологии или родного

языка. Он может даже обязать школьников выучить отрывок из «Евгения Онегина», но он не в состоянии заставить их полюбить стихи, музыку или живопись, ибо ценности культуры интериоризируются лишь в условиях свободы выбора и реально проявляемых интересов обучающихся» [117: с. 28–29]. Поэтому можно сказать, что инкультурация индивида, т. е. вовлечение его в мир культуры, является строго индивидуальным, ориентируется лишь на конкретного человека, отталкиваясь от его наклонностей, способностей и дарований.

Это качество любого индивида особенно важно, когда мы говорим о делении получаемых в процессе образования знаний на *общественные знания* как продукт общественно-исторического познания и *индивидуальные знания* как принадлежность каждого отдельного человека. Еще раз сошлемся на А.М. Новикова, вполне обоснованно утверждающего, что «индивидуальные знания принципиально отличаются от общественных» [117: с. 26]. Это отличие автор видит, во-первых, в объеме («все» знать один человек не может); во-вторых, в том, что для индивида характерно наличие знания в виде ощущений, восприятий, конкретных образов; в-третьих, в том, что освоение знаний индивидуальным человеком неразрывно связано с эмоциями, мотивами, ценностными ориентациями и, что самое главное, «с самоопределением — что ему надо, а что нет» [117: с. 26].

Для нас важно понимать, что в современных условиях России индивидуальные знания в гораздо большей степени, чем общественные, способствуют формированию человека как личности, осознающей свои культурные права, личности, пользующейся принадлежащими ей культурными правами, личности, выполняющей свои обязанности по отношению к государству и обществу. Словом, пользуясь конституционными гарантиями на получение образования и условиями, предоставленными государством на основе Закона об образовании, каждый гражданин Российской Федерации вправе ощущать себя свободно развивающейся личностью и, что не менее важно, достойным гражданином своего государства. В этом, собственно, и состоят конституционные гарантии на образование, смысл культуры как основания содержания образования и их неразрывное единство.

§ 2. Проблемы и перспективы доступности дошкольного образования в современных условиях

Проблема реализации прав и свобод личности не может быть рассмотрена сугубо в формально-юридическом аспекте. Особое значение здесь приобретают факторы политического, экономического, духовно-нравственного, организационного, социально-психологического и иного порядка, которые обуславливают процесс реализации прав и свобод и во многом определяют его эффективность и результат.

Под реализацией права личности обычно понимают претворение его в действительность, превращение социальной возможности, детерминированной уровнем общественного развития и выраженной в правовых нормах, в конкретный процесс пользования социальным благом, лежащим в основе данного права [69: с. 54].

Основным институтом конституционного права России является институт гарантий прав и свобод человека и гражданина с присущим ему набором особенностей реализации права на образование.

Пунктом 5 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в России гарантируются общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

Под общедоступностью дошкольного образования понимают, во-первых, возможность получения места в детском саду к моменту достижения ребенком установленного законом возраста, то есть гарантированное зачисление без очередей. В соответствии с ч. 1 ст. 67 Закона об образовании получение дошкольного образования в образовательных организациях может начинаться по достижении детьми возраста двух месяцев. Во-вторых, доступность дошкольного образования подразумевает возможность снижения платы за присмотр и уход за детьми в дошкольных

образовательных организациях путем существующей системы компенсаций родительской платы.

В отношении наличия очередей при приеме в детские сады очевидным нарушением является невключение в очередь на предоставление места в детском саду лиц, имеющих на это право (*Апелляционное определение Московского областного суда от 31.03.2014 по делу № 33-6926/2014*), или использование помещений детского сада не по назначению при наличии зарегистрированной очереди в детский сад (*Определение Московского городского суда от 28.04.2015 № 4з/1-2954*).

По отношению к вопросу о правомерности самого наличия очереди в детские сады судебная практика противоречива. Одни суды не считают наличие очереди нарушением конституционного права на образование, в то время как другие приходят к выводу, что реализация конституционного права на образование, в том числе дошкольное, не может быть поставлена в зависимость от фактического наличия мест в дошкольных образовательных организациях.

В первом случае следует привести в качестве примера *Апелляционное определение Московского городского суда от 14.01.2014 по делу № 33-327*, где суд подчеркнул, что непредоставление ребенку места в дошкольной образовательной организации связано исключительно с отсутствием свободных мест и наличием очереди, в которой в том числе состоят лица, обратившиеся за постановкой на такую очередь ранее, а также имеющие право на первоочередное предоставление места в дошкольном учреждении. Само по себе наличие очереди на получение мест в дошкольном учреждении нельзя расценивать как неисполнение обязанности обеспечения доступного бесплатного дошкольного образования в отношении ребенка.

Суд определил, что само по себе наличие очереди на получение мест в детском саду нельзя расценивать как неисполнение обязанности обеспечения доступного бесплатного дошкольного образования, несмотря на то, что в городе не хватало мест для всех желающих и количество групп в существующих детских садах было недостаточно. Суд указал, что со стороны органов местного

самоуправления отсутствовало бездействие, поскольку обеспечен порядок постановки на учет детей, нуждающихся в получении места, порядок учета льгот на поступление, предпринимались меры по увеличению количества групп в дошкольных образовательных учреждениях с целью обеспечения всех нуждающихся путевками.

Значительное число дел в рассмотренный период связаны с нарушениями образовательными организациями санитарных норм, выявленными в ходе лицензионной экспертизы, плановой проверки или проверки по жалобе родителей обучающихся.

Суд также указал, что превышение количества воспитанников в детских учреждениях более установленных норм приведет к нарушению санитарно-эпидемиологических требований. Интерес в данной категории дел представляет перечень нарушений — какие нарушения и в какой степени суды признают достаточными для привлечения образовательных организаций к ответственности. В случае признания судом факта нарушения образовательной организацией санитарных норм возникает вопрос о пределах ответственности в случае недостатка финансирования. Прием в дошкольное учреждение детей свыше установленных предельных норм повлечет нарушение прав детей, посещающих дошкольное учреждение, а также нарушение условий лицензии, и, как следствие, применение установленных санкций к дошкольному образовательному учреждению, вплоть до приостановления деятельности детского учреждения. Вместе с тем реализация истцом конституционных прав на получение его ребенком дошкольного образования не должна нарушать прав других детей, поставленных на очередь ранее либо имеющих право на внеочередное или первоочередное предоставление места в дошкольных образовательных учреждениях.

В качестве иллюстрации второго подхода можно привести *Апелляционное определение Московского областного суда от 27.07.2015 по делу № 33-18052/2015*, в котором суд пришел к выводу, что орган местного самоуправления должен предвидеть соответствующую потребность в местах в дошкольных образовательных организациях, своевременно принимать меры к увеличению числа

либо вместимости существующих образовательных учреждений и их финансированию для создания всех необходимых санитарных и иных условий по осуществлению ими образовательной деятельности. Поскольку заявителем были соблюдены необходимые условия для получения места в детском саду, Администрация обязана обеспечить ребенка местом в дошкольном учреждении для получения бесплатного образования.

Причины, по которым Московский городской суд чаще всего оставляет решения районных судов без изменения, а апелляционные жалобы граждан в части отказа в приеме детей в дошкольные учреждения без удовлетворения, сводятся к тому, что предоставление места в детском саду повлечет за собой нарушение прав и охраняемых законом интересов детей, вставших в очередь ранее, или детей, имеющих право на внеочередное и первоочередное предоставление места в дошкольной образовательной организации (в силу статьи 17 Конституции РФ, где закреплено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц).

Так, *Апелляционным определением Московского городского суда от 22.12.2015 по делу № 33-47902/2015* было отказано в удовлетворении требования истца К. о признании незаконным бездействия Департамента образования города Москвы, который в нарушение норм действующего законодательства не обеспечил прием дочери истца в детский сад, что, по ее мнению, создавало ребенку препятствие в реализации права на общедоступное бесплатное дошкольное образование. Суд при этом отметил, что заявителем не были представлены доказательства бездействия уполномоченного органа, кроме того, реализация несовершеннолетней конституционного права на получение дошкольного образования не должна, по мнению суда, нарушать права других детей.

Дети, родители (законные представители) которых имеют право на внеочередное зачисление ребенка в дошкольное учреждение, зачисляются на основании документа, подтверждающего наличие такого права. При этом важно отметить, что при постановке ребенка на очередь в данную организацию необходимо

заявить соответствующую льготу своевременно. Если же это правило нарушено, то отсутствуют юридические основания на применение льготного порядка очередности зачисления ребенка в дошкольное учреждение (*Определение Московского городского суда от 22.03.2012 по делу № 33-8811*).

При комплектовании групп детей, поступающих в дошкольное учреждение № 970 ВАО г. Москвы, ребенку, чья мать имела удостоверение о проживании в зоне ЧАЭС с правом на отселение и в силу закона имела преимущественное право на зачисление (при прочих равных условиях) при поступлении в государственные образовательные организации, было отказано в предоставлении места. Данный отказ истец посчитала необоснованным.

Суд, рассмотрев материалы дела, определил, что в иске отказано правомерно, так как нарушений прав истца при зачислении несовершеннолетнего в детскую дошкольную организацию не установлено, поскольку в материалах дела имеются данные о том, что «при постановке на очередь мать ребенка льготы не заявляла, а льгота была оформлена позднее, только после предъявления соответствующих документов». Причем в настоящее время ребенок посещает центр образования № 1811 «Измайлово», куда был зачислен с учетом льготы, установленной для детей граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС.

Проблемы первоочередного (льготного) распределения мест в дошкольных образовательных организациях представляют отдельный правовой интерес и имеют существенные особенности (*Апелляционное определение Московского областного суда от 05.03.2013 по делу № 33-4230/13*). Судом в иске о возложении обязанности отказано, поскольку лицо не имело права на внеочередное либо первоочередное предоставление места в детской дошкольной организации. Дополнительным основанием отказа в предоставлении ребенку места в дошкольное учреждение являлось также то обстоятельство, что на момент рассмотрения спора все группы детей пятилетнего возраста в дошкольных организациях указанного населенного пункта были полностью

укомплектованы в соответствии с положениями действующего законодательства и с учетом имеющейся очередности. При этом свободные места отсутствовали.

Как показывает мониторинг практики, суды при рассмотрении споров о льготном порядке определения очередности зачисления в дошкольное учреждение весьма досконально устанавливают юридические основания наличия соответствующих льгот. При этом суды всегда признают право отдельных категорий лиц на первоочередное зачисление их детей в дошкольное учреждение только в том случае, если такое право предусмотрено законодательством Российской Федерации. На это указывает *Апелляционное определение Московского областного суда от 26.01.2015 по делу № 33-1574/2015*, в соответствии с которым доводы заявителя (военнослужащего Д.) о праве на льготу по предоставлению места в дошкольное учреждение во внеочередном порядке судом обоснованно отвергнуты, поскольку такая льгота положениями п. 5 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не установлена.

На практике возникают противоречия в толковании сопряженных федерального и регионального законодательств в том случае, когда последнее предоставляет своим гражданам более льготные условия реализации своих прав в сфере образования. Анализ практики правоприменения показывает, что суды также испытывают определенные трудности с оценкой возникшей коллизии и неоднозначно квалифицируют сложившуюся ситуацию.

Московский городской суд Апелляционным определением от 18.02.2014 по делу № 33-3102 вынес решение о невыплате компенсаций на образование несовершеннолетних детей, получающих образование в семейной форме. В ответ на свою жалобу, направленную в Департамент образования города Москвы, истец получила разъяснение изменений действующего законодательства в связи с введением в действие Закона об образовании.

Суд обоснованно подтвердил, что данное письмо Управления носит информационный характер и оно не содержит властного волеизъявления, порождающего правовые последствия для заявителя,

или предписывающих норм, обязательных для исполнения заявителем, не содержит норм, определяющих права и обязанности заявителя, не влечет каких-либо юридических последствий для него, не нарушает каких-либо прав и интересов заявителя и не возлагает на него каких-либо обязанностей. Вместе с тем следует отметить, что суд уклонился от оценки того факта, что упомянутый выше Закон города Москвы продолжает действовать и фактически не противоречит, а оптимизирует, расширяет возможности москвичей реализовать свое конституционное право на бесплатное основное общее образование.

Более определенную позицию по данному вопросу занял *Московский городской суд в Кассационном определении от 27.08.2015 по делу № 4г/2-8464/*, в котором истец В. полагала незаконными действия ответчика об отчислении ее сына из контингента школы в связи с переходом на семейную форму обучения. При этом в связи с отчислением ребенка из основной группы учащихся школа перестала выплачивать компенсацию за его обучение и питание, что, по мнению истца, незаконно.

Суд на основании оценки собранных по делу доказательств, в их совокупности, пришел к выводу об отказе в удовлетворении заявленных истцом требований, в том числе на основании того факта, что в настоящее время изменен порядок, ранее предусматривающий произведение ежемесячных компенсационных выплат за питание путем перечисления через отделения банков Москвы на лицевые счета родителей детей, обучающихся в форме семейного образования.

Аналогичный подход просматривается в *Апелляционном определении Московского городского суда от 10.11.2015 по делу № 33-41356/2015*, в котором гражданка К. обратилась в суд в интересах ребенка с требованиями к ответчику — школе № 10 города Москвы — о понуждении к исполнению требований Устава в части ежемесячных компенсационных выплат за питание в соответствии с нормативными правовыми актами города Москвы, а именно п. 3 и 3.1 приказа Департамента образования города Москвы от 30.12.2010 № 2168 «Об организации питания обучающихся, воспитанников и студентов государственных образовательных

учреждений системы Департамента образования города Москвы». При этом истец требовала возмещения денежных средств за питание.

В своем решении суд отметил, что ссылки истца на то, что в данном случае суд незаконно не применил п. 3.1 Приказа Департамента образования г. Москвы от 30.12.2010 № 2168 «Об организации питания обучающихся, воспитанников и студентов государственных образовательных учреждений системы Департамента образования города Москвы» (в редакции приказа ДОГМ от 26.12.2012 № 947), также не могут быть приняты во внимание. Действительно, указанным приказом было предусмотрено производство ежемесячных компенсационных выплат за питание путем перечисления через отделения банков Москвы на лицевые счета родителей детей, обучающихся в форме семейного образования. Вместе с тем в настоящее время этот порядок изменен в связи с вступлением в действие Закона об образовании.

Подводя итог отметим, что судебная практика по проблемам образования в целом не однородна. Правовые вопросы обеспечения доступности дошкольного образования в России остаются противоречивыми по ряду причин. Сохраняется неоднозначность судебных решений по вопросу о правомерности наличия очереди в дошкольные образовательные организации, которое, по выводу одних судов, является нарушением конституционного права граждан на образование, а по оценке других — нет. При этом некоторые суды считают, что реализация конституционного права на образование, включая дошкольное, не может зависеть от наличия либо отсутствия мест в дошкольных образовательных организациях.

§ 3. Общее образование: доступность для всех и каждого

Проблемы образования в современной России — едва ли не самые обсуждаемые, и не только в среде интеллектуалов, школьных педагогов и научно-педагогических работников высших учебных

заведений. Этими проблемами обеспокоены родители и, в меру своего понимания, даже обучающиеся. Оно и понятно, ибо образование на протяжении существования человеческого общества выступает в двух ипостасях: как механизм накопления опыта и как механизм социально-экономического воспроизводства социума.

Вся *система образования* в нашем государстве (глава 2 Закона) подразделяется на самостоятельные виды *общего, профессионального, дополнительного образования и профессионального обучения*. Как уже отмечалось, в Законе все перечисленные виды образования составляют единую систему *непрерывного образования*, обеспечивающего возможность реализации права на образование в течение всей жизни человека. Отдельно образование реализуется по *уровням* общего и профессионального образования. К уровню общего образования относятся:

- дошкольное образование;
- начальное образование (1–4 классы);
- основное общее образование (4–9 классы);
- среднее общее образование (9–11 классы).

В главе 7 Закона указывается, что общее образование может быть получено в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, и также в форме семейного образования и самообразования. Словом, мы возвращаемся к старым добрым традициям нашего государства и воспроизводим их в законе. Речь идет о домашнем (семейном образовании), которое было характерно в течение длительного времени в Российской империи, а также о самообразовании, которое также было распространено не меньше. Многие видные политические и общественные деятели, литераторы и поэты, актеры и музыканты, художники и другие творческие работники в истории нашего государства вовсе не учились в государственных учебных заведениях, а получили домашнее образование или сдали экзамены в университете экстерном. Но в этом деле существовали и существуют и сейчас проблемы, о которых будет сказано при дальнейшем изложении данной проблемы.

Что касается организации, осуществляющей образовательную деятельность, т. е. школы, то, как всякий специально созданный

институт, школа выступает средством формирования общественного (коллективного) мышления и «инструментом контроля социальной элиты над обществом [115: с. 35]. Школьное образование позволяет воспроизводить знания, «передавать опыт социальных отношений, культуры, норм и ценностей, формировать мировоззрение подрастающего поколения [115: с. 35].

По-иному решается задача получения общего образования в закрепленной в Законе форме семейного образования. Есть основания полагать, что в таком случае весьма затруднено формирование общественного коллективного мышления, поскольку обучающийся лишен возможности общения со своими педагогами в той форме, которая принята в школе, и, что особенно важно, общения со своими сверстниками. Без таких форм общения обучающегося задача выработки у него коллективного мышления, имеющего важное значение в социуме, существенно затруднена. Та же проблема стоит и при получении среднего общего образования в форме самообразования (ст. 63 п. 2. Закона). Очевидно, что при получении общего образования вне школы каждый обучающийся будет решать задачу выработки коллективного мышления по-своему и в зависимости от того, что он будет делать после получения этого образования.

Попутно заметим, что задача получения общего образования по-разному решается в российской педагогике и педагогике некоторых других государств. Речь идет о главном, т. е. в какой роли выступает обучающийся — в форме объекта или в форме субъекта. Так, в датской ментальности изначально заложено представление, что обучающийся — «субъект, а не объект обучения, т. е. заключена личная, персональная составляющая» [128: с. 46]. И, если сравнивать законы об образовании, то в «педагогических клише» Дании и России существуют большие различия: датская триада означает «знания, умения, точки зрения», а российская — «знания, умения, навыки» [128: с. 46]. Так что в общем образовании Дании субъектный компонент выражен вполне отчетливо. Не удивительно, что понятие «компетентность», «имеющее ярко выраженную гуманитарную, личную составляющую, быстро «прижилось» на почве датской действительности, легко встроилось в систему дошкольного

и школьного, профессионального и постпрофессионального образования и приобрело стремительный вектор развития как в теоретических исследованиях, так и в реализации новых идей в педагогической практике» [128: с. 46].

Закон гарантирует получение общего образования для лиц, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также для детей, находящихся в организациях, осуществляющих лечение или социальное обслуживание. Как установлено в Законе, они получают начальное общее, основное общее, среднее общее образование в указанных организациях, но при условии, если получение данного образования не может быть организовано в общеобразовательных организациях.

Каждый уровень образования в РФ имеет свою цель и свое содержание. Так, *дошкольное образование* (ст. 64 Закона) предусматривает формирование разнообразных качеств, в частности, общей культуры; развитие физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирование предпосылок учебной деятельности, сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста. Конечно, формирование данных качеств у детей дошкольного возраста должно осуществляться на основе того минимального уровня фактических знаний, который является необходимым и достаточным для успешного освоения ими образовательных программ начального общего образования, на основе индивидуального подхода к детям дошкольного возраста и специфичных для детей дошкольного возраста видов деятельности.

Начальное общее образование (ст. 66 Закона) направлено на развитие индивидуальных способностей ребенка, положительной мотивации и умений в учебной деятельности (овладение чтением, письмом, счетом, основными навыками учебной деятельности, элементами теоретического мышления, простейшими навыками самоконтроля, культурой поведения и речи, и даже основами личной гигиены и здорового образа жизни). Столь большой перечень качеств и умений, которым должен обладать

ребенок, окончивший начальную школу, включенных законодателем в данную статью, в конечном счете предполагает *формирование личности обучающегося*. Здесь все выглядит вполне логично.

Имея такую личность, можно продолжить ее подготовку к дальнейшему, еще более напряженному труду по получению *основного общего образования*, предусматривающего формирование более сложного комплекса качеств и умений (нравственных убеждений, эстетического вкуса и здорового образа жизни, высокой культуры межличностного и межэтнического общения, владения основами наук, государственным языком, навыками умственного и физического труда). На выходе данный уровень образования предполагает уже *социально самоопределившуюся личность*

Согласно Закону, *среднее общее образование* снова же направлено на дальнейшее становление и формирование личности обучающегося. Эта задача включает в себя следующие компоненты: развитие интереса к познанию и творческих способностей обучающегося, формирование навыков самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации содержания среднего общего образования, подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору, продолжению образования и началу профессиональной деятельности.

В итоге на этом уровне образования перед обучающимся ставится очень сложная и ответственная задача *самостоятельного жизненного выбора*. Выбор состоит в том, как выпускник средней школы вместе со своими родителями или опекунами, а воспитанник детского дома, видимо, с помощью своих воспитателей будет решать проблему своей дальнейшей самостоятельной жизни, продолжать профессиональное образование или начинать свою трудовую деятельность без продолжения такого образования. Ведь рабочую профессию выпускник средней школы может получить и непосредственно на производстве «бригадным методом» или в профессиональных учебных заведениях, существующих ныне в крупных государственных корпорациях или частных

производственных фирмах. Есть серьезные основания предполагать, что значительную, если не основную, часть своих потребностей в рабочих профессиях производственный сектор экономики нашего государства удовлетворяет именно таким образом.

Различные по содержанию и конечным результатам задачи, решаемые на всех уровнях общего и профессионального образования, порождают немало проблем, самой трудной из которых является проблема обеспечения основных образовательных программ.

Начнем с дошкольного образования. С 1 января 2014 г. вступил в силу Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) [76: с. 123]. Он разработан на основе Конституции РФ, законодательства России и требований Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. Одной из основных задач ФГОС ДО является обеспечение преемственности целей и задач, а также содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различных уровней [76: с. 123]. Таковую же основную задачу содержит и ФГОС начального общего образования (ФГОС НОО), утвержденный Приказом Министерства образования и науки от 6 октября 2009 г. № 373 [76: с. 123]. И в нем одной из основных задач является «обеспечение преемственности основных образовательных программ дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего и высшего профессионального образования» [76: с. 123].

Закон об образовании наряду с главной задачей дошкольной организации — «присмотр и уход за детьми» (ст. 65 п. 1) закрепляет за дошкольными учреждениями обязанность осуществлять образовательную деятельность как отдельную услугу. Согласно Закону, любая школа также вправе реализовывать программы дошкольного образования. Закрепляя за школой эту дополнительную задачу, законодатель исходил из очевидной истины — «меняется мир, изменяются и дети». Но отсюда вытекает проблема о новых требованиях к квалификации педагогов, занятых дошкольным образованием в школе. Поэтому введение нового профессионального стандарта таких педагогов влечет за собой

изменение их подготовки и переподготовки в вузах и специальных центрах повышения квалификации.

О необходимости организации профессионального дополнительного образования по обеспечению преемственности дошкольного и начального образования в условиях реализации ФГОС свидетельствуют результаты анкетирования 780 педагогов дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) в 2014 г.: 96 % педагогов согласны с необходимостью обеспечения преемственности, 74 % из них заявили о своей неготовности к проектированию учебного процесса с учетом преемственных связей, а 26 % из числа опрошенных хотя и имеют некоторые знания по данному вопросу, но на практике применять их не могут [76: с. 123].

Таким образом, в соответствии с Конституцией Российской Федерации Закон об образовании детально гарантирует право на дошкольное, начальное общее, основное общее и среднее общее образование и обязывает все образовательные организации данных уровней обеспечивать получение его всеми подрастающими гражданами нашего государства. В силу обязательности всех трех уровней общего образования обучающиеся, не освоившие основной образовательной программы начального общего и (или) основного общего образования, не допускаются к обучению на следующих уровнях общего образования. Причем требование обязательности среднего общего образования применительно к конкретному обучающемуся сохраняет силу до достижения им возраста восемнадцати лет, если соответствующее образование не было получено обучающимся ранее (ст. 68 п. 5 Закона).

Согласно требованию Закона об образовании, государство в лице комиссии по делам несовершеннолетних и органа местного самоуправления, осуществляющего управление в сфере образования, и с согласия родителей (законных представителей) несовершеннолетнего, оставившего учебное заведение, не позднее чем в месячный срок принимает меры по продолжению освоения несовершеннолетним образовательной программы основного общего образования в иной форме обучения и, с его согласия, по трудоустройству. Государство понуждает нерадивых несовершеннолетних, оставивших

учебное заведение, продолжать получение образования, хотя и в иной форме. Иначе, Закон обязывает соответствующие государственные органы обеспечивать реализацию права на образование даже в таких конфликтных случаях, когда несовершеннолетние по каким-либо причинам прекращают обучение.

Пожалуй, любой добропорядочный человек согласится с тем, что для общеобразовательной школы принципиальное значение имеет оценка результатов обучения. В соответствии с положениями ст. 93, 94, 95 Закона установлены правила и средства контроля за качеством образования. В частности, в ст. 93 государственный контроль (надзор) в сфере образования включает в себя:

- федеральный контроль качества образования;
- федеральный государственный надзор в сфере образования.

И контроль, и надзор осуществляются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и органами федеральной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные Российской Федерацией полномочия по государственному контролю (надзору) в сфере образования.

Под федеральным государственным контролем качества образования понимается деятельность по оценке соответствия содержания качества подготовки обучающихся по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам, федеральным государственным образовательным стандартам *посредством организации и проведения проверок качества образования и принятия по их результатам мер, предусмотренных частью 9 настоящей статьи.*

В качестве средств контроля за качеством образования закрепленными в Законе являются *педагогическая экспертиза* (ст. 94) и *независимая оценка качества подготовки обучающихся* (ст. 95). И первое, и второе средство относятся к внешним, а не к внутренним и не должны проводиться собственными силами образовательных организаций.

Принято считать, что качество обучения в образовательных организациях основного общего образования включает в себя две составляющие. Первая — результаты промежуточной аттестации

учащихся с целью выяснения, успешно ли формируются способности к решению учебно-практических и учебно-познавательных задач, а также навыки проектной деятельности. Вторая — итоговая аттестация выпускников, которая должна характеризоваться уровнем достижения предметных и метапредметных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования, необходимых для продолжения образования. Итоговая государственная аттестация выпускников осуществляется внешними органами, имеющими отношение к образовательному учреждению.

Итоговая оценка учащихся определяется с учетом их стартового уровня и динамики образовательных достижений. «Практика показывает, — пишет Н.Б. Фомина, — что для оценки достижений учащихся целесообразно установить следующие пять уровней» [163: с. 184]. Первый — базовый уровень — должен соответствовать освоению программного материала на 51–69 % (оценка — «удовлетворительно»), второй — повышенный уровень — при условии освоения программного материала на 70–80 % (оценка — «хорошо»), третий — высокий уровень — при освоении учебного материала на 85–100 % (оценка — «отлично»), пониженный уровень — при условии освоения материала на 40–49 % (оценка — «неудовлетворительно»), низкий уровень — при условии освоения программного материала на 0–39 % (оценка — «плохо») [163: с. 186–187].

Благодаря автоматизированной информационной системе (АИС ВСОКО), обработка и анализ показателей качества образования осуществляется автоматически и позволяет определить качество освоения образовательной программы в соответствии с выделенными и изложенными выше уровнями. Данная программа на уровне образовательного учреждения формирует как статистические, так и аналитические отчеты. Всего таких отчетов автор цитируемой статьи Н.Б. Фомина приводит аж девять: «общие итоги по школе», «итоги по классам», «анализ результатов контрольных работ», «прогноз повышения качества образования», «классный контроль», «классный контроль — динамика», «персональный контроль», «разрыв между контрольными работами

и оценочными показателями», «прогноз повышения качества образования» [163: с. 187].

Трудно сказать, приживется ли предлагаемая программа проверки качества учебы в образовательных организациях основного общего образования, ибо такое количество отчетов может напугать и руководителей школ, и учителей. «Но она необходима, — заключает Н.Б. Фомина, — для постоянного слежения за деятельностью школы в целом — каждого учителя-предметника, классных руководителей, школьного психолога» [163: с. 187]. Вот только невольно возникает вопрос, а зачем необходимо следить за деятельностью школ, учителей и даже за школьным психологом. Полагаем, что в деле контроля за качеством обучения в школах, скорее, необходимо тесное сотрудничество школ и государственных органов, которым, согласно Закону, предписывается осуществлять контроль за качеством обучения в соответствии с программами основного общего образования.

§ 4. Формирование и реализация среднего профессионального образования

В Законе указывается, что к уровню профессионального образования относятся:

- среднее профессиональное образование;
- высшее образование — бакалавриат;
- высшее образование — специалитет, магистратура.

В соответствии с Законом об образовании среднее специальное образование, в отличие от прежних времен, является *уровневым*. Первый уровень — *базовый*. Он предусматривает подготовку квалифицированного рабочего и служащего. Второй уровень предполагает подготовку *специалиста среднего звена* на основе базового уровня. Причем содержание последнего должно иметь инвариантную и вариативную части.

Профессиональное обучение, подчеркивается в главе 9 п. 1 Закона, направлено на приобретение лицами различного возраста

профессиональной компетенции, в том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными средствами, получение указанными лицами квалификационных разрядов, классов, категорий по профессиям рабочего или должности служащего без изменения уровня образования. Далее в п. 2 конкретизируется, что под проблемой профессионального обучения по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих понимается профессиональное обучение лиц, ранее не имевших профессии рабочего или должности служащего.

На заседании Правительства РФ 12 февраля 2015 г., посвященном стратегии развития среднего профессионального образования, Председатель Правительства Д. Медведев озвучил такую статистику по этому поводу: в 2014 г. в колледжах обучалось 2,3 млн чел., еще полмиллиона проходили подготовку в университетах по программам среднего профессионального образования [129: с. 2]. Это ничтожно мало для нашего государства, в котором «голод» на такие кадры чувствуется весьма остро.

Трагизм ситуации с квалифицированными рабочими кадрами и кадрами среднего профессионального образования состоит в том, что, несмотря на принятую государственную программу развития образования на 2013–2020 годы и стратегию развития подготовки рабочих кадров, в стране пока не налажена должным образом работа по сбору заявок на подготовку таких кадров. Приведем диалог, случившийся между В.А. Никоновым — председателем Комитета Госдумы по образованию — и генеральным директором научно-производственного объединения «Сапфир».

А.Ю. Сметанов:

— Вот мне нужны сборщики микросистем, заливщики компаунта и так далее. Но не готовит ни одно образовательное учреждение подобных.

В.А. Никонов:

— А вы даете заявки в Департамент образования?

А.Ю. Сметанов:

— А ко мне никто не обращается.

В.А. Никонов:

— То есть вас даже никто не спрашивает.

А.Ю. Сметанов:

— Вот здесь надо наладить синергию.

В.А. Никонов:

— А Министерство, я так понимаю, не очень интересуется, какие специалисты вам нужны.

Сметанов А.Ю.:

— Мы как предприятие, в принципе, самодостаточны. Но существует огромное количество предприятий, директора которых спрашивают, где найти специалистов нужного нам профиля.

Не правда ли, горький и вполне показательный пример о том, какая неразбериха существует даже на этапе сбора заявок для организации подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего уровня для предприятий и сферы обслуживания нашего государства?

Но может возникнуть вопрос — возможно, это единичные факты?

В том-то и дело, что о неудовлетворительном положении в деле подготовки данного уровня кадров так или иначе говорили почти все участники заседания Правительства РФ 12 февраля 2015 г. и участники круглого стола в Государственной Думе РФ 25 июня 2015 г. Значит, проблема существует, что подтверждают и другие факты.

Так, сегодня в РФ насчитывается всего около 4-х тысяч профессиональных образовательных организаций. «При сравнении с количеством общеобразовательных школ, — пишут В.И. Блинов и Е.Ю. Есенина, — становится понятным, как ничтожно мала эта цифра. При этом весьма небольшой процент из обозначенных 4-х тысяч образовательных организаций отвечает потребностям экономики, т. е. обеспечивает получение востребованных профессиональных квалификаций» [36: с. 25]. Лишь «весьма небольшой процент организаций СПО дают востребованную квалификацию» [36: с. 25].

Для повышения уровня подготовки специалистов данной квалификации, подчеркивал в своем выступлении на заседании

Правительства РФ 17 февраля 2015 г. Д.А. Медведев, необходимо решить три задачи. Во-первых, добиться, чтобы квалификация выпускников колледжей четко следовала требованиям экономики. Во-вторых, чтобы она обеспечивала совмещение теоретического обучения с практическим обучением на предприятии. На предприятиях или в учебно-тренировочных центрах обучающиеся должны проводить не менее половины времени. Причем в этом деле должны участвовать и работодатели. В-третьих, повысить уровень подготовки специалистов, усовершенствовав систему оценки, сертификации [36: с. 20].

Но как можно выполнить задачи, которые ставит не министр образования и науки, а Председатель Правительства страны, когда система поддержки СПО со стороны государства, по данным Минобрнауки, в 2014 г. коснулась лишь 10 % профессиональных образовательных организаций [36: с. 25]. Для реализации комплекса мер, заявил Д. Ливанов на заседании Правительства РФ, «планируется государственная поддержка в объеме примерно 5 млрд рублей в рамках Государственной программы развития образования» [36: с. 30].

Может быть, и поэтому количество организаций профессионального обучения рабочих кадров не увеличивается, а уменьшается. Например, в своем вступительном слове на круглом столе в Государственной Думе РФ председатель Комитета Госдумы по образованию В.А. Никонов озвучил печальную статистику по этому вопросу. За последние два года, заявил В.А. Никонов, количество профессиональных и образовательных организаций уменьшилось на 15 %, контингент обучающихся сократился на 2,3 %. Причем обучение по программам среднего профессионального обучения сократилось на 10 %. В 26-ти субъектах РФ прием увеличился, в 45 субъектах сократился [129: с. 18].

Под профессиональным обучением, говорится в п. 2 ст. 73 Закона, по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих понимается профессиональное обучение лиц, ранее не имевших профессии рабочего или должности служащего. Так определена в Законе задача получения *начального профессионального обучения* (НПО).

Заметим, что раньше оно существовало в качестве самостоятельного уровня. Теперь, как заявил на заседании Правительства РФ Д. Ливанов, в результате структурных изменений завершился переход от двухуровневой системы НПО и СПО «к одному уровню среднего специального образования с реализацией двух типов программ — подготовке квалифицированных рабочих и подготовке специалистов среднего звена» [129: с. 2].

По этому поводу у работников этой сферы, понимающих толк в подготовке рабочих кадров и специалистов среднего звена, возник очень важный вопрос, а зачем нужно было устранять (НПО) как самостоятельный уровень, который в недалеком прошлом был предметом постоянной и особой заботы советского и Российского государства не только потому, что насыщал производство квалифицированными рабочими кадрами, но и потому, что выполнял ярко выраженную социальную функцию. Для подростков из неполных и неблагополучных семей и подростков с ограниченными возможностями здоровья НПО создавало реальные возможности получить профессию и войти в мир труда. Для молодых людей сельской местности НПО вообще были единственной возможностью получить первоначальную профессию. Подчеркнем особо, что не только в прошлом, но и в настоящее время для нашего государства наличие данного уровня образования — это не только национальная традиция, но и острая социальная необходимость. Между тем самым радикальным изменением в системе образования, по сравнению с предшествующим законом «Об образовании (1992/1996 гг.), является отсутствие в нем «начального профессионального образования (НПО)» [129: с. 3]. И это при том, что еще в процессе обсуждения Закона наиболее решительные его защитники успокаивали общественность, заявляя, что Закон вроде не отменяет НПО, а повышает его уровень до среднего профессионального образования (СПО). «Однако можно ли, — задает справедливый вопрос Е.В. Ткаченко, — изменив только название, повысить уровень» [158: с. 4]. В одном из своих выступлений О.Н. Смолин назвал ликвидацию начального профессионального образования как особого образовательного уровня движением Федерального закона об образовании назад [158: с. 4].

Приведем примеры, показывающие отрицательные социальные последствия тотального упразднения федеральной системы НПО. С передачей учреждений НПО с первого января 2006 г. с федерального бюджета на региональный количество учащихся уменьшилось с 1,5 млн в 2005 г. до 1,1 млн в 2008 г. и до 0,5 млн в 2012 г. [157: с. 6]. А ведь в России были, есть и, видимо, еще долго будут сотни тысяч неблагополучных молодых людей, сирот и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, для которых НПО было в свое время своего рода социальным лифтом.

Вместо того, чтобы здраво оценить возникшие проблемы с организацией профессионального образования, министр образования и науки РФ Д. Ливанов говорил не об улучшении уровня образования в этих учебных учреждениях, а о передаче их регионам и укрупнении. В настоящее время средний контингент колледжа, заявил бывший в то время Министром Д. Ливанов, составляет 1 тыс. студентов, против 350–400 студентов несколько лет назад. Как серьезное достижение Д. Ливанов рассматривает увеличение на 10 % (с 400 до 500 тыс. чел.) выпускников 9-х классов, выбирающих для дальнейшего профессионального образования колледжи и техникумы [129: с. 3]. Такое, с позволения сказать, увеличение — ничтожная цифра, если рассматривать ее с точки зрения нужды в кадрах всех сфер нашей хозяйственной деятельности и услуг. Министр обещал также «усиление участия работодателей в управлении региональными системами подготовки кадров на всех этапах — от профориентации до трудоустройства. Будет выстроена, — говорил далее Д. Ливанов, — система непрерывной подготовки педагогических и управленческих кадров для системы кадров СПО» [129: с. 3]. Удивительно, но на этом заседании Правительства РФ никто не задал Д. Ливанову вопрос, а разумно ли возлагать профориентацию, и в особенности подготовку педагогических и управленческих кадров сферы СПО на работодателей. С определенным участием работодателей в профориентации можно, и то отчасти, согласиться. Однако подготовка преподавательских и управленческих кадров для системы СПО —

это дело чисто государственное, точно такое же, как строительство мостов через Волгу или атомных электростанций. Многие работники сферы СПО, участвующие в сотрудничестве с бизнесом, отмечают: «Уровень взаимодействия государства и бизнеса в области профессионального образования и эффективность вложенных средств и усилий еще далеки от ожидаемых» [107: с. 2]. Здесь может выручить только заинтересованность государства в целом и соответствующих государственных структур. Только в этом случае можно говорить об эффективности вкладываемых в профессиональное образование средств и требуемом уровне образования.

Теперь поговорим по существу процесса подготовки кадров в системе СПО. Согласно с дидактикой профессионального образования, необходимо начинать с начального уровня профессионального обучения как предшествующей ступени среднего профессионального обучения (ПО). Поэтому организацию образовательного процесса в учреждениях среднего ПО, по-видимому, целесообразно строить на ступенчатой основе, которая позволила бы последовательно осваивать в процессе обучения иерархические учебные задачи (стереотипные, диагностические, творческие) и соответствующие компетенции: общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные. Понятно, что все это реализуется через содержание обучения.

Но давайте внимем в очень сложную структуру обучения рабочих, т. е. на первом этапе ПО, которое практикуется, например, на Камазе. Эта структура включает в себя технический колледж (ТК), многофункциональный центр прикладных квалификаций (МЦПК), учебно-технологический комплекс на производстве (УТК). И разве можно сравнить с первоначальным профессиональным обучением, ориентированным на получение рабочей профессии, нагромождение, состоящее из ТК + МЦПК + УТК? Авторы статьи о подготовке рабочих кадров на Камазе утверждают, что это «новация, рожденная из необходимости создания комплексной, качественной, эффективной (в том числе экономически) комплексной модели обучения персонала, прежде всего

рабочих, отвечающей реальным потребностям ОАО «КАМАЗ» [110: с. 6]. И далее. С учетом специфики каждого из озвученных видов подготовки «они организуются в различных структурах, которые максимально соответствуют требованиям эффективности по своему виду обучения, при этом они объединены общими целями, общими стандартами, идеологией, требованиями, системой управления, общим заказчиком, общим организатором и куратором процесса обучения в лице Корпоративного университета. Здесь нет внутренней конкуренции и невозможно «перетягивание одеяла», а есть совместная организация учебного процесса на всех заявленных площадках...» [110: с. 6]. Пусть простит нас читатель за столь длинное цитирование. Но без него невозможно представить себе реализуемую концепцию подготовки квалифицированных рабочих кадров, существующую в современной системе первичного профессионального образования.

Считаем необходимым вернуться к оценке учебных центров, которые действуют в процессе подготовки квалифицированных рабочих кадров на Камазе. Закон об образовании открыл широкую дорогу по созданию различного рода учебных центров. В п. 6 ст. 73 Закона установлено, что учебные центры профессиональной квалификации могут создаваться в различных организационно-правовых формах юридических лиц, предусмотренных гражданским законодательством, или в качестве структурных подразделений юридических лиц.

В 2013 г. были опубликованы методические рекомендации МОиН РФ по формированию многофункциональных центров прикладных квалификаций [107: с. 2–6]. В данном документе предусматривается два вида центров: «Многофункциональный центр прикладных квалификаций (МЦПК) и «учебный центр профессиональной квалификации» (УЦПК). Чаще всего они называются учебными центрами профессиональных квалификаций, и при этом все единодушны в том, что эти два термина и вида центров — синонимы. Спрашивается, насколько верна и обоснованна такая точка зрения?

Приведем два определения. Первое содержится в рекомендациях МОиН: «Учебный центр профессиональной квалификации

(многофункциональный центр профессиональной квалификации, многофункциональный центр прикладных квалификаций) — организация или структурное подразделение организации, осуществляющей деятельность по реализации практико-ориентированных образовательных программ, разработанных на основе профессиональных стандартов и/или согласованных с работодателями и обеспечивающих освоение квалификации, востребованной на рынке труда» [107: с. 2–6]. Второе определение дает директор Департамента государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и дополнительного профессионального образования МОиН РФ Н.М. Золотарева: «Учебный центр профессиональной квалификации (многофункциональный центр прикладных квалификаций) — это организация или структурное подразделение организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ профессионального обучения и дополнительных образовательных программ, разработанных на основе профессиональных стандартов (квалификационных требований)» [107: с. 2–6].

Как видим, в приведенных определениях два понятия — МЦПК и УЦПК употребляются как синонимы. Если разобраться в понятиях «прикладные квалификации» и «профессиональные квалификации», то любая квалификация по определению является профессиональной. «В этом контексте, — резонно замечает Г.И. Ибрагимов, — понятно, что понятие «профессиональные квалификации» ничего не добавляет к базовому термину «квалификация», а, напротив, запутывает читателя. Поэтому мы полагаем, что термин «профессиональные квалификации» является некорректным и соответственно его использование нельзя считать оправданным» [107: с. 6–7]. Не могут быть синонимами и понятия «профессиональные компетенции» и «прикладные квалификации». «Прикладные квалификации, — продолжает Г.И. Ибрагимов, — есть не что иное, как характеристика подготовленности человека к выполнению такого вида профессиональной деятельности, который носит практический характер, то есть предполагает непосредственное оперирование человека инструментами, материалами и т. п.» [107: с. 7]. Все это связано с профессиями рабочих.

Как же должно идти формирование содержания профессионального образования с учетом Закона об образовании?

Предлагаемая Законом схема такова: «государственный образовательный стандарт — образовательная программа — учебно-программная документация — производство», что и осуществляется на макро- и микроуровне.

На макроуровне нормативной основой для отбора содержания профессионального образования и обучения документы Госстандарта не являются, потому что важен, как полагает С.Я. Батищев, «перечень профессий и специальностей начального профессионального образования и классификаторы среднего профессионального и высшего профессионального образования» [34: с. 143]. Причем анализ отобранного по конкретному направлению содержания образования осуществляется по трем слоям: верхний слой соответствует отраслям и подотраслям экономики, отдельным видам производства или видам деятельности; средний слой — группам родственных профессий; нижний слой — отдельным профессиям [34: с. 143]. Данный блочно-модульный подход к содержанию СПО позволяет по-новому подойти к созданию учебно-программной документации для него не на уровне одной профессии или специальности, а на основе целостной структуры содержания непрерывного профессионального образования в рамках конкретного направления (отрасли, подотрасли, производства или вида деятельности) [98: с. 54].

На первый взгляд такая схема кажется логичной. В нее, надо полагать, вписывается и так называемое дуальное обучение, реализуемое в рамках образовательных проектов в сфере ПО. Заимствованная из опыта Германии, на первом этапе дуальная система предполагает прохождение развернутого теста на профессиональную пригодность. Как считают специалисты, это означает, что выпускник общеобразовательной школы «самостоятельно выбирает и профессию, которую он собирается освоить, и предприятие, на котором он будет осваивать эту профессию, и учебное заведение, где он будет заниматься теорией» [128: с. 46]. В этом выпускникам школ помогают как педагоги колледжа (в данном

случае Ульяновского профессионально-педагогического колледжа), так и представители профильных предприятий Ульяновска (Ульяновский автозавод, завод Автодетальсервис, Ульяновский моторный завод [129: с. 3–4]. Едва ли разумно спорить с тем, что учет интересов личности подростка и личностная его ориентированность на определенную профессию — дело полезное и для него, и для предприятия, на котором он предполагает трудиться. Но это все возможно лишь при очень хорошо организованной профориентации выпускников школ, причем в тесной связи с их родителями, которые, как известно, чаще всего и являются для своих детей самыми убедительными профориентаторами.

Если говорить серьезно, то выдаваемая за новшество дуальная система обучения в полном объеме реализовывалась в советском профессиональном образовании. В.М. Платонов, бывший многие годы председателем Мосгордумы, а теперь депутат Госдумы, вспоминает: «Я работал на машиностроительном заводе имени Хруничева. На заводе было ПТУ № 49. Там готовили столько, сколько нужно, станочников по всем профессиям, которые потом уже знали, куда они пойдут, на какое рабочее место. Люди и не знали, что, оказывается, они занимались дуальным образованием» [129: с. 4]. И еще об одном заимствовании. Речь идет о соревнованиях обладателей рабочих профессий. Так вот: «<...> в соответствии с доброй нашей национальной традицией, — замечает В.А. Никонов, — называется, конечно же, WorldSkills, вместо того, чтобы носить нормальное русское название» [129: с. 18]. Интегрироваться в международное образовательное пространство необходимо и полезно. Но когда это порою делается, чтобы поразить звучным иностранным словом, а не существом дела, то становится просто грустно.

Специалисты по профессиональному обучению полагают, что для достижения качественного содержания профессионального образования следует руководствоваться прежде всего нашим национальным опытом и тем, что действительно является полезным. Речь идет, в частности, о двухуровневой технологии проектирования, что, во-первых, соответствует разделению содержания

на федеральный и региональный компоненты, во-вторых, соответствует разделению полномочий субъектов профессионального образования при разработке его содержания. В этом случае региональный компонент — это «разработка содержания образования на микроуровне путем последовательного дополнения и уточнения федерального компонента на всех уровнях его структуры (блоки, модули, модульные единицы)» [129: с. 8]. Да, это так, но вот только необходимо учитывать, что «профессиональная деятельность имеет системообразующее значение по отношению к модели профессионального обучения, поэтому при разработке системы профессионального образования описание целостной профессиональной деятельности квалифицированного рабочего является важнейшей составной частью» [35: с. 227]. Такой подход к данной проблеме утверждает, например, А.П. Беляева оправдан, ибо в период, о котором он пишет, еще действовало начальное профессиональное образование как первичное звено во всей системе ПО. Оно, замечает А.А. Листвин, было реализовано в государственных образовательных стандартах предшествующих поколений в системе начального профессионального образования [98: с. 54]. И в этой связи и социальное значение начального профессионального образования было весьма значимым. «В общем смысле, — пишет далее А.А. Листвин, — содержание образования рассматривается как основной элемент образовательного процесса, составляющий основу, на которой достигаются социальные цели, и обозначается совокупность достижений в различных сферах жизнедеятельности человеческого общества, которые необходимо сделать достоянием лиц, вовлеченных в образовательный процесс» [98: с. 54].

Руководствуясь концептуальным подходом в формировании содержания профессионального образования, закрепленным в Законе об образовании: «<...> профессиональный стандарт — государственный образовательный стандарт — образовательная программа — учебно-программная документация, А.А. Листвин полагает, что «процесс проектирования содержания образования (профессионального. — А.К.) должен быть *трехуровневым*: федеральный, региональный и учреждения профессионального

образования» [98: с. 55]. На федеральном уровне — федеральный государственный образовательный стандарт. Он включает в себя характеристику подготовки по направлению профессиональной деятельности базового и повышенного уровней и примерный учебный план для данных уровней, требования к структуре и реализации основной образовательной программы, к оцениванию качества ее освоения. На региональном уровне — утверждение образовательных программ, отражающих особенности региональной экономики, непосредственная организация и контроль деятельности центров сертификации профессиональных квалификаций. На уровне организации профессионального образования — разработка образовательной программы, рабочей учебно-программной документации по профессиям и специальностям, профессиональных и специальных моделей. Последние должны отражать профессиональную дифференциацию в содержании обучения и текущие потребности работодателя [98: с. 55].

В ст. 68 п. 3 Закона указывается, что получение среднего профессионального образования на базе основного общего образования осуществляется с одновременным получением *среднего общего образования* в пределах соответствующей образовательной программы среднего профессионального образования. В этом случае, указывается далее в Законе, программа среднего профессионального образования реализуется на базе основного общего образования, разрабатывается на основе требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего общего и среднего профессионального образования с учетом получаемой профессии или специальности среднего профессионального образования.

Таким образом, в результате различных концепций подготовки кадров для экономики в целом сталкиваются две совершенно разные модели — западная, базирующаяся на свободной торговле образовательными услугами и конкуренции между их поставщиками, и российская, работающая пока в «закрытом» от экономики режиме. Поэтому перед образовательной системой РФ стоит задача создания открытой рынку труда системы образования,

адекватной мировой практике [158: с. 7]. Закон об образовании, несмотря на имеющиеся в нем противоречия, в целом создает реальные возможности для позитивного решения такой задачи.

Но дело не только в этом. Одной из самых болезненных проблем современного СПО является то, что процент трудоустройства выпускников СПО на производство является до неприличия низким [110: с. 5]. Заметим, что речь идет об одном из самых успешных предприятий автостроения России — Камазе. Что уж тогда говорить о других промышленных предприятиях, менее успешных и популярных, на которых процент трудоустройства по специальности ничтожно мал. Это одна из основных проблем профессионального образования России в целом [110: с. 5].

§ 5. Пути развития высшего образования в России

В Законе (ст. 69 п. 1) подчеркивается: «Высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно-полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации».

Как видим, задачи стоящие перед этим уровнем образования, являются разноплановыми. Это подготовка высококвалифицированных кадров для общества, подчеркнем, по всем направлениям общественно-полезной деятельности, решение задачи удовлетворения потребности личности в расширении образования, в культурном и нравственном развитии, получении научно-педагогической квалификации.

Иными словами, высшее образование, в отличие от общего, является носителем новой функции — воспроизводства новых знаний, а не только их передачи. «В контексте всех современных споров о роли и миссии университета безусловно одно: его цель — воспроизводить человеческий капитал [116: с. 35]. При изменении

условия функционирования университета меняется и его форма и характер его текущих задач. Но неизменной остается цель — «решить вполне очевидную проблему: дальнейшее воспроизводство общества» [116: с. 35].

Мы на собственном опыте убедились в том, что научить этому классическими методами невероятно трудно, а может быть, и вообще невозможно. Действительно, как можно преподавателю высшего учебного заведения дать студенту навыки в не существующей пока профессии?

Поэтому и пытаемся перестроить образовательный процесс на основе идеи, к решению которой в исследовательских университетах США перешли еще во второй половине XX в., а именно интеграции триады образование – наука – бизнес [116: с. 35].

Заметим попутно, что в университетах Советского Союза интеграция триады «образование – наука – производство» реализовывалась довольно успешно. Однако после разрушения промышленности и в особенности ее военно-промышленного комплекса надобность в интеграции данной триады существенно снизилась. Теперь приходится восполнять упущенное, на что направлены попытки создания «исследовательских», «национальных» университетов, технопарков и т. п.

Согласно теории американского социолога Элвина Тоффлера, в период информационной революции, в условиях которой существует современное человечество, перед высшим образованием возникают все новые и новые задачи. Так, возникающие узкие отрасли и специальные технологии, в отличие от традиционных областей сельского хозяйства и промышленности, определяют подготовку высшими учебными заведениями таких новых специалистов, как геновые инженеры, биотехнологи, специалисты в области информационных технологий, сферы услуг, сфер умственного труда. В этих условиях существенно изменяются цели и функции университетской профессуры — подготовка студента к жизни и трудовой деятельности. «Социально-культурные нормы более не выступают каноном, и даже больше — студент теперь сам должен воспроизводить новую социально-культурную

реальность, ибо это обеспечит ему полноценное развитие в качестве креативной и критически мыслящей личности» [116: с. 39].

В таких условиях от университетов требуется выполнение нового социального заказа, «социум ожидает от университетов подготовки таких кадров, которые будут способны самостоятельно определять не только собственную траекторию развития, но и развитие социально-культурных и социально-экономических связей, способных создавать уникальный конкурентный продукт, еще не существующий в природе» [116: с. 39]. Это возможно лишь в одном случае, когда «не специалист воспроизводит подобного себе специалиста, а студент выступает в роли специалиста, конструируя себя самостоятельно; задачей педагога становится его «сопровождение», а задачей специалиста в одной из областей знания — оценка исследовательского продукта студента» [116: с. 39]. При этих вновь создаваемых условиях совершенно иным образом перестраивается и весь учебный процесс.

В качестве примера сошлемся на опыт высшего образования Дании, в вузы которой год от года увеличивается поток иностранных студентов из стран Европы и даже Америки. Так называемый *метод проблемно-ориентированного проекта* обучения в университетах городов Роскильде и Ольбогр приобрел широкое развитие как в теоретических исследованиях, так и в реализации новых идей в педагогической практике. В итоге датские ученые оказались наиболее цитируемыми авторами в современной научной литературе.

Пожалуй, самой существенной особенностью является то, «что в учебном процессе функционируют не два субъекта, а три: преподаватель/лектор, студент и преподаватель/руководитель проекта [128: с. 47]. Метод проблемно-ориентированного проекта занимает 50 % учебного времени. Следовательно, только половину учебного времени студенты учатся по классической системе — лекции, семинары, коллоквиумы, а другую половину работают совместно в группе по избранной теме в соответствии с интересами ее участников под руководством преподавателя [128: с. 48]. Суть педагогического подхода в новой образователь-

ной модели состоит в том, что студент лучше и качественнее осваивает материал, «если начнет с поиска постановки проблемы, и причем обязательно по *интересующей его тематике*» [128: с. 48]. Решение проблемы приходит во время обсуждения различных точек зрения. В таком совместном поиске и состоит суть метода. Важно и то, что студенты начинают работать над проектом с первых своих дней учебы в университете. По мере продвижения студентов по учебной лестнице задачи, связанные с выполнением проекта, усложняются.

Проект, выбранный группой, должен быть практически значимым, т. е. востребованным потенциальным или реальным заказчиком из производственной или социальной сферы. В связи с этим в ходе изучения и работы над проектом он может уточняться или меняться. Кроме того, имеет место рефлексия самой работы над проектом. Преподаватель — руководитель проекта должен быть специалистом в сфере, к которой относится проект, встречаться с группой не менее трех и не более семи раз в семестр. Результаты работы над проектом оформляются в виде письменной работы в объеме до 100 страниц. Завершается работа над проектом сдачей экзамена в форме публичной его защиты. В целом за пять лет учебы в университете студенты обязаны защитить не менее 10 проектов. Таковы новые инновационные педагогические технологии, используемые в передовых университетах [128: с. 48–49].

Анализ Закона об образовании РФ показывает, что в нем, несмотря на общую направленность на укрепление связи учебы с практическими задачами, все же слабо представлены новеллы о вовлечении студентов в реальный исследовательский процесс. Справедливости ради заметим, что попытки сформулировать такие задачи — налицо (см., напр., ст. 13 п. 6, 7, 8; ст. 19 п. 1, 2; ст. 20 п. 1–4; ст. 47 п. 3; ст. 50 п. 2, 3 Закона). Вторая проблема состоит в том, что для осуществления такого подхода преподаватели должны быть не просто педагогами, но *действующими учеными, специалистами в конкретной области техники и технологий*. Обучение студентов у мастера, передача им его профессионального мастерства, что называется, «из рук в руки» — это тот идеал,

к которому должна стремиться любая образовательная организация профессионального образования, начиная с начального и заканчивая высшим.

Именно в таком ключе переживает трансформацию система образования, в которой реально видны, по крайней мере, три направления. Все большее разделение труда в глобальной экономике предопределяет дифференциацию и в контексте образования. Постепенно разрушается ориентация, особенно высшего профессионального образования, на особую социальную элиту. Повышается значение современных инженерных, физико-математических и технических специальностей. В Москве, например, абитуриенты «с высокими баллами штурмуют МГУ, МГИМО, Высшую школу экономики, МФТИ и МГТУ им. Баумана. В одном только Московском государственном университете насчитали 450 победителей и призеров олимпиад, которые имеют право на зачисление без экзаменов» [87: с. 7]. Подтянулись в этом отношении и федеральные университеты других регионов — Дальневосточный, Сибирский, Балтийский и Южный [87: с. 7].

Более популярными становятся и педагогические вузы. Например, число желающих поступить в Московский городской педагогический университет за год выросло на четверть, говорил корреспонденту газеты ректор МГПУ Игорь Реморенко. «Почти треть заявлений принял наш Институт иностранных языков, причем популярны в этом году не только английский, но и французский, китайский языки, подчеркнул далее ректор ИГПУ. Растет интерес и к программам подготовки дефектологов. Городу нужны специалисты данного профиля» [87: с. 7].

§ 6. Значение дополнительного и непрерывного образования для повышения культурного уровня граждан России

В системе образования (ст. 10 п. 6 Закона) дополнительное образование определяется в двух подвидах: как дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование.

Дополнительное образование детей и взрослых, указывается далее в ст. 75 п. 1 Закона, направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени. Амбициозные задачи, поставленные в Законе, широки и многогранны и, судя по их содержанию, направлены на формирование достойной личности нашего общества.

Дополнительное образование реализуется на основе двух видов программ: дополнительных общеразвивающих образовательных программ для детей и взрослых и дополнительных предпрофессиональных программ только для детей — в сфере искусств, физической культуры и спорта. Дополнительное образование и детей, и взрослых — это их добровольное дело с той лишь разницей, что для детей его необходимость определяют родители, а для взрослых — они сами.

Мы не располагаем достоверной статистикой, какой процент, скажем, школьников занимается дополнительным образованием в области спорта или искусств, но с уверенностью можем говорить о том, что в настоящее время такой процент в семьях среднего класса или в семьях, приближающихся к нему, по крайней мере в крупных городах, является значительным. Что же касается детей из семей с меньшим достатком, а тем более неблагополучных, то они имеют гораздо меньше шансов дополнительно заниматься спортом, музыкой, рисованием или каким-либо иным видом искусств, так как все эти занятия платные. Платными, к сожалению, являются и такие формы дополнительного образования для детей, как клубная сфера или досуговая (игры, праздники, конкурсы, спектакли) и др. сферы, за исключением лишь детского самоуправления и детских общественных объединений. Повторим сказанное выше, бесплатным является образование, за которое платит государство, как это было в пору Советского Союза. Но Закон об образовании, следуя традиции бесплатности общего, профессионального среднего и высшего (на конкурсной основе)

образования, оставляет массу лазеек для привлечения внебюджетных средств, что ловко используют дельцы от образования, чтобы по полной программе обирать родителей прежде всего тех детей, которые поучают общее образование. Разобраться же с тем, что творится в системе среднего и высшего профессионального образования на коммерческой основе, ни Правительству, ни тем более Министерству образования и науки пока не удастся, поэтому беспредел в этой сфере продолжается по-прежнему.

Глобальные изменения в экономике, социальных отношениях и культуре как основе образования предопределили новые подходы к образованию как непрерывному процессу, который длится на протяжении всей человеческой жизни. В процессе непрерывного образования интегрируются элементы общекультурного и профессионального образования. Ясно, что концепция непрерывного образования означает постоянно обновляющиеся разнообразные знания с целью формирования нового «человеческого капитала» для устойчивого и прогрессивного развития экономики и человеческого общества.

Поэтому закономерно, что в Законе непрерывное образование включено в систему образования (ст. 10 п. 5), хотя и называется *профессиональным обучением*. Как подчеркивается в одном из документов ЮНЕСКО, непрерывное образование представляет собой контекстуальное единство формального, неформального и информального образования. А с точки зрения онтологизации (единства теории познания и логики), непрерывное образование является одной из наиболее общих категорий философии образования, определяющих принципы его организации как непрекращающегося процесса целенаправленного освоения человеком социокультурного опыта. Непрерывное образование — явление интеграционное, результат глобализации в сфере преемственности уровней формального образования. Начало идет от дошкольного и школьного образования, затем охватывает среднее и высшее специальное, а также («по вертикали») другие виды и формы образования (курсы повышения квалификации, профессиональную переподготовку), к которым человек может обращаться в силу своих профессиональных трудовых пристрастий.

Для сложившейся отечественной системы дополнительного профессионального образования наиболее характерным является формальное образование, т. е. получение его «в официальных (формальных) учреждениях, специально предназначенных для образовательных целей» [111: с. 81]. Но, несмотря на все преимущества этой исторически сложившейся и в целом действующей вполне успешно и поныне системы непрерывного образования, она не вполне отвечает современным требованиям образования и обучения, когда своевременное обновление знаний является основным двигателем общественного прогресса.

Официальная система образования не поспевает за существенными переменами, вызываемыми глобализацией экономики, культуры и общественной сферы, медленнее, чем это необходимо, адаптируется к ним. Объясняется это консерватизмом, внутренней устойчивостью системы официального образования и инерцией самого общества. Именно поэтому и стало происходить разделение образования на формальное, неформальное и информальное, с повышением роли двух последних в формировании необходимых компетенций при повышении уровня непрерывного профессионального образования [111: 81].

Представляем таблицу сравнительных характеристик формального и неформального видов образования:

Характеристики	Формальное	Неформальное
Цели	Долговременные	Кратковременные и специфические
	Получение документов об образовании установленного образца	Приращение образовательного потенциала
Содержание	Стандартизировано, ориентировано на освоение основных положений учебного материала	Индивидуализировано, ориентировано на результат
	Академическое	Практическое
	Жестко структурированное	Гибкое

Характеристики	Формальное	Неформальное
Субъекты, организующие процесс образования	Педагоги, преподаватели с соответствующим педагогическим образованием	Различные специалисты педагогического и непедагогического профиля
Субъекты, участвующие в процессе образования	Учащиеся, студенты	Граждане разных номинальных и реальных групп (возрастных, социальных, профессиональных)
Условия поступления	Наличие документа об окончании предыдущей образовательной ступени, сдача вступительных экзаменов, зачисление	Желание и возможность обучающегося, отсутствие вступительных экзаменов
Нормативное регулирование	Закон «Об образовании», образовательный Стандарт, соответствующие учебные программы, учебное расписание	Договор
Контроль	Внешний, иерархизированный	Демократический с возможностью самоуправления
Продолжительность	Длительный цикл, полный учебный день, нормированные сроки обучения	Короткий цикл, возможен неполный день, продление сроков обучения по желанию обучающихся
Место	В аккредитованных учреждениях образования	В различных учреждениях и организациях
Результат	Получение профессии	Повышение компетентности в соответствующей области, удовлетворение познавательных интересов, личностное развитие
Ресурсозатратность	Ресурсозатратно	Ресурсосберегающе

Заметим, что система неформального образования получила признание и закрепление даже в документах тех международных организаций, которые не имеют прямого отношения к образованию, например Организации экономического содействия развитию (ОЭСР), объединяющей свыше 20 стран Европы. Но родиной его являются структуры ЮНЕСКО, связанные с поиском более совершенных и результативных форм современного непрерывного образования.

Разумеется, каждый вид непрерывного образования имеет свои преимущества. Но именно «неформальное образование, несомненно, в большей степени личностно ориентировано, является более гибким по ряду параметров и, вероятно, в большей степени способствует формированию необходимых компетенций у обучающихся» [111: с. 81].

Аналогичных результатов можно достичь и посредством неформального (по определению в документах ЮНЕСКО — *внеинституционального*) вида образования. Как полагают специалисты, неформальное образование приобретает в современных условиях особое значение, «поскольку оно организуется и иницируется самим человеком на любых этапах его деятельности» [67: с. 53]. Именно этот вид непрерывного образования может и должен стать стилем жизни взрослого человека, который стремится к наиболее полной реализации своего потенциала. Только этот вид непрерывного образования «предполагает создание условий для поиска человеком самоидентичности и ее конструирования» [67: с. 54].

Информатизация общества способствует тому, что неформальное образование (что, кстати, объединяет его с неформальным) довольно часто реализуется в социальных сетях посредством создания тематических сообществ, а также других ресурсов для «саморазвития». Но эти ресурсы служат, скорее, изменению стиля жизни, нежели саморазвитию личности. Напротив, в профессиональных сетях возможности «совместного решения проблем профессионального развития участников через коммуникацию с коллегами значительно выше» [67: с. 54]. В связи с этим выбор сетевых сообществ «под разные интересы и смена сообществ по мере изменения

интересов — современная возможность повышения квалификации в профессиональной деятельности» [67: с. 54].

Можно полагать, что особая методологическая значимость теории непрерывного образования состоит в актуализации таких закономерностей, как, во-первых, чем лучше образован человек, тем с большей интенсивностью он участвует в процессе непрерывного образования; во-вторых, чем активнее человек втягивается в самообучение, тем ярче будут результаты его самовоспитания и саморазвития; в-третьих, чем сильнее будет системная интеграция формального, неформального и информального процессов образования, тем результативнее будет виден инновационный формат непрерывного самообразования [57: с. 86]. Точно так же особая методологическая значимость теории непрерывного образования состоит и в динамической взаимообусловленности принципов, именно: принципа «субъектно-профессионального самоопределения (субъектность, рефлексивность, кооперативность, индивидуализация, профессиональный жизненный опыт»); принципа «личностно-профессионального становления (контекстность, элективность, вариативность, инновационность, актуализация достигнутого результата образования)» [57: с. 86].

С удовлетворением заметим, что все эти новации в том или ином виде постепенно внедряются в практику организации непрерывного образования России. Так, с целью укрепления связи высшего образования с рынком труда и взаимодействия образовательной и трудовой сфер в Московском государственном институте международных отношений (Университет) при Министерстве иностранных дел РФ разработаны и реализуются ключевые стратегии непрерывного образования. В середине 90-х. г. в Университете была создана «Школа бизнеса и международных компетенций». Обучение в Школе ведется по наиболее востребованным специальностям: банковский бизнес и менеджмент, корпоративный директор, MBA-конструктор, международный бизнес и управление ВЭД, международный нефтегазовый бизнес и др. [93: с. 80]. МГИМО сотрудничает также с более чем 40 крупными отечественными и зарубежными компаниями. Такое сотрудничество позволяет

студентам и молодым специалистам овладеть недостающими компетенциями, углубить профессиональные знания, в том числе по узкопрофильным специальностям, острую нужду в которых испытывают многие частные фирмы и государственные учреждения. Так, совместными усилиями НИУ ВШЭ, Финансового университета при Правительстве РФ и Федеральной антимонопольной службы в названных вузах были открыты базовые кафедры ФАС России [93: с. 81]. В 2013 г. при ИД «Коммерсант» была открыта Академия журналистики. Ее задача была определена так: «селекция талантов в условиях кадрового голода, который испытывают СМИ». Позже эта идея была воплощена в созданной на факультете международной журналистики специальной кафедре. На кафедру были привлечены ведущие журналисты ИД «Коммерсант» и лучшие преподаватели по данной специальности МГИМО. По инициативе ООО «УГМК-Холдинг» в МГИМО была открыта кафедра «Международные транспортные операции» [93: с. 81]. На кафедре ведется подготовка специалистов с их уникальными профессиональными компетенциями и повышение квалификации данных кадров [93: с. 81].

Активно сотрудничает в плане организации непрерывного образования с ведущими отечественными и зарубежными компаниями МГУ им. М.В. Ломоносова. Среди них можно назвать Intel, Schlumberger, Samsung и др. Уже сегодня нужды фирм обслуживают 13 совместных лабораторий. В них работает 77 человек. В рамках лабораторий решаются производственные задачи. Но на их базе проходят практику и стажировку студенты. В 2006 г. в МГУ была создана Высшая школа управления и инноваций для подготовки «высококвалифицированных конкурентоспособных специалистов, готовых работать в глобальной среде» [93: с. 81–82].

С 2009 г. успешно работает Институт непрерывного образования (ИНОБР) в Национальном исследовательском технологическом университете «МИСиС». Наряду с подготовкой бакалавров и магистров Институт решает важную задачу повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров для предприятий (Северсталь, Новолипецкий металлургический комбинат, Норильский никель, Казахмыс) [93: с. 82].

Свои очевидные успехи в развитии форм непрерывного образования имеет МГТУ им. Баумана. Электронный университет, созданный при данном вузе, успешно занимается проектом, обеспечивающим высокое качество образовательных услуг на базе единого информационного пространства в сфере управления учебным процессом во всех звеньях непрерывного образования [93: с. 83–84].

Разумеется, проблему подготовки качественного «человеческого капитала» (термин, рожденный в недрах Всемирного банка и означающий такие параметры, как интеллект, знание, здоровье, а также качество жизни в самом широком понимании этого слова) решают не только в России, но еще раньше ее стали решать в европейских государствах. Так, правительством Чешской Республики еще в 2001 г. была принята «Программа развития народного образования», в которой были сформулированы следующие задачи:

- повысить доступность образования на всех его ступенях;
- поддерживать индивидуализацию и дифференциацию образовательного процесса на всех ступенях системы образования;
- уделять особое внимание талантливым и особо одаренным детям;
- поддерживать образование неблагополучных детей путем внедрения специальных программ развития и обучения;
- увеличить охват молодежи с полным средним образованием до 75 %;
- довести количество получающих высшее образование до 50 % от контингента соответствующего возраста;
- развивать дистанционное обучение [79: с. 119].

Программы непрерывного образования охватывают все категории обучающихся и исходят из того, что современное образование должно ориентироваться «не на знание, а на мысль, не на передачу информации, а на личность как учителя, так и ученика, на формирование «человека культуры», способного на протяжении жизни работать со знаниями, с разными типами мышления, с идеями различных культур» [79: с. 120]. А ключевые компетенции, выраженные в виде результатов, «сформулированы

как комплекс предполагаемых знаний, умений, способностей, ценностей и навыков поведения, необходимых для личностного развития и жизни каждого индивида» [79: с. 121]. Таким образом, практика организации образования многих государств показывает, что только на путях логически, тематически и методически правильно выстроенного непрерывного образования можно достичь результатов его постклассической парадигмы, которая сегодня определяет контуры и содержание образования, отвечающего современным задачам успешного развития экономики, социальной сферы и культуры общества. Ядром непрерывного образования является формирование стратегии жизни человека, стремящегося на протяжении всей своей жизни быть не просто специалистом, а высококвалифицированным специалистом, хорошо знакомым с мировой и отечественной культурой. Это и есть достойный представитель того «человеческого капитала», который способствует прогрессивному развитию человеческого общества. Оценивая все сказанное выше, считаем необходимым сказать, что для современной России актуальным является не восстановление «лучшего образования в мире», а внесение в него так необходимых и оправдавших себя на практике изменений. Закон «Об образовании» при всех его недостатках создает реальные возможности для его реформирования в нужном для страны направлении.

Глава IV. Право на свободу творчества и исключительные права (интеллектуальную собственность)

§ 1. Право на свободу творчества и свободу научных исследований

Конституция Российской Федерации (ст. 2) провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства.

Права и свободы граждан России могут быть политическими, социально-экономическими, а также культурными. Культурные права и свободы многогранны. Как явление культуры, свободу творческой деятельности следует рассматривать как основу культурно-духовных отношений. Эта основа включает в себя идеологическое многообразие, закрепленное в ст. 13 Конституции Российской Федерации. Никакая идеология, указывается в той же статье Конституции РФ, не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Отсутствие цензуры со стороны государства также является важной составляющей основы свободы творчества. Наконец, свободу творчества невозможно представить себе без гарантий свободы мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ). Творчеством, научным в том числе, может заниматься только свободная личность, которая к тому же творит в благоприятной, но конкурентной среде.

Нормы Конституции Российской Федерации о свободе творчества созвучны с положениями ч. 3 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. В пакте указывается: «<...> уважать свободу, безусловно, необходимую для научных исследований и творческой деятельности» [2: с. 324–325].

Таким образом, право на свободу творчества граждан нашего государства гарантировано Конституцией Российской Федерации и представляет собой возможность любого, имеющего склонность и интеллектуальные основания гражданина, иного лица, временно или постоянно проживающего на территории России, создавать литературные, художественные произведения, научные труды, вести изобретательскую деятельность, создавать промышленные образцы и полезные модели (малое изобретательство). Свобода творчества в равной мере присуща режиссерам, создающим кинофильмы, и постановщикам драматических, оперных и иных произведений. Свобода творчества присуща писателям, поэтам, сценаристам, авторам либретто, композиторам и другим творческим работникам, создающим объекты культуры (культурные ценности).

Конституционные гарантии для свободы творчества обеспечивает государство. Но не только. В обществе действуют различные организации творческих работников, работников издательств, средств массовой информации. Все они обязаны не диктовать свои условия творческим работникам или ученым, а создавать для их творческой деятельности благоприятные условия, стимулировать их творчество.

Д.С. Шапорева справедливо полагает, что свобода творчества выполняет в обществе три важные функции: гуманистическую, идеологическую и воспитательную [168: с. 14–15].

Первая из них состоит в том, что творческий человек, по определению, не может создавать безнравственные, антигуманные произведения, направленные на разжигание национальной, расовой, религиозной и иной розни, провоцируя граждан на антиконституционные антиобщественные действия. Для предотвращения подобных действий нормы Конституции (ч. 3 ст. 17. ч. 3 ст. 55), других нормативных актов (Гражданский, Административный и Уголовный кодексы РФ) содержат некоторые ограничения свободы творчества.

Идеологическая функция, как и положено ей, выражается обычно в виде определенных идей и взглядов на творческую деятельность с учетом закрепленного в Конституции РФ идеологического многообразия (ст. 13). Государство, творческие союзы, ассоциации, иные организации творческих работников и ученых гарантируют и стимулируют развитие и существование в обществе различных политических, социальных, идеологических взглядов, не враждебных конституционному строю Российской Федерации, создание различных творческих школ и направлений в литературе, искусстве, науке. Все эти действия должны происходить на фоне духовной свободы самих творческих работников и всех граждан.

Говоря об идеологическом многообразии и духовной свободе граждан, всегда полезно помнить, что в любом государстве идеология служит опорой порядка посредством структурирования представления людей о существующих общественных отношениях.

Она помогает формулировать фактические представления людей о существующей действительности. Идеология — это важный инструмент государственной власти для утверждения истинности и справедливости порядка в обществе. Поэтому, реализуя конституционное положение об идеологическом многообразии, наше государство вправе ориентироваться на определенный идеологический вектор развития российского общества и государства. Полагаем, что основу этого вектора должны составлять ценности нашей богатой многонациональной культуры и традиционные морально-нравственные ценности. Некоторые из них в 2011 г. были озвучены Патриархом Кириллом: «<...> религиозная вера и межрелигиозный мир, свобода и нравственность, самопожертвование ради других, крепкая семья, уважение старших, соборный совет и действие, творчество, трудолюбие, справедливость, любовь к Отечеству, забота об окружающем мире» [59: с. 4]. Полагаем, что идеология, впитавшая в себя такие ценности, будет в состоянии способствовать воспроизводству социально-политического порядка в стране.

При изложении существа воспитательной функции следует для начала обратиться к ст. 12 Основ законодательства о культуре от 9 октября 1992 г. (в ред. от 8 мая 2010 г.), предусматривающей приобщение всех граждан, в особенности детей, к культурному и научному творчеству, развитию у них творческих способностей. Для детей и взрослых в стране создана и действует система организаций дополнительного образования. В них все желающие, правда, порою за достаточно высокую оплату, приобщаются к музыке, пению, сценическому искусству, литературному творчеству, живописи, спорту, другим видам творчества. Разумеется, воспитательная функция будет действенной при свободном доступе всех граждан к учреждениям культуры, театрам, различного рода массовым мероприятиям, посвященным культурной воспитательной деятельности. Доступ к учреждениям культуры и культурным ценностям в нашем государстве законодательно гарантирован, но на практике для многих категорий граждан (пенсионеров с низкой пенсией, учащихся школ, средних и высших учебных заведений, инвалидов) затруднен. Определенные льготы для названных

категорий граждан, закрепленные в законах и подзаконных, в том числе ведомственных, актах, скудны и не могут удовлетворить представителей данных категорий граждан.

Считаем необходимым в этом разделе особо сказать о научном творчестве. Распад Советского Союза и выезд за пределы нашего государства сотен тысяч высококвалифицированных научных сотрудников серьезно подорвали научный потенциал новой России. Кроме того, коммерциализация научной деятельности привела к появлению довольно многочисленной прослойки псевдонаучных работников, получивших научные степени за деньги, а не за их персональную научную работу. Получившие таким образом кандидатские и даже докторские научные степени «для престижа», они и не думали заниматься научной деятельностью, а ушли в бизнес. Какая-то часть из них, к большому сожалению, ушла в общеобразовательные школы (гимназии, колледжи), средние и высшие, преимущественно негосударственные, учебные заведения на преподавательскую и руководящую работу, где пребывает и сейчас.

И лишь примерно на рубеже тысячелетий в науку и, что особенно важно, в сферу научно-технических исследований стала приходить молодежь, для которой конституционное правило свободы научного творчества действительно стало настоящей жизненной целью. Именно за счет этой части молодежи конкурс при поступлении на учебу в технические вузы стал постепенно расти. И хотя лишь частично, но все же удалось изменить ситуацию в пользу расширения научного творчества в сфере естественных и технических наук.

Однако культурное развитие общества невозможно без высоко развитой науки об искусстве и культуре. Об этом говорится в Основах государственной культурной политики, о которой упоминалось во второй главе данного исследования. Положительные примеры научных исследований о культуре имеются. Например, в 2013 г. Санкт-Петербургским союзом ученых, редакцией журнала «Личность и культура» и Гуманитарным фондом Западного административного округа по результатам встречи с представителями

Министерства образования и науки был создан Проект «Российский Ренессанс». Все из его 27 целевых направлений так или иначе посвящены развитию научных исследований по искусству и культуре [100: с. 16].

Состояние, проблемы и перспективы художественного образования школьников в Российской Федерации можно проследить на примере Института художественного образования. История этого образовательного учреждения такова. В октябре 1969 г. при Президиуме АПН СССР был создан проблемный Совет по эстетическому воспитанию учащихся. Возглавил его видный советский композитор, педагог, теоретик и практик эстетического воспитания Д.Б. Кабалевский. В состав совета вошли писатели и поэты С.В. Михалков, М.П. Прилежаев, Ю.Я. Яковлев, художник Б.М. Неменский, режиссеры С.А. Герасимов и Р.А. Быков [24: с. 47].

В 1974 г. в Президиум АПН был представлен проект «Пути создания единой системы эстетического воспитания в общеобразовательной школе». Многие конкретные предложения по этой проблеме могут быть применимы и в наше время при формировании эстетического облика молодого поколения. Идея всеобщего эстетического воспитания, а через него приобщение к культуре, востребована, о чем говорят данные опроса, проведенные в 2012 г. под руководством академика РАО У. Фохт-Бабушкина. Число людей, посещавших в детском возрасте художественные музеи, театры, выставки и музыкальные концерты, на рубеже 2000-х гг. составляло 54 %, сейчас их 35 %. Разница почти в 20 % [171: с. 34–35].

Эти тревожные цифры показывают, насколько важным является введение эстетического «всеобуча» для школьников и молодежи, обучающейся и уже работающей. Если ребенок лишен возможности общения с культурными ценностями, искусством и его эстетическое воспитание сведется к школьному минимуму, «то в результате мы получим, — пишет Л.В. Школяр, — бездуховное поколение с неразвитыми представлениями о досуге, с отсутствием чувства родственного внимания к миру, с равнодушным отношением

к национальной и мировой культуре, т. е. поколение потребителей, не способных созидать и творить» [171: с. 34].

Что же необходимо предпринять, чтобы исправить сложившееся положение?

Мы согласны с автором содержательной статьи по этому вопросу Л.В. Школяр, предлагающим конкретные шаги в этом направлении: необходимы, считает он, во-первых, координация научных исследований и практики в области эстетического воспитания, усиления его влияния на экономический, идеологический уровень и уровень духовной и нравственной культуры общества; во-вторых, приобщение к искусству в различных, формах и прежде всего общение с живым искусством, что как раз и дает ожидаемый результат в эстетическом воспитании; в-третьих, укрепление позиций искусства в общеобразовательной школе, восстановление объема часов на литературу и возвращение курса мировой художественной культуры [171: с. 34–35].

С определенной долей оптимизма заметим, что в последние годы научные исследования проблем художественного воспитания молодежи несколько активизировались. Так, сотрудники лабораторий музыкального и изобразительного искусства Института художественного образования АПО ведут исследования по составлению портрета молодого поколения, в котором личность тесно связана с культурой. Можно сказать и об исследованиях, связанных с разработкой инновационной модели дошкольного эстетического образования [171: с. 36–37]. Полагаем, что полезно было бы разработать специальную программу всеобщего эстетического воспитания не только детей, но и взрослых, всего населения. Система дополнительного образования, предусмотренная в Законе об образовании, создает определенные и реальные возможности для художественного образования детей и взрослых. В ходе такого образования важно ориентироваться на свои собственные культурные ценности и духовные культурные традиции. Вместе с тем необходимо активно заниматься разработкой инновационных технологий приобщения молодежи и всего народа к искусству, к культурному творчеству.

§ 2. Право на свободу преподавания

Свободу преподавания следует рассматривать в аспекте академических прав на свободу научных исследований и свободу образования. И это правило относится ко всем видам образовательных учреждений, высших учебных заведений в том числе. В отношении вузов в 1997 г. ЮНЕСКО подготовила Рекомендации о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений, пункт 27 которых предусматривает: «Преподавательские кадры высших учебных заведений имеют право на академическую свободу, т. е. не ограничиваемое никакой установленной доктриной право на *свободу преподавания* (курсив автора. — А.К.) и обсуждения, свободу проведения исследований, распространения и публикации их результатов, свободное выражение своих мнений в отношении учреждения или системы, в которых они работают, свободу их институциональной цензуры и свободу участия в профессиональных или представительных академических органах» [143: с. 225].

Выше много говорилось о том, что образование — важнейшая составляющая культуры. Отношение человека к культуре зависит от того, как он образован и воспитан. На практике трудно представить себе человека, который может с пользой для себя пользоваться культурными ценностями, не имея определенного уровня образования. Как он будет, например, читать литературное произведение, не зная азбуки, или смотреть пьесу в драматическом театре, не имея представления о ее содержании и персонажах. Существуют и такие понятия, как политическая культура, культура труда. Можно сказать, что культура пронизывает трудовую жизнь каждого из нас, быт и поведение человека, индивидуальную и общественную жизнь, деятельность человека и гражданина.

Наряду с семейным воспитанием эти нравственно-культурные навыки прививаются ребенку учителями в общеобразовательной школе, преподавателями в средней профессиональной или образовательной организации высшего образования. Преподавание в любой образовательной организации — это «вид творческой деятельности

в процессе обучения и воспитания» [91: с. 89]. С.А. Авакьян считает, что свободу преподавания следует понимать следующим образом: учитель школы, преподаватель вуза вправе использовать свою методику изложения материала, ведение урока, семинара, чтения лекции и т. д. Свобода преподавания предполагает также соблюдение этических норм. Это означает, что преподаватель должен пользоваться литературным языком, не допускать оскорбительных высказываний в адрес учащихся, а также своих коллег [22: с. 664–665]. Сказанное вовсе не означает, что преподаватель не должен учитывать государственные образовательные стандарты или превращать занятие в политический диспут, шоу и т. д., что позволительно во внеучебное время [22: с. 664–665]. Свобода преподавания предполагает не только обучение, но и воспитание. Для того, чтобы не падали самолеты, не валились под откос поезда, не тонули рыболовецкие суда, не разрушались возведенные дома, их создатели должны обладать, помимо знаний, высокой нравственной культурой и ответственностью за результаты своего труда. Прививаются эти качества будущим инженерам, экономистам, управленцам, состоявшимся государственным служащим школьными учителями, преподавателями и мастерами профессионального среднего образовательного учреждения, преподавателями и научно-педагогическими работниками высших учебных заведений, словом, как сказано в главе 5 закона «Об образовании в Российской Федерации», педагогическими работниками организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

В качестве доминанты свобода преподавания пронизывает текст всех (46–50) статей главы 5 Закона. В Российской Федерации, указывается в ст. 46, признается особый статус педагогических работников в обществе и создаются условия для осуществления ими профессиональной деятельности. На первом месте среди сформулированных в Законе академических прав и свобод провозглашается *свобода преподавания, свободное выражение своего мнения, свобода от вмешательства в профессиональную деятельность*. Далее в Законе раскрывается содержание академических прав и свобод: свобода выбора и использования средств, методов обучения и воспитания; право на творческую инициативу, разработку и применение

авторских программ и методов обучения и воспитания; право на выбор учебников, учебных пособий, материалов и иных средств обучения и воспитания; право на разработку образовательных программ; право на осуществление научной, научно-технической, творческой, исследовательской деятельности; право на бесплатное пользование библиотеками и информационными ресурсами, иные права, включая право на защиту профессиональной чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики педагогических работников.

В ст. 47 Закона содержится самый полный перечень трудовых прав и социальных гарантий, а в ст. 48 — обязанностей и мер ответственности педагогических работников.

Свобода преподавания не может реализовываться вне обязанности и ответственности педагогических работников. Так, в 48 статье Закона указывается, что педагогические работники обязаны: осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне, в полном объеме реализовывать преподавание предмета, курса, дисциплины; соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики; уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений; развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни. Таким образом, в Законе содержится прямое указание на связь свободы преподавания с формированием у обучающихся культуры здорового образа жизни. Как представляется, в культуру здорового образа жизни включаются культура труда, быта и культура поведения в обществе. А поведение в обществе предусматривает не только пользование своими правами, но и исполнение своих гражданских обязанностей, ибо общая культура человека невозможна без правовой культуры. Формирование и наличие этих качеств у личности, скорее, всего приведет к тому, что она признает предлагаемый обществом стиль жизни,

основанный на следовании правилам и нормам. Тогда можно говорить и о самоограничении личности и ее включенности в определенную культурную парадигму. Разумеется, наметить контуры решения проблемы свободы преподавания легче, чем обеспечить исполнение его на практике в реальной образовательной деятельности.

Начнем с дошкольного и общего образования. Основной задачей ФГОС дошкольного образования, согласно Закону, является обеспечение преемственности целей, задач и содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различных уровней. В качестве основной эта задача выделена и в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО). Он был утвержден приказом Министерства образования и науки России от 6 октября 2009 г. № 373. Закон об образовании предусмотрел закрепление за дошкольными организациями образовательной деятельности в качестве отдельной услуги. И если любая школа, согласно Закону, вправе предлагать и реализовывать программы дошкольного образования, то, естественно, возникает проблема единого подхода к профессиональным компетенциям педагогов, работающих над реализацией программ дошкольного образования.

Однако возникает проблема в том, как можно требовать от педагогов данного уровня то, чему их никто и никогда не учил. Поэтому, если Министерство образования и науки, во исполнение Закона об образовании, ввело новые профессиональные стандарты для педагогов, то это должно повлечь за собой и новые стандарты их подготовки и переподготовки. Только тогда они могут претендовать на свободу преподавания. Но как можно претендовать на свободу преподавания, если педагог, в класс которого родители стремятся привести своих детей на год раньше положенного срока, не раздумывая долго, на вопрос: «С какими трудностями вы сталкиваетесь при реализации ФГОС» ответила: «Как формировать у детей компетентности, если я сама не всеми владею» [113: с. 110]. Что уж тут говорить о других педагогах, если такой ответ по поводу владения компетенциями мы слышим от педагога, который успешно

проходит аттестацию на высшую категорию и дает уроки с использованием интерактивной доски [113: с. 111].

Действительно, сколько педагогов общеобразовательной школы, начиная с дошкольного образования, обладают всем набором компетенций, чтобы научить и детей обладать ими? «Наверно этот вопрос, — справедливо замечает В.А. Мочалов, — можно адресовать не только средней школе, а в большей мере высшей школе. Готовит ли она таких учителей?» [113: с. 111].

Продолжая разговор о ФГОС для общеобразовательной школы, заметим, что качество их введения определяется качеством инновационной деятельности в образовательной организации, которое выражается в отношении между ее потребностями и реальными изменениями в образовательной системе [166: с. 86]. Однако исследования, проведенные Институтом инновационной деятельности РАО в 2015 г., показали, «что школы практически не готовы к реализации задач, поставленных ФГОС, а внедряемые новшества не приносят ожидаемых результатов» [165: с. 34]. Фактически качество введения ФГОС оценивается по количественным результатам: «<...> сколько учителей прошли курсы повышения, сколько оборудовано кабинетов и закуплено мультимедийной техники, учебников; какие образовательные программы разработаны и т. д.» [165: с. 35]. Но если не оцениваются должным образом качественные изменения, происходящие в подготовке учителей, то и не выполняются требования ст. 46 Закона об образовании вести преподавание на высоком профессиональном уровне, в полном объеме излагать свой предмет, курс, дисциплину. Свобода преподавания предполагает не только высокий профессиональный уровень подготовки педагога, но и наличие своих собственных методических разработок, квалифицированный подбор учебников, учебных пособий и т. д. Словом, компетентности педагогов требует системно-деятельный подход, лежащий в основе ФГОС, который обуславливает изменение всей образовательной системы (целей и содержания образования, образовательных технологий, способов оценки и результатов) [165: с. 36].

Актуальным является вопрос о свободе преподавания в среднем и высшем профессиональном образовании. И связан он,

в отличие от общеобразовательной школы, с профессионализмом преподавателей, не имеющих специального педагогического образования. Таких преподавателей подавляющее большинство как в средних, так и в высших учебных заведениях инженерных, экономических, юридических медицинских и других направлений.

Разрушение подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего профессионального образования после распада Советского Союза привело к уничтожению преподавательского сообщества, формировавшегося годами и располагавшего формами и методами своего воспроизводства. Поэтому в массе своей преподаватели технических колледжей, а тем более мастера, обладают педагогическим мастерством, которое формировалось по методу подражания («как учили нас, так учим и мы»). Разумеется, если такой преподаватель от природы наделен педагогическими способностями, то он становится квалифицированным быстрее, а если нет, то еще долго он будет оставлять педагогический «брак» на своем педагогическом пути.

В системе современного среднего профессионального образования существует множество форм образовательных организаций: колледжи, техникумы, училища, многофункциональные центры прикладных квалификаций (МЦПК), учебные центры профессиональной квалификации (УЦПК), учебные технологические комплексы (УТК). Одни из них максимально приближены к производству, другие, например училища и УТК, располагаются непосредственно на производстве. Кто и как обучает и осуществляет повышение квалификации преподавателей для этих учреждений, не известно. Ничего не говорится об этом и в методических рекомендациях Министерства образования и науки по формированию многофункциональных центров прикладных квалификаций, опубликованных в 2013 г.

Свобода преподавания может быть реализована лишь на основе определенного уровня квалификации. Чем выше уровень квалификации преподавателя, тем увереннее он может подготовить собственные методические разработки, достойно реализовать преподавание своего предмета, развивать у учащихся познавательность

и творчество, которые так необходимы для учащихся всех видов учреждений профессионального образования.

Можно предположить, что в высшей школе дело со свободой преподавания обстоит несколько лучше, хотя бы потому, что преподаватели и научно-педагогические работники, защитившие кандидатские и докторские диссертации, преобладают. Занимаясь преподавательской деятельностью, они продолжают научно-исследовательскую работу в сфере своей специализации, публикуют результаты своей научной деятельности, издают учебники и учебно-методические пособия, разрабатывают свои собственные методики обучения, то есть делают все то, что расширяет горизонты свободы преподавания.

Однако и в высшей школе существуют свои проблемы со свободой преподавания, которые необходимо решать. Связаны они прежде всего с глобализацией образования, ознаменовавшейся переходом от классической к постклассической парадигме образования. Классическая парадигма образования реализовывалась в традиционном ключе дать студенту профессию и практические навыки, или компетенции, в области профессиональной деятельности. Студент является объектом педагогического воздействия, что «напрямую связано с целью образования — подготовить к жизни и трудовой деятельности» [116: с. 39].

Во второй половине XX века классическая система подготовки кадров оказалась в кризисе, в результате которого на смену ей пришла постклассическая система высшего профессионального образования с очень амбициозной целью — готовить специалиста в качестве уникального конкурентоспособного продукта, еще не существующего в природе. Научить это классическими методами невероятно сложно. Перед профессорско-преподавательскими кадрами встала задача научить студента пока не существующей специальности. При существующих проблемах обеспечения выпускников высшей школы работой «экономика знаний предлагает им конструировать собственную занятость, создавать малые компании для реализации своих проектов» [116: с. 40]. Таким образом, постклассическая парадигма образования формировалась

через технопарки, исследовательские проекты, венчурные фонды и предприятия, расширение прав и свобод студентов [132: с. 98]. Понятно, что данная система высшего профессионального образования может готовить конкурентоспособных специалистов только при наличии у профессорско-преподавательских кадров особых компетенций, отвечающих вызовам высокотехнологического уровня развития экономики. А расширение административной независимости студентов, их прав и свобод потребовало такого уровня свободы преподавания, которого ранее не существовало в принципе. Поэтому не боимся ошибиться в следующем выводе: чем многообразнее проявляется свобода преподавания, тем выше уровень подготовки обучающихся как в среднем, так и в высшем профессиональном обучении, и тем больше эти кадры отвечают условиям жесткой конкуренции на рынке труда.

§ 3. Охрана интеллектуальной собственности как результата умственной творческой деятельности

Понятие «интеллектуальная собственность» впервые было закреплено в Стокгольмской 1967 г. конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС). Это, однако, не означает, что объекты авторского и смежного права, промышленной собственности (изобретения, промышленные образцы и полезные модели (малые изобретения), средства индивидуализации (фирменные наименования, обозначения товаров и их производителей) появились и стали широко использоваться лишь во второй половине XX в. Произошло это сто лет назад. Так, уже после первой промышленной выставки в Великобритании в 1851 г. остро встал вопрос о защите промышленных новинок. Через 32 года в 1883 г. в Париже была принята первая международная конвенция по охране и защите промышленной собственности.

То, что интеллектуальная собственность является объектом культуры, не вызывает сомнения, как не может вызывать сомнения

отношение к культуре любых результатов научной, также умственной, деятельности. Ведь культура включает в себя не только искусство в широком его смысле, но и объекты материальной культуры, которые хотя и создавались физическим трудом, но на основе умственной творческой деятельности. Ведь прежде чем построить самое примитивное жилье человек создавал его «проект» в уме, не говоря уж о более сложных архитектурных и технических объектах.

Стокгольмская конвенция (ст. 2 (viii)) определяет интеллектуальную собственность как: права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио — и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защиты против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. В континентальном и общем праве интеллектуальная собственность охраняется как право отдельного лица, что, собственно, получило закрепление уже в первых международных конвенциях (ст. 29 Бернской 1886 г. и ст. 12 Парижской 1883 г.).

В противоположность нормам права стран Запада Проект декларации ООН о правах коренных народов предусматривает, что право коренных народов на владение и распоряжение культурной и интеллектуальной собственностью и ее охрану носит коллективный характер. Каждая коренная община определяет сама равновесие между личными и коллективными правами, которые возникают на основе их собственности [112: с. 109]. Это различие в концептуальных подходах в сочетании с позицией превосходства, навязанной метрополиями коренным народам, привело к печальным последствиям по охране культуры и интеллектуальной собственности этих народов. И, как следствие, к открытой эксплуатации и отчуждению памятников культуры и результатов интеллектуальной собственности в международном масштабе [112: с. 109–110].

Советский Союз, а по преемству и Российская Федерация, выполняя международные акты по защите прав коренных народов, достигли определенного прогресса в области разработки и принятия правовых положений, направленных на охрану памятников культуры и конкретных аспектов интеллектуальной собственности. В РФ учитываются и ст. 25–27 Проекта декларации ООН о правах коренных народов¹ о признании важности земли, владения землей, занятости и использования земель в соответствии с обычаями. Однако памятники, которым угрожает процесс современного развития (нефте- и газодобывающая отрасль), не имеют абсолютной охраны и вопрос о судьбе таких земель решается совместными усилиями федеральных органов власти, органов власти соответствующего субъекта и органов местного самоуправления.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности имеет свои особенности. Всем понятно, что сам процесс создания отдельным человеком или соавторами изобретения, художественного произведения или результата научной деятельности регулировать на основе правовых норм невозможно. А.С. Пушкин писал: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». В отличие от вдохновенья, продажа рукописи, действительно, регулируется правовыми нормами. Следовательно, правовому регулированию реально подлежат вопросы установления права собственности на объекты интеллектуального труда, режим их использования, а также режим охраны и защиты.

Природа объектов интеллектуальной собственности — гражданско-правовая. Этим объясняется и то, что исключительные права, интеллектуальная собственность являются подотраслью гражданского права. И правовое регулирование исключительных

¹ См. также Конвенцию МОТ № 169 1989 г. относительно коренных и племенных народов в независимых странах. В ст.13 содержится призыв государств-участников «проявлять особое уважение к культурам и духовным ценностям соответствующих народов в том, что касается их связи со (своими) землями и территориями». Российская Федерация не является участницей данной конвенции.

прав и прав авторов на интеллектуальную собственность отдельных лиц и их объединений, хотя и закреплено в Конституции Российской Федерации (ст. 44), но осуществляется, главным образом, на основе норм гражданского права. Это четвертая часть ГК РФ (в ред. от 4 октября 2010 г.). Право интеллектуальной собственности и, в частности, права лиц, творчеством которых создаются объекты данной собственности, охватывает достаточно широкий круг общественных отношений. Это отношения, опосредующие правовое положение лиц-творцов объектов интеллектуальной собственности, их права и обязанности, их взаимоотношения с другими лицами и организациями, с обществом и государством. Все перечисленные отношения складываются по поводу режима владения и пользования объектами интеллектуальной собственности, которым закон придает правовое значение в качестве результатов интеллектуальной деятельности [168: с. 13–14].

В отличие от предыдущей кодификации (Закон об авторском праве и смежных правах и Закон о патентном праве), часть четвертая гражданского кодекса претендует на кодификацию всего гражданского законодательства, относящегося к интеллектуальной собственности. В концептуальном плане речь идет о правовом регулировании участия объектов интеллектуальной собственности в гражданском обороте, сопоставимого по значению и стоимости с участием в гражданском обороте материальных ценностей [174: с. 24]. Именно в главе 69 ГК РФ содержатся основополагающие нормы, относящиеся ко всем объектам интеллектуальной собственности или к большей их части, что обеспечивает единообразие правового регулирования в рассматриваемой сфере. Однако ядром такого регулирования является регламентация участия исключительных имущественных прав в гражданском обороте и ответственности за нарушение экономических и личных интересов их обладателей [66: с. 39].

Гражданский кодекс РФ обеспечивает более широкую защиту перечня прав авторов или их обладателей на произведения и изобретения. В частности: смежного права на содержание баз данных (ст. 133–136); смежного права публикатора произведения (ст. 1337–1344); право на доменное имя как на средство индивидуализации

информационных ресурсов (ст. 1542–1551); права на коммерческое обозначение как средство индивидуализации предприятия (ст. 1538–1541); новые объекты, в отношении которых ранее не существовало единого законодательного регулирования — охраны фирменные наименования (ст. 1473–1476); на секреты производства (ноу-хау) (ст. 1465–1472).

Особое внимание в законодательстве России уделяется защите прав создателей объектов интеллектуальной собственности — авторов и изобретателей. Причем охране подлежат все объекты вне зависимости от их качества, которое после их обнародования оценят читатели и зрители, а изобретения — научные учреждения и предприятия промышленности. Иначе, те объекты интеллектуальной собственности будут востребованы, а права их создателей защищены должным образом, которые способствуют более широкому и свободному их использованию и отвечают потребностям общества. Можно предположить, что именно наиболее продвинутые объекты интеллектуальной собственности будут востребованы в рыночном обороте и поддержаны успешными коммерческими предприятиями.

Следует обратить внимание и на то, что исключительные права возникают у автора, изобретателя по мере создания произведения или изобретения, а другим лицам они могут быть переданы лишь по договору или по иным основаниям, установленным законом. Лишь после такой передачи они могут быть использованы новым владельцем. В законодательстве предусмотрено и другое правило, стимулирующее, например, оформление патента изобретателем на свое изобретение. Если в течение определенного времени патент не оформляется, то соответствующее государственное ведомство осуществляет насильственное оформление данного документа. Таким образом государство стимулирует процесс защиты прав изобретателя.

Свои особенности существуют и в отношении охраны авторского права. Одно из них закрепляется в издательском лицензионном договоре. Оно возлагает на издателя обязанность начать использование произведения не позднее определенного срока, установленного в договоре. Неисполнение такой обязанности влечет за собой

возможность одностороннего расторжения договора по инициативе автора [168: с. 19]. И что самое главное — без возмещения издателю причиненных этим убытков, а также возможность взыскать с издателя предусмотренное договором вознаграждение в полном объеме [174: с. 24].

§ 4. Право на создание и распространение результатов науки и культуры

В среде правящей элиты нашего государства около 10 лет идет дискуссия о модернизации страны и о том, какую модель модернизации следует выбрать. Если приложить к нашему государству картину будущего, нарисованную специалистами ИМЭМО РАН в 2011 г. в «Стратегическом глобальном прогнозе 2030», то оказывается, пишет директор Московского центра Карнеги Д. Тренин, что «Московская модернизация пока остается в основном модернизацией политического языка и стиля» [168: с. 19–20].

Мы не согласны со столь пессимистическим взглядом на перспективы модернизации нашей страны. Однако думаем, что невозможно ожидать успешного социально-экономического развития и процветания в условиях «нравственного одичания». И дело здесь не только в достижении коллективной мотивации, но и в наличии определенного культурного уровня граждан, общества. «Наблюдаемые в наше время поразительные успехи Китая, Японии, Южной Кореи в области модернизации объясняются именно конфуцианским менталитетом и конфуцианской этикой» [168: с. 20], иначе говоря, конфуцианской культурой. Опросы (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, Балашов Саратовской области), проведенные российскими социологами в 1999 и в 2005 гг., показали важное значение для экономического развития таких культурных ценностных мотиваций, как: безопасность, самовыражение, неприязнительность, духовность, гедонизм, господство, гармония, самореализация [153: с. 8]. Происходящие время от времени подвижки в данных мотивациях не могут изменить того, «что они менее значимы, чем

те ценности, из которых они проистекают. Они вторичны, принадлежат к тому, что можно назвать «тонкой культурой» [153: с. 8]. В отличие от ценностей «толстой культуры», носящих фундаментальный характер, «ценности «тонкой культуры» эмпиричны; они возникают в ответ на социально-экономические изменения» [153: с. 9].

Творчество в сфере науки и культуры является в нашей стране свободным от всякого диктата и давления со стороны государства. Тем не менее оно должно соответствовать и служить социально-экономическому развитию, отвечать запросам нашей многонациональной культуры и выражать ее национальный характер. Кстати, попытки определить ядро национального характера русского народа и его культуры предпринимались многократно в прошлом, но не достигли определенного результата, поэтому являются предметом обсуждения и в наши дни [153: с. 9–11].

Право каждого творческого лица на создание и распространение результатов науки и культуры соприкасается с правом участия в культурной жизни. Впервые, как указывалось выше, это право было закреплено во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а затем и в других международно-правовых актах¹. Во внутренней системе права оно получило закрепление в Конституции Российской Федерации, в законодательстве (например: ФЗ «Об образовании в РФ»; «Основы законодательства Российской Федерации о культуре (посл. ред. от 29 декабря 2006 г.); «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ; «О народных художественных промыслах» от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ; «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ; «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ).

¹ Международная конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей., Конвенция о правах инвалидов 2006 г. Перечисленные конвенции приняты на ГА ООН и МОТ.

С учетом перечисленных выше нормативно-правовых актов создание и распространение результатов научного и культурного творчества преследует следующие конкретные цели:

- расширение и углубление знаний о природе и обществе, способов экономической и социально-культурной деятельности с целью утверждения мировоззренческих, идейно-нравственных и эстетических позиций;
- развитие творческих способностей личности в сфере социального, научно-технического и художественного творчества;
- воспроизводство и распространение ценностей культуры;
- удовлетворение художественных и эстетических интересов различных социальных групп населения;
- воспитание у каждого члена общества практических культурных навыков в труде, быте, досуге, общении [138: с 30].

Постижение культурных ценностей имеет свои особенности и принципиально отличается от процесса усвоения знаний в области естественных наук. Если в естественных науках (физике, математике, биологии) происходит приращение и расширение знаний, то в культуре происходит процесс вовлечения в особый мир духовных ценностей, которые необходимо прожить. Иначе, «науку нужно понять, художественное произведение необходимо и понять, и принять» [138: с. 31]. Как правило, научное творчество меньше зависит от личных пристрастий, а творчество в области искусства всегда слитно с личностью, эмоционально и наглядно.

Творчество в области культуры всегда субъективно, и отражает, индивидуальные дарования, наклонности, пристрастия [39: с. 31, 33]. Все это необходимо учитывать в отношениях с создателями культурных ценностей как со стороны соответствующих государственных органов федерального и местного значения, так и со стороны общественности. К сожалению, так происходит далеко не всегда. Если результаты научных исследований обычно оцениваются специалистами и их обсуждение со стороны общественности неуместно, то обсуждение и оценка результатов культурного творчества в литературе, живописи, ваянии, архитектуре и других видах искусства является естественным. Однако

при такой оценке произведений искусства следует ориентироваться не на массового зрителя или на дилетантов, а прежде всего на академистов. В противном случае оценка созданного культурного объекта может оказаться необъективной и отрицательно влиять на свободу творчества в сфере культуры. И все же обсуждение и оценка результатов культурного творчества общественностью уместна, так как способствует их естественному отбору. Однако чувство меры здесь обязательно должно соблюдаться.

Очевидно, что помощь творцам культурных ценностей в распространении результатов науки и культуры должна быть одним из направлений государственной политики в области культуры. Государство обязано обеспечивать доступность для населения страны культурных ценностей, обеспечивая тем самым право каждого на культуру. Финансовая зависимость творчества в сфере культуры от государства особенно ощутима. Как отмечает В.С. Малахов, дело в том, что есть сферы культурного производства, которые не могут существовать без государственной поддержки. Это вся «высокая культура» — от симфонической музыки и оперного театра и до авторского кино» [103: с. 208]. Но, с другой стороны, в условиях рыночной экономики государство не платит за музыку, которую сочиняет композитор по своей собственной воле и желанию, да и не должно платить за тот результат культурного творчества, который оно не заказывало. Как композитор, так и художник должны оплачивать «производственные» расходы из своего кармана, продавая созданные ими произведения на рынке культурных ценностей. Таким образом, результаты их творчества превращаются в товар. Поэтому и от коммерциализации культуры уйти непросто. «Некоммерческая культура, (будучи по определению «убыточной»), — пишет В.С. Малахов, — влачила бы самое жалкое существование, если бы государства не предпринимали усилий по ее поддержке. В частности, мощными средствами такой поддержки являются такие институты, как национальные премии за достижения в области литературы и искусства, фестивали и книжные ярмарки, а также стипендии и другие формы поощрения творческих личностей. Разумеется,

учреждения подобных премий и организации фестивалей могут происходить и на основе частной благотворительности, однако государству здесь принадлежит решающая роль» [103: с. 208].

Попутно заметим, что не всегда все новое в искусстве заслуживает государственной поддержки. Полагаем, что только проверенное временем заслуживает такой поддержки. Но все ли многочисленные новации и эксперименты современных художников в области искусства должны финансироваться за счет государства?

В условиях Советского Союза, например, коммерциализация как таковая отсутствовала. Но существовала не только финансовая, но и идеологическая зависимость творцов культурных ценностей от государства. Теперь же зависимость от власти сменилась зависимостью от частных компаний и фирм, учреждений культуры, размещающих свои заказы для литераторов, музыкантов, художников на культурные продукты их труда.

Но вряд ли будет артист, художник, композитор организовывать гастроли, передвижную выставку, концерты своих произведений в отдаленных местах и регионах с неразвитой системой учреждений культуры на свои собственные доходы. Регионы, в которые поедут перечисленные творцы культурных ценностей с демонстрацией результатов своего творчества, по идее должны быть заинтересованы в финансовой поддержке их мероприятий. Ведь именно общение с живым искусством, а не только просмотр произведений искусства по телеканалу «Культура», способна обеспечить серьезные результаты в эстетическом воспитании граждан России. Но такие мероприятия должны организовываться не только с государственной поддержкой, но и в соответствии с государственным планом. Только так можно реализовать стратегию всеобщего эстетического воспитания населения России, которое в нем, ох как нуждается. Ведь от культурного уровня занятого в экономике и сфере услуг населения, духовной и нравственной культуры нации зависит успех экономического развития общества, о чем уже говорилось в предыдущих разделах данного исследования.

Распространение результатов науки и культуры среди различных категорий населения страны невозможно представить себе без координации научных исследований и практики образования в области эстетического воспитания. Богатый опыт в этом отношении накоплен сотрудниками Института художественного образования Российской академии образования. Кстати, этот опыт достаточно успешно распространяется и в нашей стране, и даже за рубежом.

§ 5. Право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения

Язык занимает по отношению к культуре, образованию как основе культуры ведущее место. В более широком плане велико значение языка в жизни общества, в котором он выступает как средство общения и выполняет важную коммуникативную функцию. Язык — это хранитель общественного опыта, информации. Но язык — это еще и главное средство передачи информации от человека к человеку, от поколения к поколению. Звуковой язык, наряду с пластикой человеческого тела, есть «естественная» система знаков. В конечном счете для каждого человека язык, на котором он общается, говорит и думает, является критерием его этнической самоидентификации. И поэтому язык — это еще и основной отличительный признак этноса. Именно этнос формирует общий язык, лежащий в основе его культуры, его образа жизни. С течением времени язык обогащается новыми словами, изменяется, но всегда остается средством общения определенного этноса и средством преемственности его поколений.

В новейшей истории, когда рушилась колониальная система и происходило становление новых государств, именно язык сыграл определяющую роль в культурном и даже административном устройстве этих государств. Например, после провозглашения независимости Индийской Республики возникла потребность создания языковых провинций. Дело в том, что на ее территории на-

считывалось 1652 языка и диалектов (хотя в конституции признано всего 18 крупных языковых групп) [112: с. 187]. Но, поскольку эти языки использовались в определенных регионах, было необходимо объединить такие регионы с целью создания самостоятельных территориальных единиц. Таким образом, потребность в реорганизации штатов нередко отождествлялась с потребностью создания языковых провинций. Такое положение объяснялось стремлением к перераспределению провинций Британской Индии, что в значительной мере было прямым результатом феноменального развития региональных языков в XIX веке, которое привело к эмоциональной интеграции различных языковых групп и осознанию ими себя в качестве самостоятельных культурных объединений [112: с. 187]. Поэтому с целью рационализации административного деления данная задача решалась в плане создания лингвистически однородных единиц. «Сторонники строгого и единообразного применения языковых принципов при определении границ штатов приводили серьезные доводы в поддержку своей позиции» [112: с. 187].

Такое разнообразие внутренней жизни Индии, в основе разграничения которой лежат религия, касты, язык, диалекты, культурные традиции и самобытность, по масштабам отличается своей исключительностью. Но самым значительным явлением в жизни Индии за последние сто лет является возрождение региональных языков. Именно языки этнических групп «превратились в богатый и мощный инструмент самовыражения, вызывая чувство сплоченности между людьми, говорящими на этих языках и способствуя прежде всего формированию обособленных культурных групп» [112: с. 187].

Следовательно, Республику Индию можно отнести к крупнейшей в мире лаборатории языковых отношений. В этом государстве с населением свыше одного миллиарда человек языки сыграли и ныне играют позитивную роль не только в формировании обособленных культурных общностей, но и в его административно-политическом устройстве. Развитие Индии как независимого государства подтвердило, что именно язык, являясь

основным средством передачи мыслей и чувств, обеспечивает наиболее эффективную и единую основу объединения народа. «Языковая однородность является единственной рациональной основой для изменения структуры штатов (в Индии в настоящее время насчитывается 25 штатов, 7 союзных территорий, которые подразделяются на 439 административных округов [112: с. 186]), поскольку она отражает социальные и культурные особенности жизни людей в четко определенных регионах страны» [112: с. 185]. Вместе с тем язык отражает еще и социально-экономические особенности развития отдельных регионов, и не только Индии, но и других государств.

К странам, где язык является основным средством определения самобытности этнических групп, относятся, наряду с Индией, Китай, Индонезия, Малайзия, Россия и др. И если создание региональных организаций может стать основанием для вторжения в сферу действия национального суверенитета государств, то сфера действия этнических меньшинств или народностей может вынести на поверхность (и, к сожалению, нередко выносит) конфликтные аспекты, которые до определенного времени были скрыты или подавлялись [112: с. 185].

Население Российской Федерации общается на более чем 120 языках (в школах изучается 87 языков, а обучение ведется на примерно 35 языках), принципиальное значение имеют конституционные гарантии равноправия и сохранения языков народов страны. Закрепив в качестве государственного русский язык (ст. 68. ч. 1), Конституция РФ гарантирует республикам России установление своих государственных языков (ст. 68. ч. 2). Это означает, что в органах государственной власти и органах местного самоуправления национальные языки могут использоваться наряду с государственным языком. То есть Российская Федерация гарантирует всем ее народам и национальным общинам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68, ч. 3) и, наконец, пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 27, ч. 2).

Из сказанного вытекает вывод о равенстве прав и свобод человека и гражданина, независимо от национальности и языка, и неприемлемости ограничения прав граждан по национальной и языковой принадлежности (ст. 19, ч. 2). Разумеется, рассматривать названные конституционные положения необходимо в единстве с неприменением норм права для какого бы то ни было ограничения свободного использования языков народами России, как в межличностных отношениях, так и в деятельности общественных организаций. Это и есть реальная гарантия для свободного выбора и использования народами России языка общения. С помощью языка каждый познает мир, общается с себе подобными. Посредством языка передается социальный опыт, нормы культуры, традиций. В глобальном же плане через язык осуществляется преемственность поколений и исторических эпох.

Начало международным актам по уважению языковых прав было положено соответствующими разработками ЮНЕСКО. Так, на конференции по языковым правам (Барселона 1996 г.) все языки были признаны в качестве выражения коллективной самобытности и провозглашены равные права всех языковых общин на использование, сохранение и укрепление своего языка во всех формах культурного творчества [145: с. 223]. В Программе ЮНЕСКО на 1994–1995 гг. также особое внимание обращается на обеспечение самобытности языковых прав и разработку системы показателей для оценки того, в какой мере эти права соблюдаются [145: с. 225].

В современном мире в структуре межгосударственных и внутригосударственных отношений проявляются две прямо противоположные тенденции, причем и первая, и вторая связаны с *глобализацией общественных отношений*. Первая выражается в объединении государств в более крупные региональные группировки (Евросоюз (ЕС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Евразийский экономический союз (ЕВРОЗЕС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), страны БРИКС и др.). Вторая проявляется в том, что в рамках территориальных границ суверенных государств растет самобытность этнических

групп, объединенных на основе языковых, религиозных и культурных признаков.

Поскольку народы России общаются на более чем ста языках и наречиях, то это дает основание относить наше государство к числу исключительных по этническому и языковому многообразию. Так, только в Дагестане функционируют 14 письменных и 14 неписьменных языков [77: с. 61]. Но в сфере образования и науки применяются лишь 18 языков России: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, цахурский, чеченский, английский, арабский, немецкий, турецкий, французский [77: с. 61].

Многоязычие характерно и для других республик Северного Кавказа. Русский язык как государственный (ст. 68, ч.1) является основным средством, которое связывает население этих республик в единые культурные общности и является определяющим в сфере их социально-экономического развития. Поэтому, наряду с национальным, освоению русского языка в республиках и других субъектах РФ придается первостепенное значение.

Например, в Дагестане преподавание русского языка является приоритетным на всех этапах образования — школьного, среднего и высшего профессионального. Со смешанным национальным составом в школах, в образовательных учреждениях среднего профессионального и во всех вузах республики обучение осуществляется на русском языке, что позволяет выпускникам школ, средних и высших образовательных учреждений продолжать образование в едином образовательном пространстве не только Дагестана, но и Российской Федерации.

В условиях, когда ни один из национальных языков по своему лексическому и научно-терминологическому составу не может выполнять функцию межнационального общения, именно русский язык объективно является средством такого общения. Важно подчеркнуть, что сутью языковой политики в Дагестане является равенство всех языков, что соответствует ст. 68, ч. 2 Конституции России. Все они обладают статусом государственных языков

в хозяйственной и политической жизни. В итоге, начиная со школьных образовательных учреждений, развивается русско-дагестанское двуязычие. Но в деле консолидации народов Дагестана и укрепления государственности основную роль играет русский язык, что, кстати, характерно и для других многонациональных субъектов России.

Избранная и осуществляемая в Дагестане государственная языковая политика способствует накоплению положительного опыта обучения русскому языку, его преподаванию в национальной аудитории. Но сотрудники Института национальных проблем в образовании (Махачкала) считают, что имеющийся опыт в изучении русского языка необходимо обогащать новыми методиками и практикой. В регионах созданы и успешно функционируют различного рода инновационные учебные заведения с углубленным изучением отдельных предметов, в том числе русского языка. Реализуются также проекты по дальнейшему развитию национально-русского двуязычия (например, «Развитие национально-русского двуязычия и проблема интерференции в русской речи билингвов в поликультурной среде», «Роль двуязычия в системе межнационального воспитания и обучения в поликультурном регионе») [77: с. 62].

Но существуют и проблемы с освоением русского языка в сельской местности, где горцы общаются на своих языках, а изучение русского языка в общеобразовательной школе поставлено недостаточно хорошо. В связи с жизнедеятельностью горцев ограничены в горных районах и контакты с русской культурой. Но более сложная проблема существует с обучением на русском языке в религиозных учебных учреждениях, в особенности в тех, которые подвержены религиозному радикализму. И хотя в учебных планах «негосударственных образовательных учреждений среднего профессионального религиозного образования около 40 % аудиторной учебной нагрузки приходится на русский язык, литературу, историю России» [77: с. 63]. проблема остается. Для ее решения принимаются серьезные меры. Так, все негосударственные образовательные учреждения среднего профессионального религиозного образования, получившие лицензии, работают

по учебным планам, составленным на русском языке и утвержденным учредителем.

Но пока существует и необходимость упрочения позиций кириллицы (наряду с аджамом) в качестве инструмента в постижении и распространении ислама [77: с. 63–64].

И все же приоритетным в формировании поликультурной личности являются светские учебные заведения, где доля русского языка в образовании и получении специальности является определяющей. Не только в Дагестане, но и в других республиках Северного Кавказа актуальным является расширение системы светского образования. Здесь происходит приобщение молодежи к российским и глобальным культурным ценностям, вырабатывается уважение к другим культурам, формируется благоприятная среда для гармоничного развития личности с учетом национально-культурных и этнических потребностей. Этому способствуют и постоянно проводимые научные и научно-практические конференции и симпозиумы в Нальчике, Карачаевске, Махачкале, Пятигорске, других городах по проблемам межкультурной и межнациональной коммуникации и поликультурного образования [77: с. 62–63].

Таким образом, вопрос о языковых правах остается центральным для государств с множеством племенных групп и языковым многообразием. Языковая проблема вызывает много эмоций, в особенности там, где она не решается в соответствии с современными стандартами, установленными в международных и национальных нормативных актах. Язык был и по-прежнему является основным средством выражения культуры различных народов и этнических групп. Посредством языка они выражают и отстаивают свои права на самовыражение в соответствии со своими исторически сложившимися языковыми традициями, обеспечивая тем самым сохранение их самобытности.

Глава V. Свобода совести как культурное право человека в условиях глобализации общественных отношений

§ 1. Место свободы совести в системе координат культуры

Исследования теоретико-правовых основ в сфере свободы совести, проведенные в последние десятилетия, выявили эволюцию представлений, которые прослеживаются от первых концепций веротерпимости в Древнем мире до идей религиозной свободы и свободомыслия, зародившихся в эпоху феодализма и далее получивших развитие в политических и правовых учениях XV–XX вв. В XXI в. когда глобальные процессы в мире существенно ускорились, общественные отношения меняются несравненно быстрее, что вызвало необходимость расширения исследований по трансформации различного рода общественных отношений, в том числе опосредующих право.

Для настоящего исследования главным приоритетом является исследование культуры и правовой защиты культурных прав человека и гражданина. И если в этой связи говорить о соотношении права и культуры, то приходится еще раз повторить сказанное выше, что само право является аспектом культуры. Но вместе с этим в арсенале права «имеются различные способы охраны культуры, например путем оказания поддержки свободному выражению мнения и свободе религии» [176: с. 91]. В этом плане особой актуальностью отличается современное состояние такой демократической свободы, как свобода совести, которая по своему характеру и содержанию относится к области культуры точно так же, как относятся к ней все демократические свободы и права. По этим основаниям и свобода совести, как личное право, относится именно к культурным правам человека и гражданина.

Объем культурных прав представляется весьма обширным и не всегда вписывается в рамки ранее установленных категорий охраны. Из представленных в научной литературе многочисленных подходов, объясняющих это обстоятельство, наиболее научно обоснованными являются те из них, которые рассматривают

культуру и культурные права человека и гражданина в неразрывной связи с глобализацией общественной системы как постоянно развивающимся процессом. Этот процесс предопределяет не только смену состояний, но и направлен на достижение качественно нового интеграционного состояния мира в планетарном масштабе.

Характеризуя саму глобализацию, как динамичный [155: с. 624] интеграционный мировой процесс «сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции» [173: с. 12] и охватывающий все сферы общественной жизни [88: с. 219–222], многие исследователи говорят о его направленности на формирование единой планетарной социальной системы «в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности» [175: с. 35]. И.И. Лукашук обращает внимание на решающую роль в этом процессе самого человека, неразрывно связанного с другими людьми многообразными отношениями. Именно так, замечает И.И. Лукашук, «образуется мировое сообщество» [175: с. 36]. В этом новом сообществе, подчеркивает И.З. Фархутдинов, «завершается формирование единых мировых финансовых и информационных систем, центров регулирования мировой экономики», которые «действуют согласно принципам, отличным от традиционных для национальных органов государств» [161: с. 8]. Все это, отмечает И.В. Ильин, свидетельствует об изменении не только состояний природных, социальных и социоприродных систем, но и об общепланетарном значении глобальных процессов [80: с. 32].

В раскрытии понятий, содержания и основных тенденций глобализационных процессов в различных сферах человеческой деятельности и общественной жизни важную роль имеют труды И. Валлерстайна, Л.Е. Гринина, М.Г. Делягина, С.В. Дубровского, В.Л. Иноземцева, П. Кеннеди, А.И. Кривенького, Н. Моисеева, А.П. Назаретяна, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, А.Н. Чумакова и др. Авторы названных трудов единодушны в том, что в различных общественных сферах глобальные процессы протекали и протекают неравномерно, что характеризуется различными стадиями, состояниями и в конечном итоге уровнями развития общественных подсистем, и прежде всего таких, как культура и право.

Можно согласиться с мнением исследователей, считающих, что глобальные процессы протекают неравномерно, что порождает определенные проблемы. Наиболее явно выраженные среди них вызваны неравномерностью развития отдельных сфер в цивилизациях современного мира. Так, В.В. Волков отмечает опережающее развитие технического могущества, по сравнению с общественной организацией, отставание политического мышления, проблемы нравственных ценностей и неравномерность развития государств [60: с. 35]. В итоге все это порождает противостояние цивилизаций. В основе этого противостояния находятся «не идеология и экономика, хотя и они влияют на разрушение гармонии мира... Важнейшие границы, разделяющие человечество и представляющие источники конфликтов, будут определяться культурой» [121: с. 48].

Можно предположить, что именно различный уровень развития социальных подсистем, и в первую очередь культуры, является одной из основных глубинных причин нестабильности и глобальных проблем человеческой цивилизации и отдельных ее видов. «Нация — государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линия разлома между цивилизациями — это и есть линия будущих фронтов» [166: с. 33].

Близко к данной трактовке стоит мнение авторов энциклопедического словаря. Глобальные проблемы, отмечается в нем, — это «<...> совокупность жизненно важных проблем, затрагивающих человечество в целом и неразрешимых в рамках отдельных государств и даже географических регионов» [164: с. 69] (курсив автора. — С.Б.). По этим основаниям к глобальным проблемам следует отнести те из них, которые соответствуют хотя бы одному из следующих критериев: 1) те, которые затрагивают интересы всего человечества и его будущее; 2) те, которые приобретают всемирный характер, становясь объективными факторами развития общества

в масштабах планеты; 3) те, нерешенность которых создает угрозу для человечества; 4) те, которые невозможно разрешить в местных или региональных рамках и которые требуют для своего разрешения объединенных усилий всего человечества [164: с. 70].

Заметим, что в значительной мере некоторые из перечисленных глобальных проблем порождены давлением США, «которое ощутило большинство стран мира в конце XX века (и продолжает ощущать. — С.Б.) в связи с образованием однополярного мира, позволившего США диктовать свои правила, создавать условия для ускорения процессов глобализации, и именно тех процессов, которые вызывают негативное отношение различных, особенно слаборазвитых, стран: усиление разрыва между богатством и бедностью, использование сырьевых богатств этих стран в целях личного обогащения, пренебрежение традиционной культурой, образом жизни их народов» [124: с. 47]. США и страны Европы являются лидерами «инвестирования своих капиталов в процессы культурного взаимодействия, в распространение продуктов массовой культуры, моды, технологий шоу-бизнеса, игрового бизнеса как в своих странах, так и в странах зарубежья. Все это обеспечивает не только беспрецедентные возможности проникновения элементов западной культуры через государственные границы, но и передвижение через них граждан разных стран и континентов» [124: с. 47].

Посредством мигрантов и беженцев из исламских государств, разрушенных США совместно с некоторыми государствами Евросоюза, произошла активизация исламского фактора. И хотя исламская культура и религия также содержит в себе мессианские идеи, но они не совпадают с либеральной трактовкой этих идей странами Запада, и потому вызывают конфликт цивилизаций, «каждая из которых претендует на определяющую роль в мире, неизбежно порождает правовые конфликты, международный терроризм, взаимную неприязнь» [124: с. 47].

Таким образом, вопрос о взаимодействии культур и цивилизаций, вольно или невольно, приобретает особую остроту в нашем глобализирующемся мире. «И если экономический, политический

компоненты культуры проще осваивают новые пространства, то собственно культурные компоненты как результаты духовной деятельности людей — религия, нравственность, право — нередко встречают резкое противодействие» [121: с. 29]. В этой связи реализация свободы совести как культурного права человека и гражданина является важнейшим условием преодоления этноконфессиональных барьеров между людьми, а значит и возможности позитивного сотрудничества для решения глобальных вызовов, серьезно угрожающих самому существованию общей человеческой цивилизации. Действительно, сегодня глобальные проблемы «приобрели поистине общечеловеческое значение и далеко вышли за рамки интересов отдельных групп, народов и государств» [78: с. 67]. Отсюда возникает проблема «управления процессами глобализации; от выбора стратегии и тактики глобального управления, от применяемых средств, методов в конечном итоге зависят сохранение современной цивилизации и выживание человечества» [78: с. 67].

Таким образом, свобода совести как вид демократических свобод и личного права относится к сфере культуры в одном из ее проявлений — взаимоотношения религии и государства, взаимоотношения религии человека и гражданина. Законодательство в этой сфере, на основе которого осуществляется защита свободы совести, является продуктом культурной деятельности людей, включенной в систему социокультурных отношений.

§ 2. Понятие свободы совести в системе прав человека

Возвращаясь к характеристике проблемы свободы совести, можно отметить, что теоретико-правовое понятие и содержание свободы совести объективно расширяется, постепенно освобождаясь от привязки к юридически не определяемому термину «религия». Одновременно даже в относительно новых работах нередко прослеживается приверженность к юридически не вполне корректным подходам к анализу данной проблемы. Например,

А.В. Пчелинцев признает свободу религии «частью более общей конституционной категории «свобода совести», охватывающей весь спектр мировоззренческих прав и свобод» [131: с. 15]. Но при этом он весьма противоречиво рассматривает некие обособленные «комплекс индивидуальных религиозных прав и свобод, реализуемых человеком самостоятельно, и комплекс коллективных религиозных прав и свобод, реализуемых человеком совместно с иными лицами и составляющих неотъемлемую часть системы общих дозволений» [131: с. 15]. Похожей позиции придерживается А.А. Со. Он считает, что свобода вероисповедания является самостоятельной конституционной свободой личности, относящейся к религиозной сфере и нетождественной свободе совести. «Свобода вероисповедания, — замечет А.А. Со, — охватывает собой ту часть человеческого сознания, которая касается отношения к исповедуемой религии, вере, то есть является свободой выбора в пределах религиозного сознания и поведения. В широком смысле свобода вероисповедания может быть рассмотрена как свобода, затрагивающая вопросы веры в духовно-нравственные идеалы в целом. Таким образом, свобода вероисповедания — это вид и мера возможного поведения лица выбирать любые морально-этические взгляды и убеждения, основанные на той или иной религии либо вере в духовно-нравственные идеалы, а также возможность следовать этим убеждениям при условии соблюдения закона» [46: с. 7].

Среди корректных подходов следует выделить диссертационное исследование Ф.М. Рудинского, который еще в 60-е гг. прошлого столетия писал о свободе совести в широком смысле как о свободе мировоззренческого выбора. Также следует отметить определение В.Н. Савельева, сформулированное в начале 90-х гг. Он считает, что «свобода совести — это обеспечение в обществе таких демократических прав и свобод, которые реально гарантируют личности... возможность проявлять свои убеждения в обществе» [139: с. 97]. Из числа современных исследователей следует выделить определение свободы совести, свободное от привязки к «религии», Н.Ю. Тетерятникова. Исследователь

отмечает, что «свобода совести — это фундаментальное сложно-составное естественное субъективное право первого поколения, принадлежащее каждому человеку в силу рождения и представленное в виде личной свободы индивида в сфере его мировоззрения, а также поведения, основанного на этом мировоззрении, которому имплицитно коррелирует обязанность поведенчески терпимого отношения к допустимой правом свободе всех других лиц» [157: с. 10].

В указанном контексте следует согласиться с Т.П. Минченко. Она считает, что свобода совести «является системообразующим и основополагающим правом в системе прав человека, связанным с удовлетворением мировоззренческой потребности, реализация которой формирует мировоззренческую идентичность и дает смысл жизни на основе свободного выбора» [108: с. 12].

Итак, в контексте настоящего исследования можно выделить следующие парадигмы по определению понятия и содержания свободы совести:

– понятие и содержание свободы совести связано не только с отношением к религии (вероисповеданию), но и с деятельностью религиозных объединений;

– понятие и содержание свободы совести связано не только с отношением к религии (вероисповеданию) и деятельностью религиозных объединений, но с отношением к иным мировоззренческим формам;

– понятие и содержание свободы совести тесно связано с мировоззренческой сферой, но без специального выделения религии (вероисповедания) и деятельности религиозных объединений.

Понятие свободы совести как свободы мировоззренческого выбора, соответствует современным общественным отношениям, принципу верховенства права и требованиям юридической техники. Свобода совести является системообразующей в правах человека — это неотъемлемое право каждого на удовлетворение мировоззренческой потребности, придающей смысл

существованию на основе свободного мировоззренческого выбора, а также правомерного поведения, основанного на упомянутом выборе без ограничения в других гражданских правах и свободах или их утраты¹.

Содержание свободы совести включает право индивидуально и/или совместно с другими свободно формировать, выбирать, менять, распространять мировоззрения и действовать в соответствии с ними, не ущемляя свободы и личного достоинства других [42: с. 34–35].

Это значит, что современное понимание свободы совести включает в себя все многообразие форм систем мировоззренческой ориентации, а свободу вероисповедания следует рассматривать не только составной частью свободы совести, но и в качестве поглощенной ею. Главным аспектом свободы совести является осознание многообразия отношений и уважение к соотношению знания и веры у разных людей в обществе [141: с. 145–148].

Соответственно юридическим измерением свободы совести выступает ее правовой институт. Это совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в процессе осуществления упомянутой свободы [135: с. 57].

Итак, свобода совести — это есть свобода мировоззренческого выбора, поэтому является основополагающей категорией во всем перечне прав человека. Данная категория, безусловно, относится к сфере духовной (читай культурной) жизни и деятельности людей и отдельного человека и гражданина. Свобода совести как личное, субъективное, по совершенно верному мнению Н.Ю. Тетерятникова, «<...> естественное право первого поколения, принадлежащее каждому человеку от рождения» [157: с. 10]. Следовательно, свобода совести — это и юридическая категория, занимающая очень важное место в системе прав человека и естественным образом связанная с культурой и культурной деятельностью.

¹ Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С.А.* Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: монография. – М.: ЗАО «ГФ «МИР», 2009. – С. 34–35; *Минченко Т.П.* Проблема свободы совести в эпоху постсекуляриности: Истоки и перспективы: дис. ... д-ра филос. наук. – Томск, 2011.

§ 3 Соотношение светскости государства и свободы совести

Важнейшей гарантией реализации прав человека, свободы совести и защиты от дискриминации¹ является конституционный принцип светскости государства, закрепленный в ст. 14 Конституции России². Многие российские и зарубежные авторы в своих работах совершенно справедливо ставят реализацию свободы совести в зависимость от соблюдения принципа светскости государства, закрепленного на конституционном уровне (ст. 14 Конституции РФ). Одним из первых научно-обоснованное определение светского государства дал в своих трудах Ф.М. Рудинский. Светскость государства (в том числе отделение религиозных объединений от государства), писал он, является наиболее важной гарантией реализации свободы совести, так как «освобождение совести индивида от принудительной государственной опеки предоставляет ему самостоятельно решать вопрос о своих убеждениях» [135: с. 36]. О взаимосвязи принципов свободы совести и светскости государства пишет и Е.Б. Поканинова. Соглашаясь с данными авторами, считаем, что гарантией реального равноправия действительно может и должна стать невозможность для государства нарушать свободу совести [49: с. 8–17]. Таким образом, вопрос юридически корректного определения понятия и содержания принципа светскости государства является ключевым для реализации свободы совести и иных взаимосвязанных принципов.

¹ Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С.А.* Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. Специализированный информационно-аналитический доклад за 2006 – первую половину 2007 годы. – М.: Московская хельсинкская группа, 2007. – 240 с.

² Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С.А.* Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: монография. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2009. – С. 34–35; *Бурьянов С.А.* Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации. – М.: ООО «ТФ «МИР», 2010. – С. 17–26; *Бурьянов С.А.* Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 – начало 2016 г. – М.: Полиграф Сервис, 2016. – С. 21–32.

В контексте истории общественной мысли можно выделить три основные трактовки светского государства как: 1) антирелигиозного; 2) нерелигиозного (секулярного); 3) внерелигиозного (мировоззренчески нейтрального) [94: с. 7]. По нашему мнению, первые два понятия не могут быть гарантией реализации свободы совести. Максимально корректным, с конституционной точки зрения, представляется определение светского государства как мировоззренчески нейтрального, то есть не отдающего предпочтение вообще никакому мировоззрению, тем более что правовое определение «религии» и «религиозного» пока в юридической науке не существует. Попутно заметим, что понимание светского государства как мировоззренчески нейтрального отражено в многочисленных трудах Института свободы совести¹, работах других российских исследователей. Например, С.С. Савва верно определил основные признаки светскости государства вне связи с мировоззрением [141: с. 150], Т.П. Минченко сформулировал понятие светского государства как мировоззренчески нейтрального государства [108: с. 157], Н.А. Придворов и Е.В. Тихонова указывают на то, что светское государство «принципиально не приемлет никакой идеологии — религиозной, атеистической, религиозно-индифферентной или иной в качестве официальной, в государстве сосуществуют различные идеологии, в своей законотворческой деятельности и практической политике оно исходит из интересов всего общества, а не какой-либо его части, отличающейся по мировоззренческому признаку» [124: с. 39–40]. Украинский исследователь М.Ю. Бабий также полагает, что светскость государства носит «мировоззренчески безразличный (нейтральный) характер государства, его структурных подразделений» [124: с. 41].

¹ Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С.А., Мозговой С.А.* Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. – М.: Институт свободы совести, 2005; *Бурьянов С.А.* Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2009 – начало 2010 гг. – М.: ООО «ТФ «МИР», 2010. – С. 8–26; *Бурьянов С.А.* Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 – начало 2016 г. – М.: Полиграф Сервис, 2016. – 258 с.

Представляется, что с точки зрения принципа верховенства права и требований современной юридической техники, в основе которых лежит принцип правовой определенности, юридически корректным является определение светскости государства как мировоззренческого нейтралитета. Это значит, что подходы, связывающие понятие светскости государства с понятием «религия» (и производными от него), имеют право на существование, но представляются не вполне корректными с точки зрения современной юридической науки. Поэтому считаем, что *светское государство — мировоззренчески нейтральное государство, принципиально не приемлющее никакое мировоззрение в качестве официальной идеологии, обеспечивающее каждому возможность свободного мировоззренческого выбора.*

Соответственно принцип светскости государства включает в себя следующие составляющие:

- мировоззренческий нейтралитет органов государственной власти (законодательной власти; исполнительной власти; судебной власти);
- мировоззренческий нейтралитет органов местного самоуправления;
- мировоззренческий нейтралитет государственной и муниципальной системы образования;
- мировоззренческий нейтралитет государственных и муниципальных СМИ и массовых коммуникаций;
- мировоззренческий нейтралитет правоохранительных органов;
- мировоззренческий нейтралитет Вооруженных сил, других войск и воинских формирований;
- мировоззренческий нейтралитет системы исполнения наказаний, мест заключения под стражу и лишения свободы [43: с. 19].

Также можно согласиться с В.Н. Линкиным, который считает, что к числу обязательных элементов существования светского государства относятся: идеологическое многообразие (ст. 13.1 Конституция Российской Федерации); светский характер Российского государства (ст. 14.1); отсутствие государственной или обязательной

религии (ст. 14.1); отделение религиозных объединений от государства (ст. 14.2); равенство религиозных объединений перед законом (ст. 14.2); гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии (ст.19.2); запрет на любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ст. 19.2); гарантии свободы совести, свободы вероисповедания (ст. 28); запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающую религиозную ненависть и вражду, а также запрещается пропаганда религиозного превосходства (ст. 29.2); отсутствие принуждения к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ст. 29.3) [96: с. 12–13].

Это значит, что «только реализация всех элементов в совокупности, как на уровне Федерации, так и на уровне субъектов, будет обеспечивать надлежащую реализацию принципа светского характера государства» [96: с. 12–13].

Однако фактически законодательство России и других государств не содержит определения светскости государств, что предопределяет системные нарушения этого принципа и создает предпосылки для массовых нарушений свободы совести [46: с. 152]. Поэтому нарушение конституционного принципа светскости государства проявляется в форме клерикальной идеологизации органов государственной власти [49: с. 161–193] и выражается в фактическом сращивании с одной из конфессий, доктринальные установки которой используются в качестве государственной идеологии [48: с. 63–76]. Как уже отмечалось, сегодня свобода совести рассматривается как составляющая прав человека в неразрывной связи с понятием индивидуальной свободы, которая в свою очередь является важнейшей составляющей свободы личности [69: с. 224].

В этом отношении стоит согласиться с мнением Ф.М. Рудинского, отмечавшего важность индивидуальной свободы для воплощения способностей человека и обеспечения возможности самоопределения личности. «Подлинная индивидуальная свобода, — пишет Ф.М. Рудинский, — означает запрет противоправного вмешательства в частную жизнь граждан, отрицание тоталитарного контроля над индивидуумом» [142: с. 624].

Однако в юридической науке нет единого мнения о месте свободы совести в системе прав человека. Например, М.В. Баглай относит свободу совести к личным правам и свободам [31: с. 166], В.Д. Перевалов и В.И. Леушин — к культурным правам [155: с. 501], а Ф.М. Рудинский — к гражданским (личным конституционным) правам [136: с. 39].

Полагаем, что все упомянутые выше исследователи правы, так как свобода совести (как свобода мировоззренческого выбора) лежит в основе системы прав человека и является основой свободы как таковой. И не вполне корректно говорить, что одно право является более важным по сравнению с другим.

Так, культурные права человека (которые иногда называют культурно-духовными) как составляющая системы прав человека призваны создать условия для гармоничного и всестороннего развития индивида. Они подразумевают юридически закрепленные возможности самореализации индивида в образовательной, культурной и духовной сферах. Культурные права, включая свободу совести, нашли свое юридическое закрепление в Международном билле о правах человека, который включает Всеобщую декларацию прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и его два факультативных протокола [141: с. 122]. В соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, Международном пактом об экономических, социальных и культурных правах и другими согласованными между государствами документами государства обязаны запрещать дискриминацию и признавать право каждого человека на образование, участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса, признавать право на свободу научной деятельности и творчества, на доступ к культурным ценностям и пр.

Так, ст. 18 Всеобщей декларации прав человека провозглашает: «<...> каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком

в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» [1: ст. 19]. В ст. 19 говорится, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [1: ст. 19].

Международный пакт о гражданских и политических правах, являющийся обязательным к исполнению для государств — участников международного договора, в статье 18 гарантирует: право каждого человека на свободу мысли, совести и религии; свободу родителей и законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими убеждениями. В соответствии со статьей 26 «все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона...» [3: ст. 18, 26]. Кроме того, Всеобщая декларация прав человека послужила основой для принятия целого ряда иных международных и внутригосударственных документов о правах человека.

Взяв курс на построение правового государства в конце 80-х г., Российская Федерация обязалась привести свое национальное законодательство в соответствие с положениями международно-правовых документов, закрепив в качестве правовой основы такие нормы, как свобода совести (ст. 28), светскость государства (ст. 14), идеологическое многообразие (ч. 2 ст. 13), равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от их отношения к религии, убеждений, запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19) [141: с. 160]. Следовательно, закрепив перечисленные выше положения в качестве конституционных, Конституция России подтвердила приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права.

Известно, что гармоничное развитие индивида невозможно без свободного мировоззренческого выбора, который, наряду с мировоззренческим нейтралитетом государства, выступает в качестве необходимых условий и важнейших гарантий: достижения толерантности и преодоления дискриминации, нетерпимости

и ксенофобии по мотивам мировоззренческой принадлежности; преодоления национальной нетерпимости и конфликтов, а также гармонизации межнациональных отношений; достижения мира, согласия и безопасности. Реализуя право на свободу совести, человек формирует картину мира, обретая смысл и определяя свое место в жизни.

Можно предположить, что удовлетворение потребности в формировании картины мира является необходимым условием становления личности. От того, как человек сформирует картину мира и определит смысл своей жизни, зависит, станет ли он целью или средством, личностью или «винтиком», зависит его настоящее и будущее. Свобода совести, таким образом, включает в себя все многообразие форм систем ориентации (в том числе ту, которую называют «религиозной»), реализуемых единолично и/или коллективно на принципах равенства» [48: с. 85].

Таким образом, свобода совести — право на удовлетворение мировоззренческой потребности, придающей смысл существованию человека. В целом, несмотря на некоторый упадок конфессионального влияния на человеческую цивилизацию, вряд ли есть основания говорить об уменьшении потребности каждого человека в ориентации и самоосознании. Изменениям подвергаются лишь формы реализации этой специфической потребности вследствие развития цивилизации. Старые формы эволюционируют или отмирают, уступая дорогу новым формам. Можно предположить, что развитие форм систем ориентации неразрывно связано с эволюцией человечества в целом. Отсюда необходимость равноправия новых форм (в том числе перспективных, тех, что возникнут в будущем) по отношению к уже существующим. Тем более что «исконные» формы были в свое время «новыми». Например, христианство в свое время было «новым» по отношению к «традиционному» язычеству.

Практика жизни показывает, что развитие цивилизации обуславливает изменение соотношения между наукой и религией в обществе, между знанием и верой каждого человека. Осознание многообразия отношений и уважение к соотношению знания и веры у разных

людей в обществе является главным аспектом свободы совести как культурного права в условиях глобализации. В условиях глобальных вызовов от реализации этого права свободы совести зависят: способность индивида самореализоваться в личность; возможность преодолеть противоречия между тенденциями, обусловленными опережающим развитием цивилизации и природой человека; способность государства к устойчивому развитию без социальных взрывов и потрясений; умение мирового сообщества найти пути к решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством [47: с. 24]. В конечном итоге свобода совести как свобода мировоззренческого выбора является стержнем идентичности человека и выступает основой для реализации культурных прав, направленных на гармоничное и всестороннее развитие индивида.

§ 4. Характерные особенности реализации права на свободу совести

Многолетние исследования, в том числе и автора настоящего текста, выявили системные проблемы реализации свободы совести на следующих условных уровнях: научно-теоретическом и образовательном; законодательном; на уровне деятельности органов государственной власти, правоприменения и судебной практики; правозащитном уровне; на уровне средств массовой информации. На основании исследования комплекса современных теоретико-правовых вопросов автором была выдвинута гипотеза о необходимости перехода от концепции религиозной свободы для верующих (не отрицая, но расширяя ее) к свободе совести как свободе мировоззренческого выбора для каждого. Исследования законодательства Российской империи и Советского Союза о свободе совести, религии и отделении церкви от государства выявили очень интересные результаты о его полной зависимости от политического прагматизма государственной власти. То же самое приходится говорить и о современном российском законодательстве о свободе совести и тенденциях его трансформации [46: с. 165].

Анализ правового института свободы совести в Российской Федерации выявил его неадекватность, коллизионность, дефектность, так как он основан на юридически некорректных принципах и понятийном аппарате [45: с. 123]. Да и универсальные и региональные международно-правовые документы в сфере свободы совести не в полной мере соответствуют глобализирующимся общественным отношениям и не вполне отвечают современным научным разработкам и базовым требованиям юридической техники [44: с. 144].

Конституция Российской Федерации в целом соответствует международно-правовым документам в сфере свободы совести. Однако соответствующие конституционные формулировки, закрепляющие право на свободу совести и свободу вероисповедания, а также светскость государства, не вполне корректны. Это значительно снижает эффективность упомянутых конституционно-правовых норм. Так, подмена свободы совести свободой вероисповеданий приводит к зависимости реализации конституционных прав в данной области от отношений государства с религиозными объединениями, а права «неверующих» вообще оказались вне правового поля. Наконец, некоторые акты федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации нередко противоречат Конституции России и нормам международного права в области свободы совести.

В указанном контексте и с учетом глобализации общественных отношений представляется актуальной ревизия и реформа содержания международно-правовых и внутригосударственных норм в сфере свободы совести. Они должны быть наполнены новым адекватным содержанием, с учетом современного характера общественных отношений, и приведены в соответствие с требованиями современной юридической техники. Как никогда прежде, актуальной является и необходимость формирования культуры прав человека в сфере свободы совести. Для этого необходимо реализовать комплекс мер [119: с. 15–102], среди которых принципиальное значение имеет развитие образования в области прав человека [119: с. 216].

Собственно, и система гарантий реализации свободы совести также представляется недостаточно развитой. По логике вещей важнейшей гарантией реализации свободы совести является светскость государства, без которой она невозможна в принципе. Однако нарушение принципа светскости государства дезавуирует как отдельные виды гарантий свободы совести, так и систему гарантий в целом.

У современного светского государства, тем более многонационального и поликонфессионального, каким является Российская Федерация, вообще не должно быть никакой «специальной» религиозной политики, никаких специальных отношений с религиозными организациями, а также специальных органов по делам религии и отношений с религиозными объединениями. Все это противоречит верховенству права, правовому государству, правам человека, свободе совести, равноправию индивидов, религиозных организаций и объединений.

С конституционным принципом светскости государства тесно связан принцип светскости государственной системы образования. Считаю, что религиозное (конфессионально ориентированное) образование как в стенах государственной (муниципальной) школы, так и вне ее должно быть добровольным и финансироваться за счет самих верующих и религиозных организаций.

Приходится констатировать, что сегодня в России принцип светскости и другие, взаимозависимые с ним конституционные принципы (а они имеют смысл и работают только во взаимной связи) системно нарушаются. В итоге, клерикальная идеологизация институтов государства, охватившая органы государственной власти, систему образования, Вооруженные силы (другие военизированные формирования), места заключения под стражу и лишения свободы, СМИ, носит массовый системный характер.

Исследование реальной ситуации в области свободы совести подтвердило гипотезу об углублении кризиса реализации свободы мировоззренческого выбора. Многочисленные нарушения свободы вероисповедания и рост ксенофобии, нетерпимости, дискриминации по мотивам мировоззренческой принадлежности

являются закономерным следствием. При этом неверующие также чувствуют себя ущемленными, в том числе и в связи с продолжением практики государственного финансирования деятельности некоторых религиозных объединений. Самыми очевидными показателями состояния реализации свободы совести являются многочисленные нарушения прав индивидов и религиозных объединений, которые проявляются в форме дискриминации, нетерпимости, ксенофобии и насилия на их почве [50: с. 123] Таким образом, нарушения конституционной свободы совести ведут к нарушениям в сфере реализации культурных прав, что наиболее наглядно проявляется в области образования.

Так, в п. 2 ст. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывается, что Российская Федерация: «не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания...обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях». Но факты говорят о другом. Государство оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в преподавании общеобразовательных дисциплин в образовательных организациях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании (п. 3 ст. 4 ФЗ). Далее. В соответствии с законодательством РФ государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на принципе светского характера образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность (п. 1 ст. 3 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»); обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью (п. 4 ст. 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Но «по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации

на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы» (п. 4 ст. 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Следовательно, с точки зрения конституционного принципа светскости государства (в том числе государственной системы образования) модули учебной дисциплины «Основ религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) «основы православной культуры», «основы исламской культуры», «основы буддийской культуры», «основы иудейской культуры» должны быть не только альтернативными и добровольными, но и финансироваться за счет верующих и соответствующих религиозных объединений.

Напомним, что 28 января 2012 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 84-р был утвержден План мероприятий по введению с 2012/2013 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики»¹.

Вступивший в силу 1 сентября 2013 года Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» содержит ряд не вполне конституционных положений, затрагивающих вопросы реализации свободы совести в сфере образования. В частности, была узаконена, до этого фактически незаконная, практика преподавания курса «Основ религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Фактически «основные» религиозные организации получили возможность вмешиваться в деятельность государственной системы образования под предлогом осуществления конфессиональной аккредитации образовательных программ, учебно-методических материалов и преподавателей по ОРКСЭ и теологии на предмет их соответствия вероучению.

¹ Распоряжение от 28 января 2011 г. № 84-р Об утверждении плана мероприятий по введению с 2012/13 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» // Российская газета. 2012. 4 февраля.

Полагаем, что именно под давлением многоступенчатого клерикального лобби Министерство образования и науки РФ было вынуждено пойти на незаконное расширение преподавания профессионально ориентированных дисциплин и издание соответствующих не вполне законных актов [119: с. 102]. Так, например, с 1 сентября 2015 г. новая предметная область «Основы духовно-нравственной культуры народов России» была фактически введена (пока в тестовом режиме) для учеников 5 классов в рамках нового стандарта основного общего образования как минимум в нескольких десятках московских школ (предметы «Православная культура» и «Исток»).

В субъектах Российской Федерации были зафиксированы мероприятия для преподавателей курса ОРКСЭ. Некоторые из них направлены на воспроизводство через государственную систему образования ксенофобских стереотипов посредством лингвистического конструирования неравенства. Так, 16 октября 2015 г. в Ярославле прошла лекция «Негативные аспекты деятельности сект и тоталитарных религиозных культов» в рамках образовательной программы, организованной Городским центром развития образования совместно с Отделом религиозного образования и катехизации Ярославской митрополии на базе школы № 36 в соответствии с Распоряжением Правительства Ярославской области «О мерах, направленных на противодействие религиозному экстремизму, ксенофобии и сепаратизму». Лекцию читал Роман Конь, преподаватель сектоведения Московской духовной академии, кандидат богословия, исследователь современных сектантских движений России. Его пособие «Введение в сектоведение» является учебным пособием для студентов духовных семинарий и академий и посвящено теоретическим вопросам (исследованию природы «сектантства», причин его появления и распространения, подходам к борьбе, систематизации современных культов и «сект»)¹.

¹ Для ярославских преподавателей курса ОРКСЭ была проведена лекция «Негативные аспекты деятельности сект и тоталитарных религиозных культов» // Православное образование. 2015. 16 октября. – URL: <http://pravobraz.ru/dlya-yaroslavskix-prepodavatelej-kursa-orkse-byla-provedena-lekciya-negativnye-aspekty-deyatelnosti-sekt-i-totalitarnyx-religioznyx-kultov/>

Подобная практика характерна и для других регионов России. «GlobalSib» от 23 апреля сообщает, что в Томской области 2015 г. совместно Томской епархией РПЦ МП и департаментом общего образования области была подготовлена и реализована специальная программа по мастер-классам в детских садах. Проходят они с 22 по 24 апреля 2015 г. В мэрии города сообщили, что представители епархии рассказывают детям о колокольном звоне, предоставляют возможность детям почувствовать себя в роли звонарей. В ходе таких занятий дети могут узнать более подробно о празднике Пасхи. «Уже прошла Светлая седмица — неделя, когда в церквях и храмах проводят праздничные богослужения, а желающим разрешают звонить в колокола. Но не всем удалось это сделать, — пояснил руководитель отдела религиозного образования и катехизации Томской епархии Александр Атаманов. — Поэтому мы задействуем передвижную звонницу, чтобы показать детям, как работает колокол, рассказать им о видах звона». В целом, в рамках программы отдел религиозного образования и катехизации Томской епархии посетит муниципальные дошкольные образовательные учреждения № 6, 48, 51, 65, 77, 83, 88 [119: с. 102–103].

Вопреки Конституции РФ, продолжается строительство культовых сооружений при государственных образовательных учреждениях, в т.ч. относящимся к силовым структурам. Например, в 2015 г. был сдан в эксплуатацию храм при Академии ФСБ на Мичуринском проспекте (Москва). «Интерфакс-Религия» сообщает: «Это самый высокий храм упомянутой программы: его высота достигает 57 метров. Сейчас в церкви совершают регулярные богослужения, открыта воскресная школа. На прилегающей территории завершено благоустройство, посадили деревья, установили скульптурную композицию в честь Иверской иконы. В самом храме иконостас выполнен из дерева с позолотой, мелкой узорчатой резьбой и живописными фресками, настенная живопись создавалась по образцам древних афонских монастырей. Главная святыня храма Иверская икона Божией Матери была написана мастерами с Афона. Этот храм при Академии ФСБ, рассчитанный на тысячу прихожан, возведен по индивидуальному проекту в стиле русской церковной

архитектуры XV в. На колокольне установлены 13 колоколов, которые повторяют звон школы Ростова Великого»¹.

Так нарушается мировоззренческий нейтралитет в государственной и муниципальной системе образования. Между тем именно принцип светскости государственной системы образования является важной гарантией реализации конституционных культурных прав человека, а также необходимым условием достижения толерантности, преодоления нетерпимости и дискриминации в этой области общественной жизни государства.

Изложенные здесь вопросы, связанные со светскостью государства и реализацией свободы совести, являются крайне актуальными для многонациональной Российской Федерации, в особенности в контексте профилактики асоциального поведения молодежи. Очевидно, что рост проявлений ксенофобии, нетерпимости, дискриминации и насилия на их почве говорит о том, что сегодня в России имеют место заметные противоречия между людьми, препятствующие социально-экономическому развитию и создающие угрозы безопасности личности, в конечном счете — общества и государства.

С целью преодоления проблем реализации культурных прав человека в сфере свободы совести представляется актуальным осуществление следующих мероприятий:

- разработка современной теоретико-правовой модели свободы совести на основе новой парадигмы, устраняющей противоречия основополагающих принципов и понятийного аппарата;
- реформирование универсальных международно-правовых документов в сфере свободы совести на основе современной теоретико-правовой модели;
- реформирование региональных международно-правовых документов в сфере свободы совести на основе современных теоретико-правовых моделей и универсальных международно-правовых документов;

¹ Сдан в эксплуатацию храм при Академии ФСБ — самый высокий в программе строительства новых церквей // Интерфакс-Религия. 2015. 29 декабря. URL: <http://www.Interfax-religion.Ru/typ/?Act=news&div=61484>

– реформирование национальных (внутригосударственных) правовых институтов свободы совести на основе современных теоретико-правовых моделей и международно-правовых документов;

– формирование и совершенствование международно-правовой и национальных (внутригосударственных) систем гарантий реализации свободы совести на основе принципа мировоззренческого нейтралитета государства;

– необходима разработка и реализация системы диагностики и противодействия ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в государственной и муниципальной системе образования.

Реализация перечисленных мероприятий позволит снизить социальную опасность ксенофобии (антипода толерантности), уменьшить причины нарушений принципа равноправия и прав человека, чреватых конфликтами. В значительной мере негативные стереотипы и социальные установки формируются и воспроизводятся в связи с деятельностью государственных структур и прежде всего в сфере этноконфессиональной политики (в связи с отрицанием и/или нарушением принципа светскости государства), в сфере СМИ и массовых коммуникаций, в государственной и муниципальной системе образования и др. В меньшей степени стереотипы и социальные установки формируются и воспроизводятся в процессе бытового взаимодействия людей. Скрытая ксенофобия в виде негативных стереотипов и лингвистического конструирования неравноправия не менее опасна, чем прямая. При этом диагностировать наличие стереотипов и противодействовать скрытой ксенофобии весьма сложно.

Отметим, что в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ угрозами в области культуры являются ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости. Соответственно для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация должна сосредоточить усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении

социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной толерантности. В этих условиях особое внимание следует уделять формированию мер упреждения на основе ценностей гражданского общества. Очевидно, что государство становится сильным только тогда, когда оно реализует среди своих граждан социальные программы, снимающие негативное напряжение в обществе. «В противном случае возникает системная угроза общественной безопасности, при которой негативное напряжение получает религиозную или национально-этническую окраску, разделяющую все общество на «своих» и «чужих». Гражданская общность людей интегрируется в государстве независимо от религиозных или национальных различий. Поэтому устранение любых разделительных линий в обществе благоприятствует сплочению и солидарности всех граждан, имеющих равные права и обязанности перед законом» [25: с. 163].

Следует внимательно и беспристрастно исследовать позитивный опыт и ошибки в этноконфессиональной сфере на внутригосударственном уровне и учесть их при реформировании нормативно-правовой базы.

Необходима системная работа по формированию государственной системы правового образования и воспитания в сфере свободы совести и толерантности [89: с. 142]. Крайне важным представляется также проведение диагностики и профилактики ксенофобии в молодежной и особенно студенческой среде [27: с. 5–7]. Также необходимы разработка и внедрение в рамках системы образования спецкурсов о толерантности, свободе совести и светскости государства.

Добавим к сказанному, что и государственная информационная политика также должна быть мировоззренчески нейтральной, что будет способствовать снижению этноконфессиональных противоречий и достижению состояния безопасности в обществе. А для этого прежде всего необходима корректировка соответствующей нормативно-правовой базы на международном и внутригосударственном уровнях.

Анализ научных концепций, диссертационных исследований, материалов научных конференций и прочих материалов позволяет

констатировать кризис научного и, в частности, юридического понимания в области свободы совести. Масштабные деструктивные процессы происходят в недрах «силовой» науки и системы «силового» образования, как правило, закрытых для общественного контроля и СМИ.

В качестве вывода следует отметить, что свобода совести как свобода мировоззренческого выбора является системообразующим правом в системе культурных прав человека и тесно взаимосвязана со всеми видами прав человека. В контексте усиления глобальных процессов и углубления глобальных проблем важно отметить, что практическое воплощение свободы мировоззренческого выбора и других культурных прав для каждого в России и мире призвано развивать творческий потенциал, освобождая индивида от цепи идеологий, стремящихся «замкнуть» человека на необратимость господства власти одних людей над другими. В этой связи реализация свободы совести является одним из важнейших условий преодоления нетерпимости и конфликтов, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, достижения мира, согласия и безопасности.

РАЗДЕЛ III

РАСШИРЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ НА УЧАСТИЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Глава VI. Участие граждан в культурной жизни общества

§ 1. Особенности правового регулирования культурной жизни и участия в ней граждан

Правовому регулированию подлежат многие сферы жизни общества, государства, его граждан и лиц, имеющих иной правовой статус, но постоянно или временно проживающих в данном государстве. Особое место здесь занимает правовое регулирование участия граждан в культурной жизни общества.

Право относится к культуре, как частное к общему. Тем не менее право всегда было и останется частью человеческой культуры. И раньше, и в особенности теперь именно право определяет развитие культуры и ее доступность для всех и каждого. Словом, взаимодействие права и культуры, их взаимная тесная связь не нуждаются в дополнительных доказательствах. Взаимодействие права и культуры важно как для всестороннего развития личности, так и для обогащения потенциала общества. Право есть, по выражению Е.Н. Трубецкого, внешняя свобода, представленная и ограниченная правом [159: с. 17]. Духовная связь в обществе как порождение его культурного развития, которое невозможно без внешней свободы, во многом также определяется использованием правовых норм. В итоге право «выступает как порядок, которому общество подчиняет составляющих его личностей, причем оно отражает субъективные представления личности о должном порядке общественных отношений» [123: с. 14–15].

Общественные отношения людей — участников культурной жизни общества — регулируются во взаимодействии с иными нормами как элемент системы социального нормативного регулирования, которая в данном случае «рассматривается как взаимодействие видов социальных норм, выделенных по основанию их

регулятивной специфики» [99: с. 407]. Специфика культуры как социального явления предусматривает особенности правового регулирования с использованием норм различного происхождения. Так, правовое регулирование в сфере культурной жизни общества может выражаться «в официальном публичном признании культуры как ценности общества и людей, в закреплении целей сохранения и приумножения культурного наследия, в создании легальных условий деятельности в этой сфере и реализации конституционного права граждан на участие в культурной жизни» [121: с. 16].

Общественные отношения в сфере культуры рассматриваются как относительно самостоятельные аспекты общественной жизни, и каждый из этих аспектов является относительно самостоятельным полем деятельности граждан общества, нуждающейся в правовой регламентации.

Юридическим основанием для правового регулирования участия граждан в культурной жизни является совокупность норм, составляющая особую сферу законодательства в области культуры, закреплённого в определенных нормативно-правовых актах. В систему законодательства, регулиующую участие граждан в культурной жизни общества, входят нормы Гражданского, Трудового кодексов, Кодекса об административных правонарушениях, Уголовного Кодекса, законы об образовании, науке, об органах государственной власти и органах местного самоуправления. Словом, отрасль законодательства о культуре в целом и участии граждан в культурной жизни включает в себя нормы из разных правовых сфер постольку, поскольку само участие в культурной жизни носит разноплановый характер.

Но, чтобы не заблудиться в недрах такого участия, необходимо, на наш взгляд, руководствоваться конституционными положениями. Поэтому еще раз, возвращаясь к ст. 44 Конституции Российской Федерации, подчеркнем следующие направления участия граждан в культурной жизни общества, предусматривающие при этом реализацию соответствующих свобод, прав и обязанностей:

- свобода любых видов творчества;
- свобода преподавания;

- охрана интеллектуальной собственности как результата умственной творческой деятельности;
- право на пользование учреждениями культуры;
- право на доступ к культурным ценностям;
- обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия;
- обязанности беречь памятники истории и культуры.

Таким образом, основной смысл ст. 44 Конституции России состоит в том, что участие граждан в культурной жизни общества невозможно без гарантий свободы литературного, художественного, научного, технического и иных видов творчества, преподавания, гарантий права каждого на доступ к культурным ценностям, а также без закрепления обязанности заботиться о сохранении культурного наследия, сбережения памятников истории и культуры.

Право каждого на свободу творчества вовсе не случайно поставлено в перечне на первое место, ибо без этого права участие в культурной жизни может оказаться призрачным. Главная обязанность государства и общества в этом отношении состоит в создании легальных условий для культурного творчества с целью создания объектов культуры в различных ее сферах. В широком смысле правовое регулирование здесь является государственно-правовым не только по своим целям, но и по институтам и средствам обеспечения. И если сам процесс творчества не подлежит правовому регулированию, то создание легальных и благоприятных условий для него со стороны государства и общества представляется вполне осязаемым и реальным. В узком же смысле правовое регулирование создания условий для культурного творчества может быть нормативно-стимулирующим, нормативно-упорядочивающим и лишь в редких случаях, предусмотренных законом, ограничивающим и еще в более редких случаях — запретным. Но в любом случае выбор норм для регулирования свободы творчества в сфере культуры должен учитывать реальные социально-экономические условия и возможности для такого творчества. Разумеется, свобода творчества предполагает отсутствие любых идеологических рамок, цензуры, не обоснованного с точки зрения целесообразности контроля творческой деятельности со стороны государства.

Отметим особо, что данная норма Конституции России полностью соответствует положениям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: «<...> уважать свободу, безусловно, необходимую для научных исследований и творческой деятельности» [2: с. 324–325].

«Свободу творческой деятельности, — пишет Д.С. Шапорева, — следует рассматривать как принцип функционирования духовно-культурных отношений, основой которых является идеологическое многообразие, отсутствие цензуры со стороны государства, свобода личности, конкуренция» [168: с. 14]. По мнению автора цитируемого пособия, свобода творческой деятельности выполняет ряд функций, имеющих важное значение для прогрессивного развития общества. Среди них: *гуманистическая, идеологическая и воспитательная функции* [168: с. 14].

Гуманистическая функция способствует самореализации личности, гуманизации общества и сохранению культурной самобытности народа. Достойные творческие личности вряд ли будут создавать произведения культуры, носящие безнравственный и потому разрушительный характер. Но если такой казус происходит, то существует законодательное ограничение, в частности, конституционное (ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Идеологическая функция отражает определенные идеи и взгляды на творческую деятельность с учетом идеологического многообразия (ст. 13 Конституции РФ) как закономерного следствия реализации права на свободу мировоззрения и, как следствие этого, свободу культурного творчества.

Воспитательная функция свободы творчества проявляется в развитии творческих склонностей у детей и взрослых и приобщению их к культурному творчеству, а также приобщению всех граждан к культурным ценностям, к посещению музеев, библиотек, театров, иных учреждений культуры, что в итоге имеет очевидное воспитательное значение [168: с. 14–15].

Однако право не может предписывать человеку, гражданину, кем он должен быть по своей культурной приверженности, во что верить, а во что нет, ибо цели, которые человек ставит перед собой,

находятся за пределами правового регулирования, т. е. не могут быть вменены ему законодательством. Цели, определяемые человеком в сфере культуры, «есть следствие свободного выбора и могут быть разными у людей, придерживающихся неодинаковых убеждений и ценностей. Правовые нормы тем и отличаются от ценностей, что регламентируют не цели деятельности, а средства, используемые для их достижения. Эти средства регулируются общими для всех законами, смысл которых — в минимизации возможного ущерба, причиняемого людьми друг другу. «Не делай вреда другим» — категорический императив любого правового предписания» [123: с. 85].

С этой целью необходимо обеспечить и постоянно поддерживать качество законодательства в сфере культуры, а также условия для стимулирования научного и культурного творчества посредством проведения выставок, концертов, массовых мероприятий, чтобы знакомить всех граждан с новыми достижениями во всех сферах творческой деятельности. И, разумеется, принципиально важным является финансирование различных программ развития науки, техники и культуры. Как справедливо отмечает доктор культурологии из Улан-Удэ В.Л. Кургузов, «<...> если у нас и дальше государство будет выделять на сферу культуры мене 1-го процента бюджетных ассигнований в год, то наша песенка спета» [92: с 36]. При таком положении дел и непонимании того очевидного факта, «что форма бытия человека — культура — не менее важна для его выживания, чем другая форма его бытия — природа приведет страну к неизбежному краху и утрате сначала национальной самобытности, а затем и национальной самостоятельности... Тенденция к этому дрейфу, к сожалению, уже реально существует» [92: с. 36].

Возможно, кому-то покажется, что доктор культурологии сгущает краски и напрасно так тревожится за будущее страны. Полагаем, что никакого преувеличения опасности вырождения национальной культуры и замены ее «попсой» нет. За свою культурную самобытность необходимо бороться, защищать и охранять ее. И лучшим защитником культурной самобытности являются

достойное финансирование и стимулирование творческой самореализации всех категорий граждан и самого широкого их участия в культурной жизни общества.

И еще одна проблема, стоящая в сфере правового регулирования участия граждан нашего государства в культурной жизни. Люди, как правило, зависят от разделяемых ими культурных ценностей и могут руководствоваться различными целями в своей практической деятельности. И право не может предписывать им руководствоваться той или иной культурой, «не предписывает человеку его культурной идентичности, но ставит под запрет любое действие, направленное против людей другой культуры, способное нанести им ущерб» [120: с. 85]. Право предписывает, что ни одна из культур не должна выходить за границы в борьбе за свое существование и против попыток достижения превосходства одной культуры над другой. «Культурное равенство людей возможно при условии равенства разных культур в общегосударственном и мировом масштабах. Если какая-либо из национальных культур ущемлена в своих правах, нельзя говорить о культурном равенстве людей. А культурное неравенство влечет за собой неравенство во всех других сферах — экономической, политической, социальной» [120: с. 85–86]. И, разумеется, только правовые средства могут обеспечить культурное равенство, полноправное участие каждого в культурной жизни общества и свободный выбор своей культурной идентичности.

§ 2. Право граждан на доступ к культурным ценностям и на пользование учреждениями культуры.

В культурфилософии существует следующий научный подход: «<...> осмысление предмета исследования невозможно без изучения самого объекта, представляемого, как правило, в реально существующем явлении, феномене» [153: с. 54]. Полагаем, что его можно вполне отнести к понятию культурные ценности. С учетом огромного количества определений понятия

«культура», изложенных выше, непросто дать определение понятию «культурная ценность». С точки зрения аксиологической школы, которую мы разделяем, культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей. К культурным ценностям в одинаковой мере относятся как материальные объекты (вологодские кружева, архитектурные строения дворянской усадьбы как исторический памятник, современная орбитальная станция в космическом пространстве и другие материально существующие объекты), так и духовные (произведения литературы, музыки, живописи, вокала, хореографии, театральные постановки драматических и оперных произведений, а также национальные обычаи, образцы поведения и другие, существующие в абстрактном идеальном виде объекты культуры). В этой связи уместно привести такое высказывание М. Вебера: «<...> культура охватывает те и только те компоненты действительности, которые в силу отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [54: с. 571]. Культурные ценности следует определять «как особый вид ценности, способный удовлетворять научные, духовные и эстетические потребности человека и содержащий в себе научную, материальную, этнографическую или иную культурную ценность» [63: с. 235]. Но задача государства «заключается, — резонно замечает Н.В. Волкова, — не столько в сохранении культурных ценностей и практики в том виде, в котором они существуют, что в определенных обстоятельствах может быть нецелесообразно, сколько в сохранении условий, которые позволяют создавать и совершенствовать такие ценности и практику» [59: с. 12]. Эти, можно сказать, научные определения культурных ценностей являются хотя и верными по существу, но неполными. Более полный, исчерпывающий по кругу перечисляемых объектов культурных ценностей перечень содержится в законодательстве России.

Так, в ст. 3 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. «Основы законодательства о культуре» (в ред. от 8 мая 2010 г.) перечень культурных ценностей включает в себя: нравственные и эстетические идеалы; нормы и образцы поведения; языки; диалекты и говоры; национальные традиции и обычаи; исторические

топонимы; фольклор; художественные промыслы и ремесла; произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения; предметы и технологии; уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Следовательно, культурные ценности есть не что иное, как «воплощение творческой и созидательной деятельности» [167: с. 25], т. е. являются объектами культуры и объектами правовой защиты. Любые, пусть самые экзотические, культурные ценности, с точки зрения правовой охраны, являются объектами, даже те из них, которые, по мнению Р.Б. Булатова, не поддаются стоимостной оценке [41: с. 11–12]. Эти объекты имеют особые специфические признаки. Среди таких объектов, например, — уникальные предметы старины, изготовленные в прошедшую эпоху ручным способом и существующие в единственном экземпляре; повышенная потребительская стоимость; предметы, имеющие историческую, художественную, культурную, музейную или иную ценность; статус памятника истории и культуры, охраняемого государством; объект культуры, имеющий общенародную, государственную значимость.

Законодательство Российской Федерации в сфере культуры, начиная с конституционной отрасли права (ст. 44), гражданской отрасли и заканчивая уголовным правом, гарантирует и защищает права граждан нашего государства на доступ к культурным ценностям в полном объеме. Однако реализация этих прав зависит от ряда обстоятельств, вытекающих из культуры как самостоятельной сферы социума.

Для нашего многонационального и многоконфессионального государства защита прав граждан на пользование культурными ценностями, как и на участие в культурной жизни общества, не может быть реализована вне права на этническую идентичность, включающего в себя право на создание общественных объединений в форме национально-культурной автономии, прав на сохранение культурной самобытности, развитие национальной

культуры. «Этническая идентичность, — пишет А.Б. Напсо, — это глубоко укорененная духовно-нравственная система, естественно ощущаемая во всех сферах национальной жизни (от экономической до культурной). И является она таковой, только когда присутствует во всем, все собой пронизывает и охватывает» [114: с. 20–23].

Именно в рамках этнической идентичности через право на культурные ценности для всех может быть реализовано право на эти ценности каждого. Однако здесь нас подстерегает опасность в том, что «реализация индивидуальных культурных прав не позволяет сохранить уникальность самой культуры» [114: с. 21]. Для этого, — подчеркивает М.Б. Напсо, — необходима защита самих этнических групп как носителей самобытных культур, что требует установления соответствующих прав народов» [114: с. 20–23]. К схожему выводу пришла в своем исследовании и Н.В. Волкова. Обеспечение защиты культурных прав и культурного разнообразия может основываться лишь на «признании разнообразия культурной самобытности и способов ее выражения...» [59: с. 12]. Очевидно, что для России, в основе федерального устройства которой лежит территориально-национальный принцип, защита права на пользование культурными ценностями и участие в культурной жизни должна реализовываться только с учетом национально-культурной самобытности.

Другой проблемой при защите данных прав является учет человеческого достоинства и отношения к нему общества и государства. «Все люди, — указывается в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека ООН, — рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Защита культурных прав, пишет Н.В. Волкова, предусматривает равное обращение и уважение «достоинства всех людей и общин без дискриминации по признаку их культурной самобытности» [59: с. 12]. И надо сказать, что законодательство государств, в которых проживают национальные меньшинства или коренные народы, учитывает эти обстоятельства. Например, в Австралии некоторые законы штатов и территорий коренного народа «предусматривают правовую охрану конфиденциальной информации, касающейся важных мест, районов или предметов» [177: с. 107]. Дело в том, что информация,

связанная с некоторыми святыми местами и предметами культуры коренного народа Австралии, традиционно является конфиденциальной. Причем ее носителем в одном случае является мужчина, а в другом — женщина. И если эта информация разглашается, то община идет даже на уничтожение данного культурного предмета или отказ от святого места. Поэтому законодатель и суды должны быть исключительно деликатными при формулировании норм (прецедентов), охраняющих конфиденциальность информации о местах и предметах культуры коренного народа.

По этому поводу в Австралии уже создан целый ряд прецедентов. Так, в одном из случаев «власти Северной территории, в ведении которой находятся вопросы наследия, предъявили иск о неприкосновенности общественных интересов и выступили против предъявления в суде документов, касающихся святых мест. Хотя суд и принял иск, ему необходимо было дать оценку с точки зрения других вопросов, представляющих общественный интерес. В результате было принято решение о том, что ущерб от обнародования информации в данном случае меньше, по сравнению с тем ущербом для общественных интересов, который был бы нанесен в случае сохранения ее секретности. Было дано разрешение на частичное раскрытие информации. Судья показал тем самым, что ему не безразлична искренняя озабоченность данной общины аборигенов в связи с рассмотрением этого дела» [177: с. 107].

Человеческое достоинство — это не только правовая, но и культурная категория, ибо достоинство человека тесно связано с его антропологическими особенностями, морально-этическими и иными характеристиками, присущими человеку как высшей форме существования живой природы. Уважение к человеческому достоинству любого лица предполагает запрет государству использовать его в качестве лишь средства, даже при условиях спасения жизни многих людей. И, что особенно важно, право на человеческое достоинство по своим моральным основаниям питает все остальные базисные права. И чем глубже базисные права «пронизывают всю систему прав, тем чаще они берут верх как над вертикальными отношениями отдельного гражданина к государству, так

и над горизонтальными отношениями отдельных граждан между собой» [164: с. 69]. Вряд ли можно оспорить тот факт, что отношения граждан к государству и между собой основываются не только на основе правовых норм, но и на основе норм культуры как социального феномена, обладающего вполне определенным содержанием и внутренним единством.

Третья проблема является следствием коллизий, возникающих в ходе взаимодействия государственных и общественных структур в области культуры. Ученые, исследующие эти проблемы, пишут, что, например, в библиотечном деле государственно-общественное управление можно охарактеризовать как благоприятное [65: с. 74]. Объединению творческих усилий граждан и государственных органов управления в области культуры способствовали Федеральные законы: «О библиотечном деле», «Об обязательном экземпляре документов», Указ Президента РФ «Об установлении общероссийского Дня библиотек» [144: с. 37–54]. В свою очередь профессиональные библиотечные организации предложили принятые позже такие нормативно-правовые акты, как «Основные принципы организации сети библиотек», «Инструкция по учету библиотечный фондов» [144: с. 37–54].

В ноябре 1989 г. была создана Московская библиотечная ассоциация, Наряду с защитой профессиональных и социальных прав библиотечных работников и их консолидации была учреждена независимая экспертиза нормативно-правовых актов, планов и программ библиотечного дела [167: с. 26]. Ассоциация сделала много для привлечения общественности к развитию библиотечного дела, улучшению библиографической и информационной деятельности. После вступления в силу Федерального закона «Об общественных объединениях» при Московской библиотечной ассоциации был учрежден Библиотечный благотворительный фонд, учредителями которого стали Российская государственная библиотека, Российская государственная юношеская библиотека, Государственная центральная научно-медицинская библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, Российский фонд культуры [167: с. 26].

По примеру Библиотечного благотворительного фонда библиотечные общества и ассоциации были созданы в Саратове, Нижнем Новгороде, Самаре, Краснодаре, в других городах. Созданы и действуют ведомственные библиотечные ассоциации: Ассоциация научных и научно-технических библиотек, Ассоциация библиотечных работников общеобразовательных школ, школ-интернатов, детских домов и внешкольных учреждений, Ассоциации военных и вузовских библиотек. Эти библиотечные объединения разрабатывают и реализуют программы помощи библиотекам, способствуют научным исследованиям в области библиотечного дела и внедрению новых технологий в функционирование библиотек [144: с. 26–27].

Право доступа к другим культурным ценностям связано с посещением музеев, театров, зрелищных мероприятий, фестивалей и т. п., что будет предметом специального рассмотрения на страницах данного исследования.

§ 3. Обязанность государства и общества сохранять историческое и культурное наследие, беречь памятники истории и культуры

Сохранение культурного наследия, а конкретно — памятники истории и культуры (культурные ценности), предусматривает различные меры. Но мы рассматриваем прежде всего правовые, что связано как с важностью объектов культуры, так и с довольно обширной нормативной базой. Она включает в себя около 200 нормативных актов национального и международного характера [83: с. 65]. Наконец, вопросы защиты культурных ценностей в настоящее время являются транснациональными.

По нашему мнению, эта, закрепленная в Конституции России, обязанность граждан может быть реализована с учетом специфики развития и содержания современной культуры, которую можно определять и оценивать с точки зрения культурологического подхода. Полагаем, что А.К. Савина верно считает, что специфика современной культуры состоит:

- «в обогащении национальных культур и насыщении их духовного пространства ценностно-смысловым содержанием, отвечающим интеграционным тенденциям XXI столетия;
- в последовательном утверждении нового типа транснациональной культуры, для которой характерны трансформирующиеся в национальные культуры унифицированность, целесообразность и мобильность;
- в раздвижении информационно-коммуникативного пространства за счет создания медиапространства и виртуализации культурной среды;
- во внедрении новых форм духовной жизни и усилении международного обмена ценностями культуры;
- в формировании транснациональных систем образования и науки, приводящих к существенным изменениям национальных образовательных и научных стандартов;
- в стимулировании социальной мобильности человека в глобализирующемся мире, в утверждении нового уровня личностной культуры, обеспечивающего адаптивность человека к происходящим в мире культурным процессам и явлениям» [140: с. 29–30].

С перечисленными особенностями культуры Россия знакома гораздо больше, чем какая либо другая страна. Отсюда вытекает и проблема исследования места культурных ценностей и способов их защиты, потому что в каждом конкретном случае определение места и способов их защиты разные. Достаточно вспомнить перемещение ценностей под защитой ЮНЕСКО и культурных ценностей, перемещенных в годы Второй мировой войны. Это «разные понятия, — подчеркивает М.В. Филимонова, — и соответственно существуют разные способы их защиты. «Конечно, мы бы никогда не отдали Дрезденскую галерею, если бы способы защиты этих художественных ценностей не были определены таким образом, что мы должны их вернуть» [160: с. 5].

Не определены должным образом и обязанности государств по защите культурных ценностей, потому что каждое из них само определяет, какие объекты культуры и каким образом необходимо защищать. Как уже отмечалось, в нашей стране эти положения

определены в Конституции (ст. 44, ч. 3), в ФЗ о культуре, Программе о перспективах развития культуры до 2030 г. и др. В них акцент ставится на сохранении исторического и культурного наследия и сбережении памятников истории и культуры, т. е. они рассматриваются как аналогичные, равнозначные и подлежащие равной охране и защите.

Что же представляют собой культурные ценности и почему их защита является такой важной для любого общества?

В законодательстве и научных источниках содержатся десятки определений понятия культурных ценностей. На основе их анализа Л.Р. Клебанов дает развернутое авторское определение культурным ценностям: *«Под ними понимаются материальные движимые и недвижимые предметы, созданные человеком либо природой или человеком и природой, имеющие особую религиозную, историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для жизни общества и государства, независимо от форм собственности на них и времени их создания»* [83: с. 43]. Итак, культурные ценности — это многогранное выражение материальных или духовных объектов культуры, отражающее суть культуры как социального явления человеческого общества — творца данных ценностей. Обратное воспитательное их воздействие на общество столь же многогранно.

«Они, — пишет в другой статье Л.Р. Клебанов, — играют определяющую во многом роль при воспитании патриотизма и гражданской позиции; позволяют изучить и осознать тысячелетнюю историю России и ее народов; приобщают людей к пониманию выдающихся достижений мирового и отечественного художественного искусства; помогают сохранять самобытность и духовную неповторимость народов России в эпоху глобализации и не допустить «убийственной» культурной ассимиляции; укрепляют государственно-конфессиональные отношения и способствуют улучшению духовно-религиозного климата;

содействуют дружескому диалогу культур разных народов и стран; имеют важное значение для развития такой сферы национальной и международной экономики, как туризм» [83: с. 65]. (курсив автора. — А.К.).

Трудно представить себе более развернутое определение культурных ценностей и перечень позитивного их влияния на формирование человеческих и гражданских, морально-нравственных и патриотических, культурно познавательных и художественных качеств у всех живущих на территории России, воспитания у них гордости за свою страну. Мы в целом согласны с данными определениями и считаем, что сохранение культурного наследия России и его популяризация являются одной из стратегических задач. Это объявлено и в документе Правительства России о развитии культуры «Сохранение и популяризация культурного наследия народов России» (Концепция 2030). Но сохранение и популяризация культурных ценностей могут быть реализованы лишь с учетом культурно-исторической идентичности народов, населяющих нашу страну. Эта идентичность определяется своеобразием культурной жизни этносов и социальных групп нашей страны, а также культурной средой, включающей в себя памятники истории и культуры, т. е. культурные ценности.

Сохранение исторических памятников как культурных ценностей закреплено в сознании людей чуть ли не на генетическом уровне и прописано в коде человека. В этом отношении полезно сослаться на практику возвращения памятников культуры коренным народам. Например, в Австралии, штат Виктория, на законодательном уровне закреплено положение, согласно которому в случае невозможности охраны исторических культурных памятников последние выкупаются с целью обязательного возвращения их исконным владельцам [177: с. 104]. Наблюдается также тенденция поощрения музеев к возврату ценных предметов их владельцам [177: с. 104]. Законодательные органы осуществляют жесткий контроль за продажей за границей движимой культурной собственности, представляющей ценность для Австралии, и обеспечивают возвращение представителям коренных народов

объектов, незаконно вывезенных из Австралии. В некоторых случаях «государственные органы издают распоряжения по охране предметов, которые выставляются на продажу на аукционах, и затем представляют средства общинам аборигенов для выкупа этих предметов [177: с. 104–105].

В исторических культурных ценностях проявляется память людей, передаваемая от старшего поколения к младшему. Эти ценности бывают материальными или духовными. Материальные ценности (вещи домашнего обихода, орудия труда, оружие, одежда) тесно связаны с обычаями и нравами. Например, памятники одежды невозможно понять и оценить по достоинству вне поведения человека, умения одеваться так, как это делали сто или триста лет назад, вне навыков носить эту одежду и т. д. Ведь одно дело, когда это одежда крестьянки, крестьянина или городского жителя, другое дело, когда речь идет об одежде отдельных сословий. В каждом из этих случаев в отношении одежды существовали свои обычаи и нравы: свои при дворе царствующих особ, свои у дворян и купцов, свои у мещан и лиц духовного сословия.

Огромный пласт исторических памятников составляет оружие. В истории человечества и в наше время все новейшие достижения в развитии науки и производства всегда вкладывались в создание оружия как средства уничтожения врага, угрожающего государству и обществу. Хотя, по иронии судьбы, оружие еще чаще использовалось и используется в неблагоприятных целях против самих людей, жаждущих мира и спокойствия.

Поставим еще раз вопрос, а какое морально-нравственное и воспитательное значение имеет обращение к названным выше историческим культурным ценностям. Отвечая на этот вопрос, отметим, что, во-первых, в этом проявляется прежде всего интерес, который в человеческом сознании имеет исключительное значение и довольно часто является основанием для творчества и создания новых памятников культуры. Во-вторых, оценивая по достоинству исторические памятники культуры, человек не только декларирует их полезность, но, что самое главное, следует им. В-третьих, знакомство с историческими памятниками

культуры воспитывает уважение к своей Отчизне, историческим истокам своего государства, а стало быть, формирует так необходимое в наше время чувство патриотизма. В-четвертых, на основе исторических памятников культуры происходит социализация личности в самом широком и глубоком значении этого слова. Состоявшаяся в социальном плане личность обладает человеческим достоинством, умеет защищать его, уважает достоинство окружающих, может сострадать, помогать согражданам и в меру своих сил и умения обустраивать свое государство. В-пятых, памятники истории и культуры при их хорошо продуманной пропаганде могут обеспечить высокий духовный смысл культурной политики и культурной жизни современной России. Об этом говорил Президент России В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. Сегодня, подчеркнул В.В. Путин, российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи — дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились [127: с. 3].

Итак, многогранное значение исторических и культурных памятников для формирования идентичности народов, населяющих Российскую Федерацию, очевидно. Поэтому их так тщательно учитывает, сохраняет и восстанавливает каждое цивилизованное государство. Но может возникнуть вопрос, а всегда ли данные памятники отвечают целям развития и реализации духовного и культурного потенциала личности и общества в целом. Конечно, не все и не всегда. Однако подход к определению воспитательного потенциала памятников культуры должен быть предельно чутким и осторожным, ибо самое последнее дело вести войну с памятниками прошлого, как это, например, делается в Польской Республике и некоторых других странах Восточной Европы в отношении памятников советским воинам — освободителям от фашистской Германии. Кроме очевидного вреда, для мировоззрения и дезорганизации нравственных ориентиров у людей такие войны ничего не дают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Международные акты

1. «Всеобщая декларация прав человека». (Принята и провозглашена резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г.) // Международные акты о правах человека: сборник документов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – 784 с.
2. Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» // Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: сборник документов. – М., 2006. – 523 с.
3. Международный пакт «О гражданских и политических правах» // Там же.

Конвенции ЮНЕСКО

4. Декларация ЮНЕСКО о культуре мира и Программа действий в области культуры мира // Свод нормативных документов ЮНЕСКО.
5. Конвенция ЮНЕСКО «О борьбе с дискриминацией в области образования. 1960 // Там же.
6. Европейская конвенция «Об охране археологического наследия» // Там же.
7. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза и передачи права собственности на культурные ценности». 1970 г. // Там же.
8. Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности». 1970 // Там же.
9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972 // Там же.
10. «Рекомендации ЮНЕСКО об охране движимых культурных ценностей». 1978 // Там же.

11. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. 2002 // Там же.

12. Декларация ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия, находящегося под водой». 2003 // Там же.

Законодательные акты Российской Федерации

13. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации).

14. Федеральный закон «О ввозе и вывозе культурных ценностей» от 15 марта 1993 г. № 4804-1. (с изменениями и дополнениями от 2 ноября 1994 г., 23 июня 2008 г., 17 июня 2009 г., 1 июля., 6 декабря 20011., 23 июля 2013 г.) // СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232; 2011. № 27, ст. 3880.

15. Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ (с изменениями и дополнениями, в ред. от 23.02.2011 № 19-ФЗ // СЗ РФ. 1996 № 22. ст.2591; 2006. № 12. ст. 1232; 2011. № 9. ст.1206.

16. Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещаемых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации. Последняя редакция от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 16, ст. 1799.

17. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331.

18. Закон «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г. № 1807-1. (с изменениями и дополнениями от 5 июня 1998 г. // Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: сборник документов. – М.: 2006.

19. Закон РФ от 9 октября 1992 г. «Основы законодательства о культуре» (в ред. Федерального закона от 8 мая 2010 г.) // ВСНД РФ и ВС РФ . 1992. № 46, ст. 2615; СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 1, ст. 3104; 2010. № 19, ст. 2201.

20. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

Литература

21. *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н., Егоров В.К.* Культура: сущность и понятие // Право и культура. Серия: Научная библиотека преподавателя высшей школы. – Л.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 23–31.

22. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учебный курс: в 2-х. – Т. 1. – 5-е изд. – М.: НОРМА, 2014. – 864 с.

23. *Азаров А.Я.* Права человека. – М.: Новое знание. 2003. – 560 с.

24. *Алексеева Л.Л.* О проблемном Совете по эстетическому воспитанию при Президенте Академии педагогических наук СССР // Вестник Международного совета по музыкально-художественному образованию. – М., 2004. – 234 с.

25. *Алибекова С.Я.* Национально-этнические и религиозные аспекты общественной безопасности // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – 163 с.

26. *Андрюхина Э.П.* Законодательство Российской Федерации о культуре // Журнал Российского права. – 2002. – № 3. – С. 17–24.

27. *Апанасюк Л.А.* Теоретико-методологические основы профилактики ксенофобии в студенческой среде средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Тамбов, 2014. – 58 с.

28. *Ариарский М.А.* Постигание культуры креативно-информационной цивилизации // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 2 (19). – С. 40–45.

29. *Астафьева О.Н.* Культурология. Теория культуры. – 3-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 487 с.

30. *Астафьева О.Н., Годованец Ю.А.* Сохранение культурных ценностей как предмет правового Регулирования // Право и Культура / под общ. ред. В.К. Егорова. – М.: РАГС, 2009. – С. 276–287.

31. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2002. 800 с.
32. *Байматов П.Н.* Социальные права граждан Российской Федерации: современные угрозы и вызовы // Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 117–122.
33. *Бауман З.* Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1. – 106 с.
34. *Батищев С.А.* Блочно-модульное обучение. – М.: Педагогика, 1997. – 255 с.
35. *Беляева А.П.* Интегративно-модульная педагогическая система профессионального образования. – СПб.: Ражом; ИПТО РАО, 1997. – 227 с.
36. *Блинов В.И., Есенина Е.Ю.* Развитие среднего профессионального образования: сценарий и прогнозы // Профессиональное образование. Столица. – 2015. – № 7. – С. 24–31.
37. *Богуславский М.М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. – 2-е изд. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2012. – 416 с.
38. *Бондарь Н.С.* Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1998. – 382 с.
39. *Бенхабиб С.Ч.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 350 с.
40. *Бузгалин А.В.* Цивилизационный подход и «провалы» марксизма: человек и культура // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 3–13.
41. *Булатов Р.Б.* Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1995. – 22 с.
42. *Бурьянов С.А.* Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: монография. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2009. – 265 с.
43. *Бурьянов С.А.* Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 – начало 2016 г. – М.: Полиграф Сервис, 2016. – 258 с.

44. *Бурьянов С.А.* Международно-правовые документы в сфере свободы совести и светскости государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2011 г. – М.: Московская хельсинская группа, 2012. – 244 с.

45. *Бурьянов С.А.* Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации. – М.: Фонд содействия национальному согласию «Россия для всех», 2009. – 288 с.

46. *Бурьянов С.А.* Проблемы реализации свободы совести и светскости государства в Российской Федерации. – М.: Фонд содействия национальному согласию «Россия для всех», 2013. – 173 с.

47. *Бурьянов С.А.* Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 21–26.

48. *Бурьянов С.А.* Государственная политика Российской Федерации в сфере свободы совести на рубеже тысячелетий // Право и политика. – 2000. – № 1. – С. 85–91.

49. *Бурьянов С.А.* Религия на выборах в России. Факторы отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003–2004 гг. – М., 2005. – 240 с.

50. *Бурьянов С.А.* Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. – М.: Московская хельсинская группа, 2007. – 239 с.

51. *Бурьянов С.А.* Проблемы реализации свободы совести и светскости государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2012 г. / под ред. Р.В. Багдасарова. – М.: Россия для всех, 2013. – 352 с.

52. *Борщ И.В.* Правовые ценности и диалог правовых культур (Круглый стол в РУДН) // Государство и право. – 2014. – № 4. – С. 115–116.

53. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование. 2030: аналитический доклад / под ред. В.С. Ефимова. – М. – Красноярск: ИНФА-М, 2012. – 429 с.

54. *Вебер М.* Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век. – М.: Антология, 1995. – 595 с.

55. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
56. Вестник Международного совета по музыкально-художественному образованию. – М., 2004. – 234 с.
57. Вершиловский С. Непрерывное образование (историко-теоретический анализ феномена). – СПб.: АППО, 2007. – 147 с.
58. Власов Г.П. Глобальные центры современного мира и их геополитические доктрины // Личность и культура. – 2014. – № 3. – С. 12–17.
59. Волкова Н.В. Защита культурных прав человека в международном праве: автор. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РУДН, 2003. – 23 с.
60. Волков В.В. Философия: основные проблемы, понятие, термины: учеб. пособие. – СПб.: Ленанд, 2015. – С. 136.
61. Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 4–12.
62. Глазкова Т.В. Семья как ценностно-смысловая модель культуры // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 6 (62). – С. 52–58.
63. Голованец Ю.А. Международное право и культура: направление и принципы нормотворчества ЮНЕСКО в сфере культуры // Право и культура. Серия: Научная библиотека преподавателя высшей школы. – М., РАГС, 2009. – 462 с.
64. Горбачев В.Г., Ростопчин В.Г., Тищенко В.Н. Культурные ценности. – М.: Изд-во ВНИЦ МВД России, 1989. – 280 с.
65. Горобецкий Г.В. Правовые основы библиотечного дела в России. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 465 с.
66. Городов О.А. О проекте части Четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правоведение. – 2006. – № 6. – С. 21–39.
67. Горшкова В.В. Непрерывное образование как образ жизни и бытия человека // Педагогика. – 2014. – № 8. – С. 53–56.
68. Горячев Ю.А. Международное образование и деятельность ЮНЕСКО: практика и тенденции развития. – М.: МИОО; Этносфера, 2012. – 191 с.
69. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). – М.: ЮРИСТ, 2003. – 304 с.

70. *Грачева Т.В.* Механизм реализации права на образование: понятие, структура // *Пространство закона (TERRA LAW): электронный научный журнал.* – 2013. – Вып. 2. – URL: <http://law-journal.info/2013/07/020>
71. *Гражданские права: современные проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского.* – 3-е изд. – М.: Изд-во ЗАО «ГФ «МИР», 2009. – С. 478.
72. *Гусейнов А.И.* Право как феномен культуры. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006. – 304 с.
73. *Гусейнов А.И.* Культурные доминанты в праве // *Социология власти.* – 2005. – № 2. – С. 118–123.
74. *Гребенищикова В.М., Никитина Н.М.* Непрерывное образование как культурно-историческая проблема // *Вопросы философии.* – 2014. – № 4. – С. 79–83.
75. *Грудцына Л.Ю.* Гражданское общество и частное право // *Государство и право.* – 2013. – № 8. – С. 99–102.
76. *Гурбатова Е.Р.* ФГОС дошкольного и начального образования: обеспечение преемственности // *Педагогика.* – 2015. – № 7. – С. 123–124.
77. *Джамалов К.Э., Кадыров К.А., Омаров О.А.* Роль русского языка в формировании культуры межэтнических отношений народов Дагестана // *Педагогика.* – 2005. – № 6. – С. 61–64.
78. Доклад Всемирной комиссии по культурному развитию. – Париж: ЮНЕСКО, 1995. – С. 61–67.
79. *Долгая О.Н.* Культурологические основы непрерывного образования в Чешской республике // *Педагогика.* – 2014. – № 7. – С. 119–125.
80. *Ильин И.В.* Глобалистика в контексте политических процессов: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2011. – 38 с.
81. *Кантор И.М.* Понятийно-терминологическая система педагогики // *Педагогика.* – 1980. – 157 с.
82. *Клебанов Л.Р.* Охрана культурных ценностей: уголовно-правовой и криминологический аспекты // *Государство и право.* – 2012. – № 4. – С. 64–71.
83. *Клебанов Л.Р.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2011. – 351 с.

84. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.08.2009 № 1121-р. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2017 № 172.

85. *Каган М.С.* Философия культуры. – СПб., 1996. – 229 с.

86. *Кемп П.* На пути к созданию человеческого сообщества / пер. с англ. К.А. Уховой // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. – 2016. – № 1–2. – С. 23–31.

87. Комсомольская правда. 2016. 8 августа.

88. *Кривенький А.И.* Вопросы теории и методологии становления глобального права и его воздействие на защиту прав человека // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. – Рязань, 2015. – С. 219–222.

89. *Крыгина И.А.* Правовоспитательный процесс в контексте развития идеи толерантности в современных условиях. – Ростов н/Д., 2012. – 142 с.

90. *Кузнецова Т.В., Ремизов В.А.* Теория и практика современных культурных процессов в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства (МГУКИ). – 2014. – № 2 (58). – С. 15–23.

91. Культурология: учебник / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – М.: Проспект, 2011. – 289 с.

92. *Кургузов В.Л.* Остаточный принцип отношения к отечественной культуре мешает осуществить планы модернизации страны // Личность и культура. – 2014. – № 3. – С. 24–28.

93. *Курденкова О.П.* Реализация концепции непрерывного образования в ведущих вузах России // Педагогика. – 2014. – № 7. – С. 79–85.

94. *Лебедев С.Д.* Религиозная и светская культуры как типы систем социального знания. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 48 с.

96. *Линкин В.Н.* Принцип светскости государства как одна из основ конституционного строя Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 25 с.

97. *Линц Г.В.* Обсуждение проекта «Основ государственной культурной политики // *Личность и культура.* – 2014. – № 5. – С. 22–23.
98. *Листвин А.А.* Среднее профессиональное образование: проблемы реализации и формирования содержания образования // *Педагогика.* – 2015. – № 1. – С. 52–57.
99. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Теория государства и права: учебник. – 2-е изд. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 704 с.
100. *Личность и культура.* – 2014. – № 6. – С. 14–17.
102. *Макарова Н.А.* Воспитательная функция в системе функций российского права // *Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки».* – 2014. – № 11 (13). – С. 61–66.
103. *Малахов В.С.* Государство в условиях глобализации: учеб. пособие. – М.: Книжный дом, 2007. – 256 с.
104. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека / под ред. В.А. Карташкина, Е.А. Лукашевой.* – М., 1999. – 543 с.
105. *Меликов И.М., Гезалов А.А.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // *Вопросы философии.* – 2014. – № 12. – С. 26–32.
106. *Меркушев В.И.* Права человека в контексте культурных различий. Сравнительный анализ современных политологических концепций. – Екатеринбург: Институт философии и права УРО РАН, 2005. – С. 34–51.
107. *Методические рекомендации Министерства образования и науки РФ по формированию многофункциональных центров прикладных квалификаций.* – М., 2013. – 76 с.
108. *Минченко Т.В.* Развитие права свободы совести в постсекулярном мире // *Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы межвузовской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского (26 апреля 2012 г.).* – М.: АППК и ПРО, 2012. – С. 10–16.
109. *Мишина Н.В.* К вопросу об универсальности концепции прав человека // *Права человека: теория, история, практика:*

сборник научных трудов, посвященных 65-летию Всеобщей декларации прав человека // Под общ. ред. Е.М. Павленко. – Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2014. – С. 17–26.

110. *Михеева С.А., Уклечев О.Ю.* Новая модель профессионального обучения: опыт «КАМАЗА» // Профессиональное образование. Столица. – 2015. – № 7. – С. 2–11.

111. *Моисеева Л.В., Вуколова Е.Г.* Организационные формы непрерывного образования // Педагогика. – 2015. – № 1. – С. 81–87.

112. Многоликая глобализация. Культурное многообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 379 с.

113. *Мочалов А.В.* ФГОС — обход перед педсоветом // Народное образование. – 2014. – № 7. – С. 110–118.

114. *Нансо М.Б.* Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // Государство и право. – 2011. – № 8. – С. 20–25.

115. Научные сообщения // Педагогика. – 2014. – № 5. – С. 22–35.

116. *Неборский Е.В.* От классической к постклассической парадигме высшего образования // Педагогика. – 2015. – № 5. – С. 35–41.

117. *Новиков А.М.* Культура как основание содержания образования // Специалист. – 2015. – № 10. – С. 24–29.

118. *Ожегов С.Н.* Словарь русского языка. – 6-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.

119. *Павленко Е.М.* Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека. – М.: Права человека, 2016. – 214 с.

120. *Петренко В.Ф.* Многополярная культура единого человечества // Век глобализации. – 2016. – № 1–2. – С. 126–132.

121. *Петров А.В.* Права человека в русской культурной традиции. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 182 с.

122. Письмо Минобрнауки России от 25.05.2015 № 08-761.

123. Права человека: сборник документов / сост. Г.М. Мелков. – М.: Юридическая литература, 1998. – 608 с.

124. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2005. – 467 с.

125. Право и культура: монография / под общ. ред. В.К. Егорова, Ю.А. Тихомирова, О.Н. Астафьевой. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 462 с. (Серия: Научная библиотека преподавателя высшей школы.)
126. *Придворов Н.А., Тихонова Е.В.* Институты свободы совести и своды вероисповедания в праве современной России. – М.: Юриспруденция, 2007. – 128 с.
127. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. – 2012. – 12 декабря.
128. *Попова М.В.* Компетентность в новой парадигме высшего образования: опыт Дании // Педагогика. – 2015. – № 7. – С. 45–49.
129. Профессиональное образование // Столица. – 2015. – № 3. – С. 3–11.
130. Публичные услуги и право. – М.: Уральская государственная юридическая академия, 2007. – 180 с.
131. *Пчелинцев А.В.* Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012. – 35 с.
132. *Ридингс Билл.* Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Кор. – М.: ВШЭ, 2010. – 304 с.
133. Российская газета. 2009. 19 мая.
134. *Ростовщиков И.В.* Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997. – 190 с.
135. *Рудинский Ф.М.* Наука прав человека и проблемы конституционного права. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2006. – 124 с.
136. *Рудинский Ф.М.* Закон, религия, правонарушения: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1971. – 143 с.
137. *Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А.* Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики. – М.: Права человека, 2009. – 495 с.
138. *Рыбак К.Е.* Музейное право. – М.: ЮРИСТ, 2005. – 122 с.
139. *Савельев В.Н.* Свобода совести: история и теория. – М.: Высшая школа, 1991. – 144 с.

140. *Савина А.К.* Европейское образование: ориентация на интеграцию образовательных систем // Педагогика. – 2014. – № 3. – С. 27–31.
141. Свобода совести, религии и убеждений (проблемы теории и практики) // Российские документы: сборник нормативных правовых актов / сост.: С.А. Бурьянов, Ю.В. Гаврилова, С.С. Савва; под ред. С.А. Бурьянова. – М.: МГПУ, 2011. – 160 с.
142. Свобода совести: проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2012. – 1167 с.
143. Свод нормативных документов ЮНЕСКО. – М., 1991. – 346 с.
144. Сборник документов по библиотечному делу. – 2004. – Вып. 3. – С. 37–54.
145. *Сингх Кишор.* ЮНЕСКО и культурные права // Многоликая глобализация в современном мире / под ред. П. Бергера и Г. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 379 с.
146. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1599 с.
147. *Со А.А.* Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России (на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010. – 24 с.
148. *Соколов А.М.* Аксиологические ориентиры глобализации и пределы экспансии // Вестник СПбГУ. Серия 6. – 2014. – Вып. 4. – С. 62–69.
149. *Солдатов В.М.* Культура и культурная политика современной России в понятийном и нормативно-правовом измерениях // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 1 (57). – С. 34–41.
150. *Соложнин А.В.* Новый закон об образовании: что нового // Народное образование. – 2014. – № 1. – С. 84–92.
151. Социальное законодательство – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2005. – 47 с.
152. *Ставенхаген Р.* Культурные права с точки зрения социальных наук // Культурные права и проблемы связанные с их признанием: сборник документов, посвященных празднованию 50-й годовщины

принятия Всеобщей декларации прав человека. – М.–Лондон: Изд. дом «Магистр ЮНЕСКО», 2003. – С. 15–41.

153. *Степанянец М.Т.* Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 3–15.

154. *Страданченков А.С.* Законодательство в системе координат культуры // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 1 (57). – С. 52–57.

155. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд. – М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. – 685 с.

156. Теория государства и права / отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. – 2-е изд. – Екатеринбург: ИНФРА-М – НОРМА. 2002. – 295 с.

157. *Тетерятников Н.Ю.* Теоретико-правовые аспекты свободы совести: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

158. *Ткаченко Е.В.* Методология подготовки и нормативно-правовое обеспечение сферы образования // Педагогика. – 2014. – № 10. – С. 3–12.

159. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. Юридический институт. – СПб.: Лунь, 1998. – 224 с.

160. *Филимонова М.В.* Защита культурных прав человека в Европе // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе. Серия WP 18. Права человека в современном мире. – М.: ВШЭ, 2012. – С. 4–6.

161. *Фархутдинов И.З.* Международное инвестиционное право и процесс. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.

162. Философия: энциклопедический словарь. Содержание / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

163. *Фомина Н.Б.* Оценка результатов обучения по четким критериям, а не на глазок // Народное образование. – 2014. – № 14. – С. 184–189.

164. *Хабермас Ю.* Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–77.

165. *Харисова Л.А.* Оценка качества деятельности общеобразовательных организаций по реализации ФГОС // Педагогика. – 2015. – № 7. – С. 34–41.

166. Харисова Л.А., Шкаева Т.М. Восприимчивости учреждений общего образования к новшествам и методам их повышения. – Казань, 2011. – 186 с.
167. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 24–33.
168. Шапорева Д.С. Основные культурные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. В.Т. Кобышева. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2012. – 47 с.
169. Шестаков Д. Интеллектуальная собственность // Российская юстиция. – 2000. – № 5. – С. 7–14.
170. Шишенина И.В. Права человека в российских конституционных проектах (1990–1993 гг.). – М.: Права человека, 2010. – 165 с.
171. Школяр Л.В. Современное художественное образование: историко-ретроспективный анализ (Институту художественного образования – 85 лет) // Педагогика. – 2015. – № 6. – С. 31–38.
172. Штопельман Г.М. Феномен человека в деятельном и логико-культурном ракурсах // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 116–127.
173. Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 224 с.
174. Яковлев В.Ф. Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности // Эж-ЮРИСТ. – 2006. – № 19. – С. 13–24.
175. Яшкова Т.А. Политическая модернизация в условиях глобальных трансформационных вызовов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 255 с.
176. Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека. Конституционные вопросы. – Саратов, 1986. – 182 с.
177. Эватт Э. Осуществление культурных прав коренного населения: тематическое исследование по Австралии // Многоликая глобализация. Культурное многообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и Г. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект-пресс, 2004. – С. 90–123.

Диссертации

178. *Богатырев В.В.* Глобализация права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Владимир: Юридический институт ФСИН, 2012. – 404 с.
179. *Волкова Н.В.* Защита культурных прав человека в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РУДН, 2013. – 209 с.
180. *Коршунов А.Н.* Идея глобального права: философско-методологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д., 2010. – 139 с.
181. *Петров А.В.* Философия прав человека в русской культуре: дис. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2009. – 315 с.
182. *Степанова И.В.* Конституционные права и свободы человека и гражданина в области культуры: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РАГС, 2010. – 181 с.
183. *Ткаченко А.П.* Культура защиты прав человека в правовой культуре постсоветской России: дис. ... канд. культурологии. – М., 2006. – 200 с.

**ВОПРОСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ
И ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
(междисциплинарное исследование)**

МОНОГРАФИЯ

Авторский коллектив:
*С.А. Бурьянов, А.И. Кривенький,
Д.А. Пашенцев, Г.В. Романова*

Печатается в авторской редакции

Корректоры: *Л.Г. Овчинникова, С.И. Шостко*
Технический редактор: *О.Г. Арефьева*
Верстка: *Г.П. Васильева*

Формат 60 × 90 1/16. Объем 12,5 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

Московский городской педагогический университет
Научно-информационный центр
129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр., 4